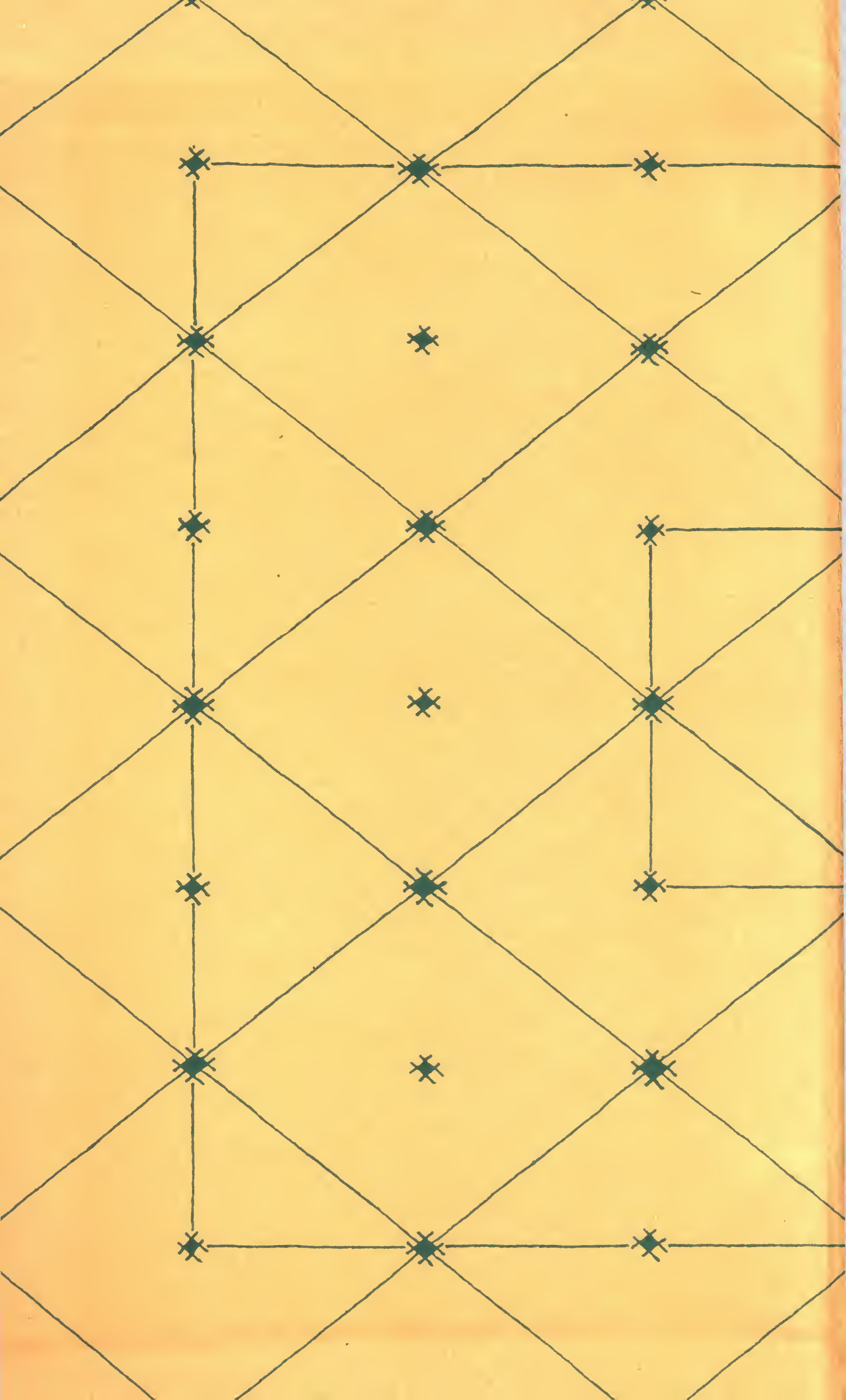
МАХТУМКУЛИ

ИЗБРАННОЕ

МАХТУМКУЛИ

ИЗБРАННОЕ

◇

СТИХИ

ПЕРЕВОД С ТУРКМЕНСКОГО

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1983

С(Туркм) 1
М36

Издание осуществлено совместно
с Институтом языка и литературы
имени Махтумкули Академии наук Туркменской ССР

Составители
Б. А. КАРРЫЕВ, М. ОВЕЗГЕЛЬДЫЕВ

Вступительная статья
М. ГАПУРОВА

Послесловие
Л. КЛИМОВИЧА

Художник
Д. ШИМИЛИС

М $\frac{4702540100\text{-}291}{028(01)\text{-}83}$ 98-83

ПОИСТИНЕ, СТАЛ ОН УСТАМИ ТУРКМЕНИИ...

Память людская судит о поэте прежде всего по тому, насколько смог он отразить в своем творчестве заветные думы и чаяния народа, его интересы, стремления, мечты, в какой мере удалось ему воплотить в произведениях главные проблемы эпохи. Великий туркменский поэт и мыслитель, основоположник туркменского литературного языка Махтумкули (Фраги), 250-летие со дня рождения которого в 1983 году будет отмечать вся страна, своими бессмертными творениями остался в памяти народной. Его имя прочно заняло достойное место в ряду таких выдающихся мыслителей прошлого, как Фирдоуси и Рудаки, Навои и Низами, Данте и Шекспир, Руставели и Пушкин, чье творчество составляет золотой фонд мировой культуры.

Живая связь с народом, с его думами и стремлениями, чаяниями и надеждами, с его трудом и борьбой была той благодатной почвой, на которой выросла поэзия Махтумкули. Она открыла новую, самую яркую и впечатляющую главу в истории дореволюционной туркменской литературы, явилась живительным источником вдохновения для последующей замечательной плеяды выдающихся туркменских поэтов-классиков — Кемине, Молланепеса, Сеиди и Зелили.

Именно от поэзии Махтумкули ведут свое начало мотивы гражданственности, неукротимое стремление осмыслить исторические судьбы народа, увлечь его страстным поэтическим словом и поднять на борьбу за свою свободу и счастье, призывы к добру и справедливости, беспощадное обличение лжи, корысти, тунеядства, раболепия, что составляет самую сердцевину не только классической туркменской литературы, но и всей прогрессивной духовной культуры туркменского народа.

Более двух столетий отделяет нас от времени, когда творил Махтумкули. Это была вторая половина XVIII века — одна из самых поистине трагических страниц в истории туркменского народа. В результате опустошительных захватнических набегов иноземных поработителей обильно поливалась кровью туркменская земля. Из края в край широких степных просторов разносились топот взмыленных коней и скрежет клинков, дым пожарищ, стон и плач ограбленных, насильственно угоняемых в рабство от родных очагов и кочевий людей.

Ужасы захватнических походов шахского Ирана, Бухарского эмирата, Хивинского ханства усугублялись непрекращающимися распрями и внутренними междоусобицами туркменских племен. Все это ослабляло, истощало народ, не давало возможности решительно и организованно выступить против захватчиков-иноземцев.

Не было единства на многострадальной земле великого поэта. С детских лет ему приходилось видеть вражду, насилие и разбой, царившие среди туркменских племен, являвшиеся главным источником тяжелых бедствий простого народа. Поэт глубоко скорбел, сокрушался, наблюдая эти раздоры.

Именно поэтому главной идеей, основным лейтмотивом, проходящим через все творчество Махтумкули, была идея объединения туркменских племен. Мощно и призывно звучит голос поэта, обращенный к своим соплеменникам:

Враг властвует,— а день за днем идет,
В страданиях за родом гибнет род...
И мы — туркмены — терпим этот гнет!
Вставайте, братья, нам нельзя смириться!

Народу ныне говорит Фраги:[1]
Меч доблести, отчизну береги,
Да не коснутся наших роз враги...
Пусть месть клокочет огненною птицей.

(Перевод А. Тарковского)

В стихах поэта вырисовывается облик великого патриота. Родина, народ были для Махтумкули превыше всего. Страдания простого люда отзывались болью в его сердце:

Истощены, угнетены
Отчизны лучшие сыны.
Лихие стали скакуны
Простыми вьючными ослами.

(Перевод А. Тарковского)

Изменить это горестное положение к лучшему — такова мечта Махтумкули. Поэтому, призывая к единению, поэт считал, что каждый туркмен обязан быть воином в борьбе за свободу и независимость своей Родины.

В своих стихах Махтумкули создает образ идеального джигита, бесстрашного в бою, беспощадного к врагу, противопоставляя его жалкому трусу, скряге, презренному торгашу, способному ради наживы на любую низость.

Поэт критикует пороки людей, которые, по его мнению, обедняют высокий моральный уровень, ослабляют неукротимый дух народа.

---

[1] Фраги — псевдоним Махтумкули.

Он предостерегал своих читателей и слушателей от лжи, жадности, проповедуя дружбу, честность, правдивость, любовь к труду, сострадание к бедняку:

Не мучай друга словом безотрадным;
Голодного за стол свой посади;
Будь строг и сух с завистливым и жадным;
Любовь к труду храни в своей груди.

Приветлив будь с бездомным сиротою,
Прими его, согрей, снабди едою;
Будь с грустным добр и раздели душою
Его беду, в его дела войди.

(Перевод Г. Шенгели).

Создание яркого поэтического образа положительного героя — носителя высоких нравственных качеств — Махтумкули считал лучшим воспитательным фактором в утверждении справедливости, искоренении господствующих в обществе пороков и бедствий. Поэтическое слово, по его мнению, призвано воспитывать в людях высокие нравственные качества, способствовать изживанию всего низменного, ничтожного, будить в человеке возвышенные, благородные мысли и чувства. В стихотворениях «Певец», «Наставление», «Ты», «Не останется» поэт обращается к мужественным и отважным сынам народа с призывом грудью встать на защиту поруганной врагами родины, стремясь укрепить в них смелость и преданность. Он презирает людей, которые погрязли в мирской суете с ее мелочными заботами, в водовороте грошовых интересов, растрачивающих силы на личные эгоистические цели («Лежать беспечно на кошме, быть вечно праздным — смертный грех»). Главное в жизни человека — всегда видеть высокую и благородную цель служения народу, отдавать ему всю энергию и помыслы и верить в успех этого благородного дела.

Стихи Махтумкули, пронизанные пламенной любовью к народу, желанием охранить его в грозный час бедствий, получили широкое признание туркмен, стали своего рода заповедями, пословицами и поговорками. Не случайно в годы Великой Отечественной войны в письмах на фронт цитировались стихи поэта, родные старались ободрить воинов, вселить в них смелость и отвагу.

Махтумкули смело обрушивается на произвол и лицемерие ханов и их приспешников мулл, ишанов, баев, казиев, борясь тем самым против мрачных и темных сил, угнетающих человека. В стихотворении «Страшный суд» поэт поднимается до уровня обличительной сатиры власть имущих.

Проповедник-мулла нам бормочет вздор.
Мы живем шариату наперекор.
Заправляют делами голод и мор.
Разъясните мне, скоро ли Страшный суд?

Муфтий взятки берет с обеих сторон,
Чтоб того засудить, кто им разорен.
Нас измучили распри, вражда племен.
Разъясните мне, скоро ли Страшный суд?

(Перевод М. Тарковского)

Непримиримая ненависть к угнетателям остается самой сильной стороной творчества Махтумкули. Поэт понимал, что только уничтожив социальный гнет, можно сделать народ счастливым. Пропагандируя гуманизм, правдивость, он возлагал надежду на торжество добра.

Махтумкули не устает воспевать лучшие качества в человеке. Во всех своих произведениях он преследует одну цель: внушить людям, что они не рабы, а поэтому должны быть творцами своей жизни.

Естественно, сын своего века, Махтумкули не видел и не мог видеть подлинных перспектив исторического развития, не знал и не мог знать действительных путей к осуществлению своих идеалов, в чем с болью признается в стихотворении «Наставление»: «Махтумкули, ты не нашел лекарства от злобы мира и коварства».

Наблюдая с горечью, как цепко держится зло в мире, как много бед у народа, как он бессилен вырваться из неумолимых оков социальной несправедливости, Махтумкули нередко впадал в пессимизм, в уныние, порой взывая к богу, как к главному судье. Конечно, в этом была неизбежная историческая ограниченность его взглядов.

И все же не это главное в творчестве туркменского поэта. В основе своей поэзия Махтумкули жизнелюбива, проникнута светом, жизнеутверждающими мотивами.

Поэт XVIII века, плоть от плоти народа, Махтумкули сумел выразить лучшие стремления передовых умов своего времени, думы и чаяния своих земляков. Он вобрал в свой поэтический мир все краски и богатства народного творчества, расширил и пополнил его, внес много нового и своеобразного. Его поэзия выдержала суровое испытание — испытание временем, дошла до наших дней в своей покоряющей первозданной чистоте, потрясая глубокими мыслями и чувствами, которые так близки и дороги нам, людям 80-х годов XX века.

Оглядываясь на пройденный путь, Махтумкули писал:

Потомкам запомнится Махтумкули:
Поистине, стал он устами Туркмении.

(Перевод А. Тарковского)

И мы с уверенностью говорим: да, Махтумкули и сегодня с нами. Его поэтическое наследие — это большой и яркий, самобытный вклад нашего народа в мировую культуру, оно помогает нам глубже понять прошлое туркменского народа, его духовный облик, борьбу

против внутренних и иноземных поработителей, помогает верно раскрыть многие социальные, морально-этические, нравственные проблемы минувших веков и в то же время увидеть те общие мотивы, интересы, стремления, которые характерны для многих народов.

Махтумкули взял себе псевдоним Фраги — в буквальном переводе «разлученный» (имеется в виду: разлученный со счастьем), печальный. Печальный оттого, что народ его томился в нищете и бесправии и орды иноземных насильников топтали его родную землю. Философ, патриот, лирик и обличитель, Махтумкули силой поэтического гения сумел раздвинуть века, предвосхитить счастливое, светлое будущее своего края и народа:

Единой семьею живут племена,
Для тоя расстелена скатерть одна,
Высокая доля отчизне дана...

Здесь братство — обычай и дружба — закон
Для славных родов и могучих племен.

(Перевод А. Тарковского)

Настали эти времена. Больше того, стихи поэта мы воспринимаем не только применительно к Туркменистану, но ко всей нашей могучей многонациональной социалистической Родине.

Только победа Великого Октября положила конец национальному и социальному угнетению, открыла путь к свободе и счастью. Впервые за многовековую историю туркмены обрели государственность, образовав Туркменскую Советскую Социалистическую Республику — равную среди равных в монолитном Союзе Советских Социалистических Республик. И если на протяжении одного поколения туркменский народ прошел путь столетий, шагнув из феодализма в социализм, минуя целую социально-историческую формацию, то случилось это только благодаря великому Ленину и созданной им Коммунистической партии, ленинской национальной политике, дружбе народов и прежде всего великого русского народа.

Ныне Туркменистан — родина Махтумкули — республика с высокоразвитой, многоотраслевой промышленностью, крупным механизированным сельским хозяйством, передовой наукой и высокой культурой. Плечом к плечу со всеми советскими республиками уверенной поступью в строительстве светлого здания нового общества идет Туркменская ССР. В 1984 году трудящиеся республики широко отметят 60-летие со дня образования ТССР и Коммунистической партии Туркменистана. И конечно же, на этом всенародном празднике благодарные потомки не раз вспомнят имя великого Махтумкули, его бессмертные стихи, проникнутые горячей любовью к Родине.

Неиссякаема любовь народа к своему поэту. Она не ослабевает с годами, а непрерывно растет. Его именем названы многие колхозы,

совхозы, институты, улицы. Популярность Махтумкули давно перешагнула границы воспетого им отчего края. Его стихи не раз переводились на русский, украинский, узбекский, армянский, белорусский, азербайджанский и многие другие языки народов СССР. Такова уж особенность, специфическая природа советской социалистической культуры — каждая нация, каждый народ вносит в нее свой вклад, в том числе и лучшие духовные ценности, созданные в прошлом.

«Жизнь наглядно показывает,— сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев на торжествах в Ташкенте в марте 1982 года,— что, вопреки клевете наших недругов, социализм не только не ведет к утрате народами своего неповторимого лица, особенностей культуры, традиций, а поднимает это своеобразие на новую высоту и делает его достоянием многих других народов».

Многолетний опыт развития советской многонациональной литературы и искусства — убедительное тому свидетельство. И еще один яркий пример тому — 250-летие со дня рождения Махтумкули, праздник, который вместе с туркменским народом отмечают все народы Советского Союза.

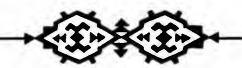
К живительному источнику бессмертной поэзии Махтумкули постоянно обращаются философы и историки, композиторы и художники, этнографы и экономисты, литературоведы и поэты. Богатейшее наследие Фраги, этапы его многотрудной жизни и борьбы исследуются виднейшими учеными Советского Союза. В Академии наук ТССР создан Институт языка и литературы, который носит имя Махтумкули, организован специальный отдел по изучению его поэзии. В поисках новых материалов систематически организуются экспедиции и на родину великого поэта в долину Сумбара, и к берегам Амударьи, и в соседние республики, страны, где народ бережно хранит все, что связано с его именем. Песни на слова Махтумкули звучат не только в Туркменистане, но и в городах и селениях Узбекистана, Каракалпакии, Азербайджана, Ставрополья, Татарии.

Современные писатели неизменно черпают свое вдохновение в замечательных стихах Махтумкули, считая его своим учителем.

Великому поэту посвящаются романы и повести, поэмы и пьесы, кинофильмы, вдохновенные стихи. И еще многие поколения будут продолжать эту работу, по-своему раскрывая духовно богатый, сложный и подчас противоречивый образ любимого поэта.

Талант его выдержал испытание временем. Гений Махтумкули бессмертен, он в песнях и думах народа.

М. Гапуров,
первый секретарь ЦК
Компартии Туркменистана

БУДУЩЕЕ ТУРКМЕНИИ

Овеяна ширь от хазарских зыбей
До глади Джейхуна ветрами Туркмении.
Блаженство очей моих, роза полей,—
Поток, порожденный горами Туркмении!

И тень и прохлада в туркменских садах;
И неры и майи пасутся в степях;
Рейхан расцветает в охряных песках;
Луга изобильны цветами Туркмении.

В зеленом ли, алом ли пери пройдет —
В лицо благовонною амброй пахнет.
Возглавлен мудрейшими дружный народ,
Гордится земля городами Туркмении.

Душа Гёр-оглы в его братьях жива;
Взгляните, друзья, на туркменского льва:
Пощады не ищет его голова,
Когда он встает пред врагами Туркмении.

Единой семьею живут племена,
Для тоя расстелена скатерть одна,
Высокая доля отчизне дана,
И тает гранит пред войсками Туркмении.

Посмотрит во гневе на гору джигит —
Робеет гора и рубином горит.
Не воды, а мед в половодье бурлит,
И влага — в союзе с полями Туркмении.

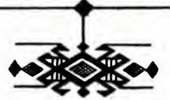
Туркмена врасплох не застигнет война;
Былую нужду позабыла страна;
Здесь розы не вянут — из них ни одна
Не ропщет в разлуке с певцами Туркмении.

Здесь братство — обычай и дружба — закон
Для славных родов и могучих племен,
И если на битву народ ополчен,
Трепещут враги пред сынами Туркмении.

Куда бы дороги туркмен ни вели,
Расступятся горные кряжи земли.
Потомкам запомнится Махтумкули:
Поистине, стал он устами Туркмении.

КНИГА ПОЗНАНИЯ

ОТКРОВЕНИЕ

Предстали мне, когда я в полночь лег,
Четыре всадника: «Вставай!— сказали,—
Мы знак дадим, когда настанет срок.
Внимай, смотри, запоминай!» — сказали.

Затрепетало сердце, я притих,
Когда взглянул на этих четверых.
Юродивые были возле них —
Они мне: «Юноша, ступай!» — сказали.

Юродивые дали руки мне,
И мы пошли по дремлющей стране;
И некий знак забрезжил в вышине...
«Теперь садись и отдыхай!» — сказали.

Шесть путников я разглядел вдали.
Сидели мы; два пир-заде пришли;
Потоки слез у них из глаз текли.
«Он скоро будет. Ожидай!» — сказали.

И четверо в зеленом, на конях
Невиданных, взметая легкий прах,
Приблизились, привстав на стременах.
«Для встречи тесен этот край!» — сказали.

Увидел я шестидесятерых
Издалека летящих верховых.
«Спешим навстречу! Мухаммед средь них!
И ты его сопровождай!» — сказали.

На круп коня я поднят был. Меня
Как бурей мчало. Я сошел с коня.
Все в круг сошлись, молчание храня.
Я был в средине. «Руку дай!»— сказали.

«Сей муж — Али!» Из-под моих ступней
Тот выхватил циновку. Средь мужей
Упал я навзничь. На груди моей
Был некий груз. Мне: «Вопрошай!»— сказали.

Я спрашивал — и отвечал имам:
«Святой пророк предстал твоим очам,
За ним — халифы первые, а там —
Увейс-Карани — не забывай!»— сказали.

«Ты видел их, земного праха сын!
Взгляни на тех мужей. Средь них один —
Зенги-Баба, другой — Бехауддин.
Заветной цели не скрывай!»— сказали.

Тогда пророк двум шейхам повелел:
«Благословите жизненный удел
Того раба!» И я привстать хотел,
Но мне: «Лежи, молчи, внимай!»— сказали.

Сказал пророк: «Он жаждой обуян.
Подайте чашу, о Шахимердан,
Абу-Бекир, Омар и ты, Осман!»
И мне — мужи: «Не проливай!»— сказали.

И плоть мою на муки обрекли.
Я выпил все, что в чаше принесли;
Сгорел мой разум, я лежал в пыли...
«Мир — пред тобой. Иди, взирай!»— сказали.

Тогда я в жилы недр земных проник
И, вихрем встав, седьмых небес достиг.
И мне: «Теперь ты властен в краткий миг
Окинуть взором звездный рай!»— сказали.

Открылись мне далекие края
И тайные движенья бытия.
Так я лежал, дыханье затая.
И благословив меня: «Вставай!»— сказали.

И отвезти меня в родимый дом
Пророк велел халифам четырем.
И мчались мы; и ночь была кругом.
Мы спешились, и мне: «Ступай!» — сказали.

Открыв глаза, встал я — Махтумкули.
Какие думы чередою шли!
Потоки пены с губ моих текли.
«Теперь блуждай из края в край!» — сказали...

МЕДРЕСЕ ШИРГАЗИ

Три года что ни день ты соль делил со мною,—
Прости, я ухожу, прекрасный Ширгази!
Ты мне приютом был зимою и весною,—
Прости, я ухожу, прекрасный Ширгази!

Господь мне подал знак, и завязал я пояс,
Я речь обрел, твоих сокровищ удостоясь.
«Приди!» — сказали мне геркезы, беспокоясь,—
Прости, я ухожу, прекрасный Ширгази!

Я буду жить, врага и друга различая,
Мне истина теперь — союзница святая,
Была мне книга здесь открыта золотая.
Прости, я ухожу, прекрасный Ширгази!

Мой разум беден был, но чаша закипела,
И сердце замерло, душа моя запела...
....[1]
Прости, я ухожу, прекрасный Ширгази!

Мой дух разгневанный да не узнает страха,
Да не погрязнет он среди мирского праха!
Тобой воспитанный, он брошен в мир с размаха...
Прости, я ухожу, прекрасный Ширгази!

Нетерпеливый ум, лишенный света знаний,
Не раскрывая тайн, заблудится в тумане;
А для меня — коня ты оседлал заране.
Прости, я ухожу, прекрасный Ширгази!

---

[1] Соответствующий стих подлинника утрачен.

Я думал: и в песке я стану водолазом,
Беспечно воспарит мой окрыленный разум,
Да насладится мир, припав к моим рассказам...
Прости, я ухожу, прекрасный Ширгази!

Расцвета я достиг. А ныне злая сила,
Вручив мне посох мой, отца меня лишила.
С Каабою моей жестоко разлучила.
Прости, я ухожу, прекрасный Ширгази!

Среди ревущих волн ищу желанной мели:
Я перешел Джейхун — и ливни зашумели.
Попал я в водоверть. Прости, приют веселий,
Прости, я ухожу, прекрасный Ширгази!

Не ранили души минутных бед уколы;
Наставников своих высокие глаголы
Любил Махтумкули. Прощайте, двери школы!
Прости, я ухожу, прекрасный Ширгази!

ЖЕЛАНИЕ СТРАНСТВИЙ

Мне родимые холмы,
Дехистан увидеть хочется.
Мир-Кулал, Бехауддин,
Мне ваш стан увидеть хочется!

Арша блещущий венец,
Упование сердец,
Мне тебя, благой отец
Мусульман, увидеть хочется.

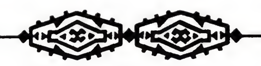
Путник сядет, отдохнет
И своим путем пойдет.
Мне пределы, в свой черед,
Чуждых стран увидеть хочется.

Побродить в степи глухой,
Поглядеть с горы крутой,—
Мне добра и зла мирской
Океан увидеть хочется.

В Хиндостан и там и тут
В Туркестан пути ведут...
Мне святых мужей приют —
Румистан увидеть хочется.

Буйство духа, мир страстей,
Семь нагорий, семь морей,
Суеты — в кругу людей —
Мне дурман увидеть хочется.

Счастья ждет Махтумкули,
Чтобы слезы потекли;
Мне Каабу, хоть вдали,
Сквозь туман увидеть хочется.

РАЗГОВОР С ОТЦОМ

А з а д и

Открой мне тайну, умоляю я;
Моей мольбы не отвергай, птенец мой!
Полна тревогой голова моя,
Страданий мне не причиняй, птенец мой!

М а х т у м к у л и

Здесь тайны нет: робел немного я;
Все честно расскажу,— внемли, отец мой;
Полна тревогой голова моя —
Манят сады чужой земли, отец мой!

А з а д и

Ты захотел, несчастный, болей, ран?
Зачем тебе чужой султан иль хан?
Прими удел, что здесь нам богом дан.
Зачем ты едешь в дальний край, птенец мой?

М а х т у м к у л и

Не пять, не шесть собралось нас в поход,
Едва ли нас в пути невзгода ждет;
Поехав, я обрадую народ,
И сердцем я уже вдали, отец мой!

А з а д и

К чему тебе чужие рубежи?
Куда тебя влекут мечты, скажи?
С кем наконец поедешь ты, скажи?
В смущенье глаз не опускай, птенец мой!

М а х т у м к у л и

Поводырем у Язырхана я;
Душа, как птица, взреяла моя!
Пойми: народ мой, все мои друзья
От долгих слез изнемогли, отец мой!

Азади

Ты не привык, ты молод; долог путь;
Езда ночная; негде отдохнуть;
Оставь затею вздорную, забудь,
Сбираться в путь не начинай, птенец мой!

Махтумкули

Позволит бог, и сможем мы дойти;
Не так я молод: знаю все пути;
Не причиняй мне горя, отпусти,
Мое влеченье утоли, отец мой!

Азади

Чужие ты обрадуешь сердца,
Меня ж оставишь в горе без конца;
Не покидай, дитя мое, отца,
Напрасно сил не расточай, птенец мой!

Махтумкули

Мою мечту в меня вложил ислам!
Быть может, я народу счастье дам!
Не мучь меня, удерживая,— сам
Скорей мне ехать повели, отец мой!

Азади

Но ведь и здесь тебе открыт Коран!
Разбойниками полн Афганистан:
На всех тропах — засада иль капкан,
Опасен путь! Ты это знай, птенец мой!

Махтумкули

Что ж, я дерзну, проверю «день и год»,
Узнаю, что сулил мне звездный ход.
Все в божьей воле: если смерть придет,
То я и здесь паду в пыли, отец мой!

Азади

Ну что ж! С тобой согласен Азади.
Быть может, радость ждет нас впереди.
Тебя благословляю я — иди,
Господь с тобою, поезжай, птенец мой!

Махтумкули

Фраги ликует: все мечты сбылись,
И снова сердце птицей рвется ввысь!
Прощай, отец, пред истиной склонись
И бога обо мне моли, отец мой!

НУЖДА

Как несчастен человек!
Гол родится — дай халат;
Подрастет — давай чурек:
Молоку уж он не рад.

Лет семи — нужда опять:
Чтобы радовалась мать,
Чтобы истину познать,—
Книгу дай — исток услад.

Крепнут руки и спина,
Близко юности весна;
Скоро девушка нужна,—
Косы черные до пят.

Свеж и сладок юный рот,
К наслажденью он зовет;
А затем — пора забот:
Хлеба нужно для ребят.

Ум гордыней обуян,
Жаждет власти, новых стран;
Рум возьмет и Френгистан,—
Мало: дай Лагор, Багдад!

А когда придет недуг,—
Горы золота вокруг
Не спасут от горьких мук:
Нужен в сердце новый клад.

А как смертный час пробьет,
Все земное отойдет:
В мире больше нет забот,
Нужен только божий взгляд!..

Ах, Фраги, чтоб путь сыскать,
Смысл глубоких дум понять,
Ум тропой добра послать,—
Мудрый нужен друг иль брат!

НЕ ОКАЖЕТСЯ

Сгодится на худой конец килим,
Если у нас халата не окажется.
Бедняк насытится куском сухим,
Если муки когда-то не окажется.

Надеется весною бедный люд,
Что урожай вознаградит их труд,
Беда, когда чарык твой станет худ,
И кожи на заплаты не окажется.

Из косточки урюка ни лимон,
Ни огурец не может быть взращен.
Пастух хранить молчанье обречен,
Когда вблизи собрата не окажется.

Хоть ты беззуб, сообразишь тотчас,
Как корку съесть, которую припас,
Беда, коль у кого-нибудь из нас
И корки в час проклятый не окажется.

Фраги, враждой напрасной не греши,
Что не окончил, завершить спеши,
Всего страшнее, если и души
В грядущий час расплаты не окажется.

НЕ МОГУ ОТЛИЧИТЬ

Дервиш, мудрый аскет, дал мне чашу пригубить.
Что случилось со мною?
Где михраб, где мечеть? Я одно от другого
не могу отличить.
Этот хмель уничтожил, как пламя солому, весь
мой опыт земной:
Пышных сводов дворцов от пастушьего крова
не могу отличить.

Пламя вечной тоски... Исчезай, мое тело, словно
хворост гори!
Буду я обжигать. Пожелавший согреться, слов
моих не бери:
Мое слово, как уголь, почерневший снаружи,
ярко-красный внутри.
Я несчастья людского от счастья людского не
могу отличить.

Я в жилище пришел, где не жили от века и никто
не живет.
Я в широких степях не найду себе места, а вот
ворон найдет.
Дарит мне этот мир не любви наслажденья,
а удары невзгод —
Я сияющий день от покрова ночного не могу
отличить.

Стал я жадным и цепким, жестоким и грубым —
мне теперь все равно.
Но, как мудрому мудрость, стремленье к любимой
было сердцу дано.

И не зря в нашем мире есть мудрости чаша, есть
и просто вино.
Пусть я книги простой от Корана святого не могу
отличить!

О Фраги, чья обитель теперь многолюдна! В этот
радостный час
Шейхи встали с приветом, а кто помоложе —
пускаются в пляс.
Лик любимой, как луч: он на миг показался,
чтобы скрыться из глаз.
Я вино от воды, осчастливленный снова, не могу
отличить!

ПЛАМЯ

Вдохновенье нежданной придет грозою —
И готово мечты твоей взвиться пламя.
Хочешь ты, но не можешь забыть былое —
И готово тоски заклубиться пламя.

Если по утру дервиш, начав моленье,
Схватит нож и убьет себя в исступленье,
Если волю творца проклянет творенье —
До небес долетит, словно птица, пламя.

Глупый с мудрым равняет себя. И все же
Что глупец, кроме глупости, сделать может?
Он, явившись помочь, несчастья умножит,
И надежда твоя превратится в пламя.

Если истину знать небеса мне сулят,
Если ум вдохновения не остудит,—
Ни земли, ни воды, ни Фраги не будет,
Ибо весь этот мир воплотится в пламя!

ПРИНЕС

Накшбенди ко мне явился в час ночной,
И огонь своей души во сне принес:
Он держал бокал вина в руке одной,
Свежий хлеб в другой руке он мне принес.

Пробужденный появленьем старика,
Я бокал опорожнил за два глотка.
Но такая обуяла вдруг тоска,
Будто он свою печаль в вине принес.

Слезы брызнули из глаз — не вытирай!
Это хлынуло волненье через край.
Накшбенди мне подал знак: «Вперед шагай!»
Зашагав, себе я боль вдвойне принес.

Не поняв его, не шел я, а летел —
Я свидания с любимой захотел.
Полюбив, познал отчаянья предел.
Но лекарства от любви он не принес.

Потрясенный поднялся Махтумкули,
Но слова на волю выйти не могли.
Старец вместе с огорченьями любви
Опьянение в ее огне принес.

БУДЕТ ПЛАКАТЬ ДЕРЕВО

Зарыдает дерево сухое,
Весть услышав о беде моей,
Затаит страдание глухое,
Кто узнает только раз о ней.

Сам Карун раздаст свое именье,
Человек умрет без сожаленья,
Солнце потемнеет от волненья
И не будет ярких лить лучей.

В уголке глухом я буду, пленный,
Помнить о красе твоей нетленной,
И тогда найду я клад бесценный
Даже меж развалин, средь камней.

Пусть невежда в душу мне заглянет —
Все поймет, что перед ним предстанет.
Наглядевшись, умудренным станет,
Будет всех умнее и храбрей.

«Зира» и «забара» кто не знает —
Пусть меня на помощь призывает.
Кто «алиф» от «би» не отличает —
Вмиг прочтет Коран, все пять частей.

Бесполезно царь Джемшид трудился —
Накопив казну, он с ней простился;
Зал сражался — но чего добился?
Был Лукман не вечен, чудодей.

Я, Фраги, томим любовной жаждой,
Разум свой терял я не однажды.
Лишь найти его — и сможет каждый
В небо полететь стрелы резвей.

Гор, Махтумкули, стихом не сдвинуть,
Лишние слова пора отринуть,
А когда придется мир покинуть,—
Бог спасет. Ты только ждать умей.

ПРИЗНАНИЕ

Горящее сердце, смертельный ожог — есть у меня;
Базар опустевший, разбитый чертог — есть у меня;
Огонь беспокойства и пламя тревог — есть у меня;
О двух опаленных крылах мотылек — есть у меня;
Еще Хиндостан за туманом дорог — есть у меня.

Бледнеет луна — ты восходишь, свой лик открывая,
И пеплом в саду рассыпается роза живая;
Для мира твой гнев — меч судьбы, водоверть роковая.
Стою пред тобою, арабскую речь забывая;
Остывшая плоть и могильный песок — есть у меня.

Как сумрачный латник, надвинулась тучи громада,
И кончилась битва; и лилии райского сада
Цветут на земле; и весенняя дышит прохлада.
В Эдем превратилась темница кромешного ада:
Над грешной землею господен пророк — есть у меня.

Пространство и время любви подчинились могучей;
Соскучась по светлому лику и речи певучей,
На землю слетает звезда за звездою падучей;
С блаженными розами ветер играет летучий...
Красавица нежная, как лепесток,— есть у меня.

Но в клетке моей покидает меня сновиденье.
Пою, соловей, ненавижу свое заточенье.
Смертельную скорбь мне сулит одинокое бденье.
На что мне Эдем, если путь мой — любовь и мученье,
И рай — у возлюбленной в прахе у ног — есть у меня.

Встречавший — блажен, повстречавший тебя —
истомится.
Я дымом истаю — позволь пред тобою склониться.
Я гибну от жажды — откройся в пустыне, криница!

Струится коса твоя — как Зеравшан не струится!
Коса твоя — море, волна-завиток — есть у меня.

На след нападет — не упустит охотник марала.
Тяжелой косою ты руки мне туго связала.
Когда бы ты речи услышать мои пожелала,
Ужели меня устрашило бы зависти жало?
Рыданья и вечная жалоба: «Я одинок!» — есть у меня.

Народ разделяет мое неизбывное горе;
Печальные розы моих терпеливых нагорий
Ждут песен Фраги; потемнело Хазарское море:
Какие дестаны в твоем заблудились просторе!
И только отравленный мед этих строк — есть у меня...

ДНИ

Древнее вас, вершины гор,
Идут полуживые дни.
Возьмите, горы, мой позор,
Душе моей чужие дни!

Я горьким сиротою стал,
Я веткою сухою стал,
Безрадостной весною стал,
Встречая роковые дни.

Мамед-Сапа и Абдулла
Исчезли; с ними жизнь ушла.
Невеселы мои дела
И сумрачны пустые дни.

Потомство сгинуло мое,
Из рук я выронил копье;
В Тавризе б я нашел жилье,
Да помешали злые дни.

Махтумкули — безвольный прах.
О боже, я в твоих руках!
Гоклены, мой народ, в слезах:
Ведут врагов глухие дни...

ПРИДЕТ

Того плохим я назову, кто, не сдержав слепой порыв,
В горячке схватится за меч и в безрассудный гнев
впадет.
Кто, ради прихоти пустой влюбленных грубо разлучив,
Над горем потешаясь их, сам припеваючи живет.

Твой друг сбирается в поход, его за стремя не держи;
Не откровенничай с врагом и с двоедушным не дружи;
В долг не проси у богача, голодным хлеба одолжи
И не советуйся с глупцом, который дела не поймет.

Поглотит нас земная твердь. Сегодня — этих,
завтра — тех.
Лежать беспечно на кошме, быть вечно праздным —
смертный грех.
Благие совершай дела,— и будешь ты счастливей всех.
Беда, коль жаждущий еды голодным от тебя уйдет.

Скупой подобен мертвецу и дом его — забытый храм.
Он нечисть радует в аду, в который будет ввергнут сам.
Я знаю пиров и святош, они для вида чтут ислам.
Дай волю — все они пожрут, все истребит их хищный
род.

Ты можешь стены воздвигать, но и за каменной стеной
Ты неизбежно встретишь смерть, как я в кибитке
кочевой,
Достойно встреть последний час — последний луч
заката твой.
Как будто это не закат, а торжествующий восход.

Иной похвастаться горазд: мне все известно, я знаток.
А что он знает? Ничего, он скудоумен, недалек.
Чем быть святошей и ханжой, будь сердцем мягок,
не жесток.
И умиления слеза росою на глазах блеснет.

Махтумкули, правдивым будь, и все, что знаешь, говори.
Чем в праздной лености лежать, читай и думай до зари.
Чем жить с злонравною женой — любую кару избери.
Сгоришь в геенне, коль тебе жена-злодейка попадет.

ПОЙМЕТ ЛИ?

Утративший достоинство джигит,
Где светлый день, где мрак ночной — поймет ли?
Пропойца горький, потерявший стыд,
Где благочестье, где разбой, поймет ли?

Глупцу бессмысленно давать совет.
Разумным испытанья — не во вред.
Собаке брось что хочешь на обед,—
Все съест она, а вкус какой — поймет ли?

Пусть гром небесный грянет с высоты,
Он не пробьет природной глухоты.
Неверный может соблюдать посты,
Но смысл намаза он душой поймет ли?

Нер никогда письма не разберет:
Ослов ценить не станет коневод,
Джигит в сраженье поведет народ.
Всю радость битвы трус дрянной поймет ли?

Махтумкули сказал всю правду вам,
Но глухи вы к правдивейшим словам.
Кто зряч, тот в жизни разберется сам.
Где медь, где серебро, слепой поймет ли?

НЕ ПОЙМУ

Испив печали горькое вино,
Что — встреча, что — разлука, не пойму.
Служивший делу истины давно,
Что — радость и что — мука, не пойму.

Приходит смерть, и муж, подобный льву,
Сраженный ею, падает в траву.
Где смерть берет такую тетиву
И дерево для лука, не пойму.

Вступая в жизнь, моим словам внемли.
Дна нет у мира, края у земли.
Мгновенья ли, эпохи ли прошли,
Порой в часы досуга не пойму.

Я жизнь свою растратил на торгах.
Не устоял я в битве на ногах.
То море или лужа в берегах,
Знак севера иль юга, не пойму.

Вошел я в омут жизни с головой,
Прошел степями с выжженной травой,
Но где граница для души живой
И где ее округа, не пойму.

Я цвет земной небесным заменил.
Я голубым представил этот мир.
И все же цвета он не изменил,
Где цвет врага, где — друга, не пойму.

Отправившийся в путь поймет не вдруг,
Тяжел иль легок богом данный вьюк.
Махтумкули, любовь твоя недуг
Иль средство от недуга, не пойму.

НЫНЕ

Мотыльком метнулся в пламя, одержимым стал я ныне.
На жаровне страсти тлея, пеплом, дымом стал я ныне,
Плачем исхожу, для горя уязвимым стал я ныне.
Путь открыт — идите, грабьте,— недвижимым стал я
ныне.
От друзей бежал я, чуждым, нетерпимым стал я ныне.

Мысль пожить в охоту ныне выкинул из головы я,
Повернись, вглядись, должно быть, видишь облик свой
впервые.
Коль сожжешь себя, развеют пепел ветры грозовые,
Пьян я с горя, черной страстью той палимым стал я
ныне.

От меня нет пользы миру, для меня в нем мало прока.
Ныне мне не до веселья,— жжет недуг меня жестоко.
Не купить за грош вселенной, ценят тут ее высоко.
Где здесь враг, где друг, не знаю — жизнь одна
сплошная склока.
Кто поймет меня? Безвестным нелюдимом стал я ныне.

Полон дум на дол набрел я, там явилось мне виденье:
От себя душа, я видел, отреклась и стала тенью,
О себе забыло сердце, плоть истаяла в раденье,
Рать собрав, любовь мгновенно дум разрушила
владенье.
Ум разграблен, одичалым и гонимым стал я ныне.

Как же мне, Фраги, порою ливнем слез не
разразиться?—
Я увяз в болоте мыслей, в топь ушел до поясницы,
Станет прахом город сердца, если плоти дух лишится,
Это страсть о том хлопочет, ревность к этому стремится.
Непреклонным перед грозным их нажимом стал я ныне.

ПЕРЕД ЛИЦОМ СОБЛАЗНА

Коль смертный ты, не делай скверных дел;
Знай: в судный день предъявят злое дело.
Когда шайтан тебя увлечь сумел,—
Знай, что тебя ославит злое дело.

Страсть говорит: «Как сладостен порок!»
Дух говорит: «С тобою рядом бог;
Как от него свой грех ты спрятать мог?
Тебя пропасть заставит злое дело!»

Пред человеком два лежат пути;
Которым же захочешь ты пойти?
Ты в день суда возжаждешь рай найти,—
Но в ад тебя отправит злое дело!

Жизнь — как весна: дни, как часы, летят;
Воздержан будь и милосерден, брат,
Для добрых — рай, а для порочных — ад;
И адских мук прибавит злое дело.

Не ставь себя добычей всех ветров,
Противостать соблазну будь готов,
Не говори противных сердцу слов:
Твой светлый дух подавит злое дело.

Ты — странник здесь, а строишь прочный дом!
Тебе недолго жить в кругу земном;
Когда же ты предстанешь пред судом,
То оплатить заставят злое дело.

Лукавый шепчет: «Сладостен разврат!»
Бог говорит: «Пусть похоти молчат!»
Сунь руку в горн, Фраги, познаешь ад!
Обжегшийся оставит злое дело.

ОПОМНИСЬ, СЕРДЦЕ!

Опомнись, сердце! Оглядись кругом!
Опять в волненье закипело ты!
Иль нет других с подобным языком?!
Все тайны раскрываешь смело ты!

«Похожих нет в подлунной»,— говорят.
А ошибешься — тут же разбранят.
Ужель не ведает любовь преград?
Перешагнул чрез все пределы ты.

Когда стоишь в пустыне недвижим
И прикипает песнь к устам твоим,—
Дивятся люди, ты дивишься им,
На них глядишь остолбенело ты.

Бессмертия твоим словам не знать,
Хоть силы все и весь огонь растрать!
Ты сам себя в недуг сумел вогнать,
Ввязался сам в пустое дело ты!

Махтумкули, куда тебе идти?
Ты тридцать пятый год уже в пути.
Чем усладился? Что сумел найти?
О сердце, что уразумело ты?..

К НОВОЙ МИЛОЙ

Бог — по милости иль в гневе —
Для души дворец возвел;
Девять месяцев во чреве
Пробыл я и в мир пришел.

Спеленали, обнимали,
С нежной лаской целовали,
Но отец и мать едва ли
Ждали столько бед и зол.

Жизнь трудна зимой и летом;
Что мне делать в мире этом?..
Ах, не смейтесь над поэтом,
Что он эту речь завел!

Ветер страсти в душу хлещет,
Ум во мгле слепой трепещет,
И крылами песня плещет,
Как привязанный орел.

И Фраги взывает к богу:
«Ты вселил мне в дух тревогу,—
Дай, чтоб старую дорогу
К новой милой я нашел!»

СОН

В одну из пятниц сон я видел странный:
Приснилось мне, что я крылат, друзья.
Я в небо взмыл, в его простор безгранный,
Где звездных сфер извечный лад, друзья.

И Млечный Путь пред восхищенным взглядом
Явился дивным многоцветным садом:
Он весь повит был рдяным виноградом
Средь груш, и яблок, и гранат, друзья.

И я глядел, глядел благоговейно;
Трель соловья струилась тиховейно,
Бил водомет из мраморов бассейна,—
И я восторгом был объят, друзья.

И в том саду я свежий луг увидел,
Я пиршества веселый круг увидел.
И, подойдя, чильтенов вдруг увидел
И опустил пред ними взгляд, друзья.

Склонился я пред их нетленным светом;
На мой поклон привет был их ответом;
Они мне чашу подали с шербетом,—
Я не вкушал таких услад, друзья!

Не помню, пил я много или мало,
Но некий звук вдруг сердце услыхало;
В душе любовь струной затрепетала;
И сладких слов нашел я клад, друзья!

Фраги проснулся, мир увидел снова,
Но огненное в нем кипело слово.
На рынке речи, превратясь в портного,
Стал я стиху кроить халат, друзья!

ОТ ТЕХ ДРУЗЕЙ...

Любой из сверстников моих
В свои заботы погрузился;
Бог указал пути для них,
С любимым делом всяк сроднился:

Кто кротко встал на верный путь,
Молитвой наполняя грудь,
Кто саблей поспешил взмахнуть,
За дело правое сразился,

Кто на лихом скакал коне,
Кто ханство добыл на войне,
Кто пролил кровь в чужой стране
И, головой рискуя, бился.

Обнять бы друга стройный стан!
Увы! нам розный жребий дан;
Одни ушли в Иран, в Туран,
Кто в Исфаган переселился.

Кто знает боль души моей,
Таимую от всех людей?
Увы, Фраги! От тех друзей
Твой путь отдельно прочертился!

ВМЕСТЕ

Сказало мне сердце: «Беги от людей!
Укройся в горах от обид и бесчестья.
О жизни, оплакав ее, не радей,
Побудь с вековыми утесами вместе».

Любой в суете, на кого ни взгляну.
Лишь мудрые знают заботу одну:
С деревьями утром делить тишину,
С травою, сверкающей росами, вместе.

Мир полон обманов, он стар и хитер.
Мечтою туманит он сердце и взор.
И слабых и сильных, ввязавшихся в спор,
Он давит своими колесами вместе.

Речами иных возвеличен аллах.
Но слабые руки — помеха в делах.
Пусть сердца порывы — мятущийся прах,
К цветам оно тянется с осами вместе.

О множестве сущего поразмышляв,
Не знаю, что делать, в чем прав и не прав.
С лентяями, тропку свою потеряв,
Сижу за пустыми подносами вместе.

Но жизнь позвала к своему алтарю.
И вновь, опечаленный, встретив зарю,
О счастье простую молитву творю
Я с птицами разноголосыми вместе.

Где мужа такого отыщешь, Фраги,
Которому можно сказать: «Помоги!»
И сердце торопит: в пустыню беги
С дервишами длинноволосыми вместе.

НОВРУЗ

Наступает Новруз. Мир прекрасен в великом и малом.
После вешней грозы одеваются горы туманом.
Каждый новый росток к солнцу гостем является званым.
Покрываются скалы полынью, плющом и бурьяном.
В скалах птицам раздолье — беспечным весенним горланам.
Там цветы, исходя ароматом и терпким и пряным,
Человека и зверя зовут к травянистым полянам.

Прорубая ходы под землю сквозь трещины-щели,
Встало племя побегов, справляя пору новоселий.
Над пустыней звенят голубых колокольчиков трели.
Язычками листвы там кустарник болтает без цели.
Муравьи закружились, как будто они охмелели.
Каждый птенчик свой голос считает нежнее свирели.
Мир смеется, качается, бродит счастливым и пьяным.

Торжествующий голос Новруза звучит во вселенной,
Нелегко от цепей его звонких избавиться пленным.
Мир, исполненный жизни, и мир, преходящий и тленный,
Лишь познавшему мудрость является попеременно.
Жизнь без истины в мире подобна монете разменной.
Да услышат рожденные голос возмездия медный,
Те, что нынче пришли заселить полуденные страны.

Берегись, если жажда наживы владеет тобою,
Переменчивый ветер развеет богатство любое.
В златотканой парче будешь злою настигнут судьбою,
Проклянешь свои дни, свое семя, живущий разбоем.
Рядом трудятся люди, а праздный доволен собою.
Добрым будь и от зла отмежуйся двойной городьбою.
Зло посеявший в мире пожнет его поздно иль рано.

Плачь, Фраги, в день Новруза суровой бедой
удрученный.
Жизнь твоя под луною кому не покажется черной?
Растерял ты мечты свои, жизнью пустой увлеченный.
С пепелища души твои вздохи и стоны никчемны.
Тщетно молишь аллаха, со счастьем своим
разлученный.
Тщетно всадника ждешь ты с надеждою неизреченной,
Чтобы стала душа из пустыни цветущей поляной.

ПРЕВРАТИТСЯ

Эмира нет — кочевник дикий
Себе присвоит сан владыки.
Шакал, забыв о львином рыке,
В большого зверя превратится.

Когда владыки дремлет око,
Страна изменчивостью рока
В ловушку для детей пророка,
Неся потери, превратится.

Слон, на тропе трубящий строго,
Прогонит льва в его берлогу,
Но в труса, встретив носорога,
По крайней мере превратится.

Пусть псы хозяйские зимою
Довольны рваною кошмою.
Их лакомство для льва в помои,
Что льют за двери, превратится.

Лишь обзавелся ты казною,
Стать не хотевшая женою
К тебе придет порой ночною,
В святую пери превратится.

От храбрых, побросав пожитки,
Враги бегут, как овцы, прытки.
Трус в волка лишь в своей кибитке,
В себя поверя, превратится.

Махтумкули, по праву смелых
И сыч в орла в своих пределах,
Нацеля когти, словно стрелы,
Топорща перья, превратится.

РАЗДРОБИТ КАМНИ

Счастье придет — ты поймаешь орла на лету.
Зубы счастливца гранит вековой раздробят!
Счастье уйдет — искрошатся все зубы во рту:
Хлебные крошки их в день роковой раздробят.

Смерти боясь, ты по бурному морю плывешь.
Тягостным страхом себя от конца не спасешь.
Срок твой назначен. Когда до конца доживешь,
Череп твой капли воды дождевой раздробят.

Слушайся праведных, праведный людям не лжет.
Камнем подброшенным ложь на лжеца упадет.
Добрая слава тебя оградит от невзгод.
Вопли обиженных щит боевой раздробят.

Мудрое слово полезно услышать всегда.
Глупость болтлива, и с нею приходит беда.
Трусость спесива, берет на словах города.
Судьбы гордыню, как камнем, бедой раздробят.

Помни, Фраги, что беспутный бродяга-старик,
Долго проживший,— что толку!— еще не велик,
Хрупкую чашу он в пальцах держать не привык,—
Пальцы его эту чашу с резьбой раздробят...

ЖЕЛАННЫ

Друзья! В разгаре праздничного дня
Нам толпы шумные гостей желанны.
А братья и ближайшая родня
В дни распри и больших скорбей — желанны.

Работай честно, если совесть есть.
Щадить несчастного велит нам честь.
У песнопевца мудрых слов не счесть,
Они для тех, кто поумней,— желанны.

Хороший сын — опора в трудный час.
Подруга сердца оживляет нас.
Оружье, конь да блеск любимых глаз —
Три цели, что всего ценней,— желанны.

Мулла о рае важно речь ведет.
Что в небе есть, он скажет наперед.
Но кто там знает, что в раю нас ждет?..
Земные блага для людей — желанны.

Кто пользы из урока не извлек,
Тот не джигит,— удел его жесток.
Он хуже пса. Кому от дури прок?..
А псы, они хоть для псарей — желанны.

Махтумкули, доверчив с другом будь.
Ты о чужой возлюбленной забудь.
Не говори, пока не вникнешь в суть:
Советы тех, кто всех мудрей,— желанны.

ДА НЕ БУДЕТ!

В сердце — яростной волны,
Жгучей боли — да не будет!
У джигита злой жены —
Божьей волей — да не будет!

Кто отмечен богом, тот
Без печали проживет.
Крепок дружеством народ.
Он в расколе да не будет!

Храбрый, честь свою храня,
Холит доброго коня.
Пусть змея живет два дня,
Жалить боле да не будет!

Виден ум, когда остер.
У того, кто жаждет ссор,
Кто затеял с другом спор —
Светлой доли да не будет!

Сын — сокровище отца.
Щедрость радует сердца.
У зловредного скупца
Хлеба-соли да не будет!

Кто любовью поражен —
Навсегда теряет сон.
У того, кто так влюблен,
В сердце боли да не будет!

Кто умен — поймет намек.
Наступает битве срок,
Воин, если бой жесток,
В неге-холе да не будет!

Кто о храбрости трубит,
Тот всегда бывает бит.
С трусом истинный джигит
В ратном поле да не будет!

Тайны сердца береги!
Молчаливым будь, Фраги,
Да падут твои враги!
Им раздолья да не будет!

ПУСТЬ ИМЯ ЧТИТСЯ СВЯТО

Встань на рассвете, богу помолись,
И не постигнет пусть твой дом утрата,
А что задумал или сплел иблис,
Пусть сгинет, это гибелью чревато.

Со словом мудреца сверяй свой шаг,
Вставай, пока еще на небе мрак,
Чтоб не была к тебе, кто чист и благ,
Судьба на годы жизни скуповата.

Сам не хозяин ты своей судьбе.
Иссохнешь ты, или падешь в борьбе,
Оставь сынов, как память по себе,
Наследье это много лучше злата.

Плоха жена — вся жизнь твоя пуста.
Стремление к богатству — суета.
Семья благополучна только та,
Что не деньгами, но детьми богата.

Расти, Фраги, достойных сыновей,
Они дороже сабель и коней.
Твоих детей лишь честь твоя ценней,
Век проживи, чтоб чтилось имя свято.

НА ГУБАХ ПЕСОК

За что еще с меня ты, боже, взыщешь?
Пью из колодца — на губах песок.
Привычная дозволенная пища
И та сегодня не идет мне впрок.

Счастливым быть не выпадал мне случай.
Чтобы излить печаль, где друг мой лучший?
Шел в путь я, попадался мне попутчик,
Который слова вымолвить не мог.

Где вы, мои друзья, мои родные?
Я мучусь, я горюю не впервые.
В дому, куда стучусь, живут немые
Иль те, кто дал молчания зарок.

Я доверяюсь тем, чей рот, что сито,
Бранит меня тот, в ком моя защита,
Проходит прочь, или глядит сердито
Мудрец, у чьих я простираюсь ног.

Махтумкули все истоптал дороги,
Искал покоя, обретал тревоги.
Мужам, к кому взывал, ища подмоги,
Пошло б на голове носить платок.

РАСПАД

Сады зачахли, обмелели реки,
Зато струятся слезы у сирот;
Закон поправшие ублюдки-беки
Поборами измучили народ.

Уже никто не слушает азана;
Для мулл ничто святой урок Корана,
И судьи чай глотают неустанно,
И сыплют нас в разгоряченный рот.

Ишаны клянчат денег на пороге;
Муллы давно к отступникам не строги;
Крича: «Я свят!» — святоши лгут о боге
И в рай при жизни ловко ищут ход.

Весь край мой стал обителью разврата;
Душа менял стяжательством объята;
И богачи, забыв закон зекята,
Жен развратить готовы, в свой черед.

А женщины ведут себя позорно,
Богопротивен промысел их черный:
Монетами обшив наряд узорный,
Идут за тем, кто деньги им дает.

Гляди, Фраги: потупя долу взоры,
Весь хлеб муллы пожрут у бедных скоро.
Вот до какого дожили позора —
Забыв о боге, свой растят живот!

СОВЕТЫ

Ну-ка, сердце мое, скорей!
Хочешь спутником быть? Вдвоем
По следам любимой своей
Мы и вниз головой пойдем.

Свет небесный — отрада глаз.
Краше золота нет прикрас.
Тело — глина, душа — алмаз;
Где вторую приобретем?

Если много родни вокруг
И молва тебе — верный друг,
Камень, брошенный сотней рук,
Залетает за окоём.

Брат причалит к родным местам,
Прах от ног его — как бальзам.
Лжи не слушай: дано лжецам
Здравый слух опалять огнем.

Вспомнишь, странствуя, край родной,—
Проклянешь чужеземный зной.
Подлый, пряча нож за спиной,
Завлекает тебя в свой дом.

Перед баями спину гнуть —
Что в трубу над глухими дуть.
Нер с поклажей выходит в путь,
Семь арванов — порожняком.

Чем на немощного смотреть,
Чем от мерзостного терпеть,
Чем безрадостно жить и петь,
Лучше смертным забыться сном.

От бесчестного отойди,
На завистника не гляди,
С глупым спора не заводи,
Не держи пути за слепцом.

Красотой жены не гордись,
Если конь — шайтан, не садись;
На жене дурной не женись —
В крик начнет кричать несудом.

Так, Махтумкули одинок.
Где все добрые? Чую срок:
В беспробудный сухой песок
Мы, пришедшие в мир, сойдем.

В ПОРЫВЕ

Ум, воля, страсть вскипели вдруг все трое,
Душа взметнулась, не сдержать порыв...
Остановись!— Твой край перед тобою,
Средь роз блаженствуй, горе утолив.

Сядь, отдохни,— вокруг трава медова,
Не горячись,— жить не начать нам снова,
Не разрушай, ярясь, родного крова,
Жизнь — миг один. Мираж далекий лжив.

Мы в этом мире — как во вражьем стане,
Щадить пришельца долго он не станет:
Глаза завяжет, и в игру затянет,
И выпроводит, ловко обделив.

Знай, будет шахом — кто приравнен к слугам,
Рой гурий, яства — все к его услугам.
Попользуется вечным он досугом
В раю, при жизни это заслужив.

Сгибают небо, потрясают страны,
Поднять себя не могут все ж титаны.
Не может, пятясь, волк догнать джейрана,
Слон связан волоском, стоит застыв.

Махтумкули, подумай на досуге:
Когда б сам бог стал править суд в округе,
Комар слона б привел, чуть жив с натуги,
Гиганту обвиненье предъявив.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Меня влечет покинуть тесный кров,
Но нету крыльев, чтоб летать, что делать?
В ученых книгах много мудрых слов,
Мне их значенья не понять. Что делать?

Познанье — море; глубоко оно,
Мне дна его достичь не суждено.
Искрится в кубках мудрости вино,
Вина того мне не вкушать; что делать!

Я запах винный слышу все острей.
И мне б пригубить чашу поскорей,
Но предо мною дом, где нет дверей,
И некуда мне постучать. Что делать?

Гора ль, низина, мне дороги нет.
Где смысл, где слово — не найду примет.
Не отличу, где путь, где ложный след,
Куда бежать, чего мне ждать, что делать?

Фраги, я и достоинство, и честь,
И все бесценное, что в мире есть,
Взял на корабль, чтоб плыть; куда? Бог весть.
Но якоря мне не поднять; что делать?

НЕТ СПАСЕНЬЯ

Коль ты не близкий мой, не задушевный друг,
Ты не поймешь меня, взглянув лишь на мгновенье;
Но мудрый, вслушавшись, уловит сердца стук
И догадается, какие в нем томленья.

И сам не в силах я понять, кто я такой!
Увы! Я жемчуга не мог вобрать душой!
Но, что б ни сотворил со мной создатель мой,
К нему я возношу мои благодаренья!

Иной с презрением взирает на меня,
Слух от моих молитв с опаской отклоня,—
Но есть хлеб мудрости, есть благодать огня!
Согреюсь и поем, быть может, в некий день я!

Пока же счастлив будь, что ешь ячменный хлеб;
Жизнь коротка, пойми: уже зияет склеп;
Дух рвется к небесам, но он бескрыл и слеп,—
Не выбраться вовек из пропасти паденья!

Ах, долго ли, Фраги, стонать под властью зла
И гневу правому подрезывать крыла?
А юности весна уже давно прошла,
И старости зима близка, и нет спасенья!

САДОВНИК

Не пресытился мир потаенною горечью слез,
У меня в пламенеющем сердце сто тысяч заноз.

Слишком долго я спал, не гулял я в моем цветнике.
Поглядел поутру — не узнал увядающих роз.

И сказали мне розы: «Садовника мир полонил,
За высокие горы и синие реки унес».

И темницу его по горам я искал, как Меджнун,
И гонимою ланью с откоса взбегал на откос.

У темничных ворот, обессилев, упал я, и страх,
Словно ветер, коснулся моих поседевших волос.

И султану темницы я вымолвил: «Освободи!»
И слова его были исполнены ядом угроз.

И султан повелел: «Заточите раба моего!»
И Фраги захлебнулся нахлынувшей горечью слез.

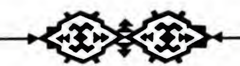
РАНЕНЫЙ

Веселье мне было отмерено скупо,
Мне сердце обиды и беды сожгли;
Дрожит мое тело, как тело Эюпа;
Я ранен, а вы мне помочь не пришли.

По горным жарою обугленным склонам
Бездомный изгнанник влачится со стоном.
Под взором возлюбленной — в сердце сожженном
Над жгучей золой расцветет гюль-гюли.

Пшеницу посеяв, пшеницу пожнете;
А вы, как бесплодные трутни, живете.
Бессмысленный мир пребывает в заботе:
Разрушив чертоги, растит ковыли.

Слезницы мои переполнены кровью.
Израненный горем, недужный любовью,
Прохожих зову к моему изголовью,—
Не видно жалеющих Махтумкули...

ПЛАЧ

Я — погребенный в пустыне мертвец,
И мертвецами я буду оплакан.
Не насладившийся жизнью слепец —
Даже глупцами я буду оплакан.

Странник — весь мир обошел я кругом,
В городе горя остался — и в нем
Гибну. Голодным степным вороньем
И ястребами я буду оплакан.

Как мне воспрянуть? Я болен, я слаб,
В тяжких цепях истомился, как раб,
И на огне превратился в кебаб,
И вертелами я буду оплакан.

Сердце трепещет, и согнут мой стан,
Стоны мои поднялись, как туман,
Слезы в кипучий слились океан...
Всеми слезами я буду оплакан.

Лалы родятся в ущельях немых,
Ливни плодятся от жалоб моих,
Горы плывут — и в волнах смоляных
Тают. Камнями я буду оплакан.

Разум безмолвствует, Махтумкули.
Маются дети туркменской земли.
Пиры толпятся, ишаны пришли.
Даже врагами я буду оплакан.

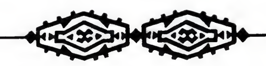
БЕДА

Меня беспощадный преследует рок,
Базар мой разграблен, доходы рассеялись.
Мой разум под гнетом слепым изнемог.
Желанья, как вешние воды, рассеялись.

Смотрите: я сброшен с весов бытия,
Недужна любая кровинка моя.
Убийцы пришли в золотые края
И приняли власть, и народы рассеялись.

Упал на глаза мои сонный туман,
Сковал вдохновенные речи дурман.
Теплом отдаленный дохнул Дехистан —
Те ветры в часы непогоды рассеялись.

Фраги! Где крылатые струги твои?
С тобою остались недуги твои,
А счастье пропало; заслуги твои,
Надежды и лучшие годы — рассеялись.

РАЗДУМЬЕ

Из глаз моих струится кровь,
Я ранен стрелами обид;
Напрасно для меня Лукман
Бальзам целебный кипятит.

Что совершил бы Искандер,
Завоевавший этот мир,
Свою дружину потеряв,
Утратив меч и верный щит?

Еще безумствует султан,
Опустошающий страну,
Еще возмездия не ждет,—
Но птица счастья улетит.

Скажите: кто песок сухой
И глину медом назовет?
А сколько душ отраву пьет,
Такую светлую на вид!

Померкла чистая луна
Сраженных в битве храбрецов,
И солнце малодушных вновь
Над миром суетным блестит.

Порою пери неземной
Последний трус боготворим.
И не находит на земле
Своей красавицы джигит.

Неосторожный мотылек,
Навеки преданный любви,
Над жарким пламенем снует.
О, поглядите: он горит!

Иные слабых рук своих
Не могут вскинуть над землей;
Иные, крылья привязав,
Легко взвиваются в зенит.

Та птица счастья, что вчера
Достигла цели в небесах,
Сегодня, канув камнем вниз,
В грязи, подбитая, лежит.

На помощь ей прийти нельзя.
И небу возвратить нельзя;
Ее голодная земля
Притягивает, как магнит.

Над птицей счастья не горюй,
Не то сойдешь под землю с ней,
Тогда пощады не проси:
Ты миром будешь позабыт.

Среди веселья долгий год
Промчится словно час один;
Неотвратимая печаль
Мгновенья в годы превратит.

Порой боится человек
В дороге повстречать судьбу;
Вернется под родимый кров,
А из угла судьба глядит.

В саду вчерашней розы нет,
Но роза новая цветет,
И славит новый соловей
Румяный жар ее ланит.

И говорит Махтумкули:
В страданьях жизнь моя пройдет.
Печаль седины принесет
И гордый ум испепелит.

ЛЕСТЬ И КЛЕВЕТА

Порою мне слова разумного жаль:
С глупцом откровенничать, право, не стоит.
Заплачешь ли кровью — иная печаль,
Поистине, капли кровавой не стоит.

Достоинством скромным своим дорожи,
Награды ли ждешь — не бледней, не дрожи;
От просьбы и лести язык удержи,
Слова свои делать забавой не стоит.

Тюльпаном цветешь — не гордись. Что цветок?
Повеяло холодом — он и поблек.
Столетие прожито — смерть на порог,
Метаться налево-направо не стоит.

Гляди: у тебя Сулейманов престол,
И терпят созвездия твой произвол.
С дрекольем народ возмущенный пришел,—
Гроша твой престол величавый не стоит.

Уж лучше в грязи по колено брести,
Чем с подлым да низким беседу вести.
Что уголь белить, что ворону в чести
Звать лебедью белой да павой — не стоит.

Фраги не боялся людской клеветы —
И вот она вьется и жалит в пяты.
Гадюки простой опасаешься ты?—
Якшаться с молвою лукавой не стоит.

5—1148

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

Истомил мою душу
Бесконечный обман.
Плот забросив на сушу,
Отступил океан.

Зрячий посох слепого
Не доищется крова,
И чарыки хромого
Не добьются стремян.

Тем — забота пустая
Да казна золотая;
Этим — отповедь злая
И дырявый карман.

Облака — на вершине,
Вольный ветер да иней...
Опаленной пустыне
Снится горный туман.

Прелесть этого мира —
Мертвый мрамор кумира.
Пальцы грешного пира
Запятнали Коран.

Если пел я — молчали
Соловьи... Но печали
Спеть Фраги помешали
Самый лучший дестан.

ЖАЛОБА

Я в державе страстей. Мне страдания сердце сожгли.
Счастьем я обойден. Мой престол истлевает в пыли.
Ежедневно сменяются гости на пире земли.
Где прямые мужи? Их следы затерялись вдали.
Где отец мой? Где брат мой?— Утратив друг друга,
ушли.

Онемели уста мои — в пальцах держу я слова;
Притупился мой слух — только дикая жажда жива,
На коне прилетела разлука, и я, как трава,
Как слуга, перед нею склонился. Моя голова
Помутилась. Горючие слезы из глаз потекли.

Мир, безжалостный мир, погружаясь в туман, зарыдал;
Закатилась луна, и вдали океан зарыдал;
Разгадав мой недуг, равнодушный Лукман зарыдал;
Вспоминая богатство мое, Сулейман зарыдал;
Жизнь тюрьмой обернулась, и мой приговор изрекли.

Онемел ураган, посетивший земные края,
И весна в этот год миновала притон бытия,—
Слишком яростен рок, я погибну, любовь затая,
Мой напиток — цикута, и саван — одежда моя.
Торжествует палач. Я — Меджнун, потерявший Лейли.

Пред моими страданьями раем становится ад.
На почетных местах беззаконники злые сидят.
Подозрения полон былого попутчика взгляд.
Горький жребий мне выпал, и новые беды грозят.
Став незримыми, в жертву святые себя принесли.

Побережные камни уносит кипучий поток.
Где отец мой? Где мать? На земле я как перст одинок.
Петь не будет Сенем: сторожит ее крепкий замок.
Ибрагимом я стал и в любовном огне изнемог.
Пламя плещет в саду, где когда-то цвели миндали.

О друзья, пожалейте седины моей головы
И не делайте этих признаний игрушкой молвы.
Если в дружбе со мною остаться желаете вы,
Так велел Сулейман — а его почитаете вы! —
Вот смиренная жалоба вашего Махтумкули.

ЖРЕБИЙ

Жертва истины небесной —
Дух мой, жизнь, моя казна;
А мечта из клетки тесной
В Хиндостан увлечена.

Жил я, пел и слезы лил я,
Отчий свой народ любил я,
И стихи ему дарил я
Слаще меда и вина.

Милой все, чем дорожило,
Это сердце подарило;
И лицо я скрыл от милой —
Боль была бы не видна.

Я сгорал вдали от рая,
По стране любви блуждая,
И душа моя живая
Под землей заточена.

Сам я принял жребий странный,
Сам вошел в огонь багряный,
Сам прославил эти раны,
Сам себя лишил я сна.

Жду, не находя исхода,
Исцеленья — от народа:
Где, друзья, моя свобода,
Мир, покой и тишина?

Я стрелою стал в кручине —
Цель ищу я в тверди синей;
По Меджнуновой пучине
Плот мой гонит вдаль волна.

Перед миром я в ответе:
Только милой — слезы эти;
И одна мне в целом свете
Пери стройная нужна.

Бьется сердце, словно птица,—
По своей Менгли томится,
И Махтумкули стыдится
Ран своих, моя страна!

СВЕТЛОЕ ВРЕМЯ

Охотится небо, крепка его сеть.
Ты где, долгожданное светлое время?
Я больше не в силах разлуку терпеть.
Ты где, долгожданное светлое время?

Мне сорок исполнилось... Чаша полна...
Душа моя разувереньем больна,
Надеждой обманута... Плачет она:
Ты где, долгожданное светлое время?

Покоя нигде не находит народ;
Как пес, по пятам лихолетье идет —
То зубы оскалит, то руку лизнет...
Ты где, долгожданное светлое время?

Голодная бедность глотает огонь,
Напрасно протянута к небу ладонь,
Стреножен у всадника нищего конь.
Ты где, долгожданное светлое время?

Тщета-скопидомка в юдоли мирской
Не спит, и не ест, и теряет покой,
Пока не утонет в казне золотой.
Ты где, долгожданное светлое время?

Слова мои ложью муллы нарекли,
Лжецу в благодарность дары принесли;
Их клятвы изранили лоно земли...
Ты где, долгожданное светлое время?

Погрязли наставники в смертных грехах
И лгут при бессовестных учениках,
Что так повелел всемогущий аллах.
Ты где, долгожданное светлое время?

Язык твой огонь извергает, Фраги.
Различий не знай, недостойного жги,
А там — в Хиндостан отдаленный беги...
Ты где, долгожданное светлое время?

СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Гляди, как жену молодую берешь,—
Стройна ли и вправду ли речи нежны?
Не трусь, отправляясь в дорогу. Что — нож,
Когда прикипели к железу ножны?

Встречаются трусы — идет похвальба,
Но если поет боевая труба,
На бледных губах — только брань да божба.
Неведомы трусу восторги войны.

О подлое время! О бремя обид!
Воителя храброго трус не щадит;
И выжига выше султана сидит
На мусорной куче несметной казны.

Гроша непотерянного не ищи.
Воспрянут мужи, чуть заблещут мечи.
Голодным да нищим кричат богачи:
«Вы — нелюдь, вы только для счета нужны».

Припомнится честь — и начнется война,
И выпьет бедняк свою чашу до дна...
Разверзнется бездна — нема и черна,
Заплачут влюбленные,— разлучены.

Страдальца в Эдем его кровь приведет,
А щедрого — хлеб. От себя свой народ
Блудник распоясавшийся оттолкнет,
Позволив «ладони коснуться спины».

Ты — бай; золотая твоя пиала
Немолчную славу тебе принесла.
Ты — беден: хула тебе, нищий, хула!
При хане живешь — пропадешь без вины.

Пока вы промолвите слово «джигит»,
Джигитово сердце сто бед изъязвит.
Разлучником-роком изрублен твой щит:
Мы души отстаивать обречены.

Разлуки на землю с Адамом пришли.
Какие бы горести сердце ни жгли,
Да будут все помыслы Махтумкули
Красавице-истине посвящены.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

К тебе, человек, приступаю с мольбою:
Карун обезумевший — твой образец.
Спасайся! Ты накрепко связан собою —
Тщетой одурманенный, нищий скупец.

Унынием грешен и я, мусульмане;
Душа моя также блуждает в тумане.
И я свою ношу забот и страданий
Влачу, бесприютного мира жилец.

Я райскую музыку слышал сначала.
Но горькая жалоба громче звучала,
И музыка стихла, и сердце попало
На торжище раненных скорбью сердец.

Есть множество рек и морей полноводных,
И семьдесят два языка разнородных,
И счесть невозможно мужей благородных,
А только царю достается венец.

Слепой не увидит, как нищий томится,
Глухой не услышит, как плачет вдовица;
И пестрядью мира мой взор не прельстится,—
В золу и песок превратится дворец.

Я — в горле у мира — взываю: помилуй!
Я — снедь ястребиная — кану в могилу,
Как жалкий поденщик, утративший силу,
Как царь, облаченный в бесценный багрец.

И плоть моя стала пристанищем боли,
И жил я для общего счета в юдоли,
И если я утром сидел на престоле,
Я в полдень — отчизной забытый беглец.

Достойных врасплох застигает измена;
Глаза мои слепнут, слабеют колена;
Не вырвется муж из позорного плена,
Клинок свой булатный уронит храбрец.

Состарились горы, Фраги сострадая.
Темницею стала страна золотая.
Склонись перед матерью-правдой, рыдая,
Пока еще нас не покинул творец!

ТЫ В МИР ЯВИЛСЯ, ЧЕЛОВЕК...

Ты в мир явился, человек, таинственным путем.
Невидим был, бесплотен был, но плотью стал потом.
Ты душу вечную обрел и стал расти тайком.
Ты девять месяцев провел в убежище глухом,
И лишь тогда родился ты, своей судьбой влеком,
И материнским вскормлен был сладчайшим молоком.

Тебя всемилостивый бог устами наградил.
Вложил тебе в уста язык, чтоб ты заговорил.
Ты рвался вверх, ты поднялся, исполнен свежих сил.
И божий мир ты познавал, и мир казался мил.
В семь лет к учителю тебя отец препроводил,
И начал ты вникать в Коран в усердии своем.

Прошла младенчества пора, и ты — джигит лихой,
Но вскоре стал кружиться ты вкруг девушки одной,
Как вкруг кибитки, где кипит и блещет пир чужой.
И стала девушка твоей красавицей женой.
Ты был счастливцем в двадцать лет, справляя брачный той,
Гордясь оружьем нарезным и резвым скакуном.

А к тридцати годам, джигит, ты стал подобьем льва.
От буйных радостей земных кружилась голова.
Ты пресыщения не знал, все было трын-трава.
И все же сорок лет тебе исполнилось едва,
Как начал ты припоминать священные слова,
К молитве обращаться стал и вечером и днем.

Когда полвека проживешь, слышнее божий глас.
Кто забиякой дерзким слыл, тот праведник сейчас.
Ты знаешь — как ни веселись,— придет он, смертный час,
И к господу взываешь ты, пять раз творя намаз.
Ты постигаешь в шестьдесят, что сил иссяк запас,
Что время жатву собирать на поле золотом.

Когда ж — увы!— тебе пойдет семидесятый год,
Глаза подернет пеленой, беззубым станет рот,
И старость жалкая тебе колени подогнет,—
Все отмахнутся от тебя, и будешь ты — не в счет...
Ты выйдешь в восемьдесят лет из городских ворот,
Покинешь ты обитель слез, окутан полотном.

Махтумкули, несчастен тот, кому почти сто лет,
К могиле тихо он бредет, в очах чуть брезжит свет...
Когда его хватает смерть,— ни в ком участья нет.
На небе разве воздадут, коль ты сдержал обет.
И будешь ты лежать в земле, промозглой тьмой одет.
Твой без окон и без дверей последний тесный дом.

ЮСУП

Кровь козленка, смотри, запятнала сорочку твою,
О мой друг, в чьем ласкающем имени звук аравийский!
Ты от муки сгорал, полоненный в далеком краю,—
О мой друг, в чьем ласкающем имени звук аравийский,
О душа моя, в румской чалме и в аба сирийской!

Ты рыдал безутешно, стонал в нестерпимой тоске,
Ты дрожал, видя волчьи следы на пустынном песке.
От родного Кенгана, от ласки отца вдалеке,—
О мой друг, в чьем ласкающем имени звук аравийский,
О душа моя, в румской чалме и в аба сирийской!

Плоть святую твою обнажили, лежал ты, как труп:
Боль разлуки тебе прямо в сердце вонзила свой зуб;
Вечно плача, ослеп твой отец, престарелый Якуб,—
О мой друг, в чьем ласкающем имени звук аравийский,
О душа моя, в румской чалме и в аба сирийской!

Но иная пора наступила, и братья твои
Пред тобою стояли, глядя на тебя в забытьи:
Страх в их души проник, точно липкое жало змеи,—
О мой друг, в чьем ласкающем имени звук аравийский,
О душа моя, в румской чалме и в аба сирийской!

И ликует Фраги: не увял твой цветущий венок,
На египетском троне сидеть повелел тебе рок,
И предатели-братья, раскаявшись, пали у ног,—
О мой друг, в чьем ласкающем имени звук аравийский,
О душа моя, в румской чалме и в аба сирийской!

ПОВЕСТЬ О ЮСУПЕ

Из древней книги «Жития пророков»
Особенно я полюбил, друзья,
Рассказ о многих бедствиях Юсупа.
Как мед устам, он сердцу мил, друзья.

Юсупово спокойствие в страданьи —
Для нас благой пример и назиданье.
Жил муж Якуб, как говорит преданье,
Из рода Ялавунч он был, друзья.

Шесть жен, двенадцать сыновей имел он,
Несчастие от бога претерпел он,
И выплакал глаза, пока скорбел он;
Его создатель ослепил, друзья.

Где сын его? Нет милого сновидца!
В колодец кинут братьями, томится
Юсуп злосчастный. Бога не боится
Ни брат Шемгун, ни брат Рубыл, друзья.

Они пригнали волка и сказали:
«Юсупа звери злые растерзали».
Якуб взмолился небесам в печали,
И волк тогда заговорил, друзья.

Якуб сказал: «Подай мне весть о сыне.
Следы его три дня ищу в пустыне».
Волк, возвестив: «Юсуп твой жив и ныне!» —
Отцу надежду возвратил, друзья.

А у Юсупа вся душа изныла:
Колодец нем и тесен, как могила.
Но бог послал на землю Джебраила,
И вот что сделал Джебраил, друзья:

Юсупу длань он возложил на темя,
Трех суток плена облегчая бремя;
К ногам его, когда настало время,
Поверг одиннадцать светил, друзья.

Из Мисра в Шам той стороной глухою
Шел караван, и два раба с бадьею
Отправились к колодцу за водою.
Юсуп легко в бадью вскочил, друзья.

И вышел через несколько мгновений,
Пригож, как месяц, из могильной тени.
Вознес он богу сто благодарений,
Рабов исламу приобщил, друзья.

Следите, люди, за игрою рока!
С Юсупом братья обошлись жестоко;
Он светом был родительского ока,
Купец его не пощадил, друзья.

«Я бедный раб!» — сказал Юсуп-смиренник.
Родной Кенган покинул он как пленник
И продан был за восемнадцать денег.
Купец Мелик продешевил, друзья!

Рыян стоял над Мисром и Кенганом;
Пред ним дрожал везир, а над Рыяном
Была Зулейха подлинным султаном.
Вот падишах раба купил, друзья.

«Хоть в рост его,— оценщики сказали,—
Червонцев бы насыпали и дали
Рубинов лучших столько же — едва ли
Купивший бы переплатил, друзья!»

На площади, у трона золотого,
Простым рабом Юсуп назвался снова;
И сам правитель, как раба простого,
Его Зулейхе подарил, друзья.

Она, дрожа от яростного пыла,
Юсупа в подземелье поместила.
Там шесть рабынь к страдальцу приступило,
Но он презрел тот женский пыл, друзья.

И женщины его оклеветали:
«Он разорвал подолы нам!» — сказали.
Посаженный на цепь из крепкой стали,
Юсуп в неволе долго жил, друзья.

Вот он лежит в своей темнице тесной,
А падишаху снится сон чудесный,
И как ни бился звездочет известный,
А все же сна не объяснил, друзья.

Со́н разгадал Юсуп. Он падишахом
Раскован был. Рыян с великим страхом
Пред ним себя признал ничтожным прахом
И сердце к правде устремил, друзья.

Народы Мисра славили Юсупа,
Властителем поставили Юсупа,
И братья тут поздравили Юсупа:
Он их по доброте простил, друзья.

Махтумкули поет искусство бога —
Вы эту песню не судите строго
И наслаждайтесь — мало жить иль много, —
Пока у вас хватает сил, друзья!

СЫН[1]

1. СМЕРТЬ

Скажите лжецам и глупцам —
Настало их подлое время.
Скажите безумным скупцам —
Казна — бесполезное бремя.

Скажите подруге моей —
Растерзан я на сто частей;
В песках раскаленных степей
Сгорело пшеничное семя.

Базар мой расхищен, я пьян,
Я болен, я гибну от ран,
Слепит меня горный туман
И грузом ложится на темя.

Мой сын не дождался меня:
Он мертв. Из Хивы я три дня
Скакал, и язвило коня
Мое сумасшедшее стремя.

Ты смотришь на лик восковой,
Фраги, в этот час роковой
Молчи. Твой язык огневой
Печалит родимое племя.

2. СЛЕЗЫ

Меня настиг мучитель-рок,
Тяжелая пора настала.
Я сына не сберег, друзья,
Душа моя что рана стала.

---

[1] Элегия на смерть сына. По преданию, у Махтумкули было два сына — Сары и Ибрагим, оба умерли детьми.

Оставила весна мой дол,
Повержен золотой престол,
Ветвь нежная, покинув ствол,
Добычей урагана стала.

Смерть невозможно обмануть.
Какой удар я принял в грудь!
Плоть жалкая моя тонуть,
Как челн средь океана, стала.

Терпенья нет, и воли нет,
Желанья жить в юдоли нет,
Мне вести ниотколе нет,
Пустыней жизнь так рано стала.

В огне скорбей и злых тревог
Трепещет сердце-мотылек;
Я сгорбился, я изнемог,
Слеза моя багряной стала.

Пью жгучий горечи настой.
Как жить у горя под пятой?
Мне все тщетой и нищетой
Без моего султана стало.

Махтумкули, от слез больной,
Взывает: сжальтесь надо мной!
По воле рока в час дневной
Какая темнота настала!

3. СТРАНСТВИЕ

Душа моя пылает,
Метнувшись наугад.
Муфти Коран читает,
От бога ждет наград.

У тех — дитя родится,
У тех — растет юница;
А тополь серебрится,
И рвется ветер в сад.

Лицо старуха прячет
И втихомолку плачет;
Джигит за славой скачет
Куда глаза глядят.

Те служат на чужбине
Наживе и гордыне,
А те свой дух в пустыне
Охотой веселят.

В дому нужда гнездится,
И слезы льет вдовица,
А в дверь мулла стучится:
То подать, то зекят.

Судьба грозит разлукой,
И вера стала мукой;
Завистник длиннорукий
На хлеб твой пялит взгляд.

Муж на коня садится
И мчится, словно птица,
Туда, где кровь струится
И стаи стрел свистят.

Махтумкули едино —
Гора или долина,
А руки ищут сына,
Обнять его хотят...

4. ЯКУБ, ИЩУЩИЙ ЮСУПА

Якуб, рыдающий, тоскую,
Бреду, воззвав: «Юсуп, Юсуп!»
Не слезы лью, а кровь живую,
В бреду воззвав: «Юсуп, Юсуп!»

Заплакав, небосвод просторный
Со мною делит жребий черный.
Меджнун — глотаю холод горный
Во льду воззвав: «Юсуп, Юсуп!»

Вокруг меня тьма темь ущелий,
Тень пала, тучи налетели;
Двенадцать гор и семь ущелий
Пройду, воззвав: «Юсуп, Юсуп!»

Не шлет Юсуп вестей домашним,
И предан я слезам всегдашним,
Счет городам и встречным башням
Веду, воззвав: «Юсуп, Юсуп!»

Вороний грай мне пал на душу,
Я помрачил моря и сушу.
Фархад — я горную разрушу
Гряду, воззвав: «Юсуп, Юсуп!»

Быть может, он — на дне колодца?
Не он ли лунным светом льется?
Иль в Кербеле Юсуп найдется?
Иду, воззвав: «Юсуп, Юсуп!»

Он стал игрой молвы случайной.
Лечу от розы к розе чайной:
В каком краю разгадку тайны
Найду воззвав: «Юсуп, Юсуп!»

Махтумкули! Твой друг безвинно
Томится скорбью, кличет сына.
Отвечу песней соловьиной,
В саду воззвав: «Юсуп, Юсуп!»

ЗАПЛАЧЕТ ПРИ ВИДЕ МЕНЯ

Так сдавило мне грудь, что владыка владык
Прослезится, заплачет при виде меня.
В сердце слезы, и самый нахмуренный лик
Ниц склонится, заплачет при виде меня.

Юность старостью станет — была и прошла,
Знатный бек станет нищим, все спустит дотла,
Каф-гора станет жидким свинцом, а скала
Размягчится, заплачет при виде меня.

Я вздохну — отзовутся другие сердца,
Долго люди потом не поднимут лица,
Станет кошкою тигр, волк смирней, чем овца,
Зверь и птица заплачет при виде меня.

Это Истина нам повелела сама
Быть у всех на виду и любить без ума.
Соловьи онемеют весной, и зима
Возвратится, заплачет при виде меня.

Кто не смыслит в любви, кто страдать не привык,
Предо мною закроет руками свой лик,
А знакомый с любовью отчается вмиг,
И гробница заплачет при виде меня.

Тот, кто знает Фраги, жертву тысячи бед,
Всякий раз со слезами глядит ему вслед.
Зарыдает счастливец, и радости свет
Омрачится, заплачет при виде меня.

НА СМЕРТЬ ОТЦА

Шестидесяти лет, в год Рыбы, в день Новруза
Смерть моему отцу вдруг преградила путь.
Для мира злобного людская жизнь — обуза,
И рвет он нить ее, пятою став на грудь.

Отец мой никогда жить не мечтал богато,
Он знал, что бренен мир и что презренно злато;
Он тело прикрывал лохмотьями халата;
Его мечта была — на божий рай взглянуть.

Он говорил, что жизнь обречена на муку;
Молясь, блюдя посты, он сокращал разлуку
С обителью святых. И нынче может руку
Друг моего отца к пророку протянуть.

Я взором прозревал небесный дом эренов,
Где нет земных цепей, и рабств земных, и пленов;
Я видел там отца в кругу святых чильтенов!..
Быть с ними ты хотел, отец,— и вечно будь!

Пусть умер человек,— он оставляет имя,
Он тенью призрачной витает меж живыми.
Душа отца живет с бессмертными святыми,
Покой его костей вовеки не спугнуть.

Тебе, Махтумкули, известны тайны эти.
При встрече с мудрыми должны мы быть как дети.
Дружили лучшие с отцом на этом свете
И, значит, обретут к воротам рая путь!

СМЕРТЬ ОТЦА

Рок, я встретил тебя, я искал тебя сам,—
Где очей моих свет, мой отец Азади?
Я швырнул свое сердце неистовым псам:
Где сыновней державы венец — Азади?

Где имам? Я стою, как пустая мечеть.
Где луна? Небесам не дано просветлеть.
Мне потока бездонного не одолеть:
Где спаситель мой, где мой пловец — Азади?

Стали речи мои словно горький дурман,
Пожелтело лицо у меня, как шафран,
Пал на очи мои непроглядный туман.
Где алтарь мой, где мой образец — Азади?

Время, скалы расплавив, обуглило дол,
И живой отлетел, и усопший пришел;
Мертвецы окружили господен престол:
Где народа родного певец — Азади?

Земли стали морями, и кровью — моря,
Хумы — чашами, чаши — загублены зря.
Ремесло мое — горе. Я гибну, горя.
Где покой и отрада сердец — Азади?

Обращается к господу мертвая плоть:
«Хоть единое слово промолви, господь!»
Не угодно создателю смерть побороть.
Где высокого духа творец — Азади?

Точит слезы Хизир и скорбит Сулейман.
Иноверцы рыдают среди мусульман,
Белым паром на небо взошел океан:
Где опора гокленов, боец — Азади?

Рок! тебе ли моей торговать головой,
Иль на горло твое наступлю я ногой,—
Выходи, я тебя вызываю на бой!
Где рейхан мой, где сада жилец — Азади?

Божье ухо оглохло в мой горестный час,
Затвердела земля моя, словно алмаз...
О муллы без Корана, о пиры без глаз!
Где холм праведных, верный борец — Азади?

Рок! ты солнце мое черным платом забрал,
Ты веселье у бедного сердца украл.
Счастья нет для Фраги, веру он потерял.
Где ты, честь моя, где мой отец — Азади?

СЕСТРЕ

О, помоги мне, Зюбейда!
Печаль в моих глазах осталась.
Я зарыдал, и навсегда
Кровь жгучая в песках осталась.

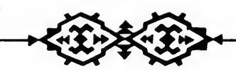
Разлукой нанесен удар.
Померк мой соловьиный дар,
Закрылся праздничный базар,
Моя Менгли в слезах осталась.

Мне снится свет блаженных дней,
Мне стыдно пред страной моей;
Душа моя — приют скорбей,
И плоть моя впотьмах осталась.

Боль прибывает, как вода.
Я жил для мира и труда;
Я — мученик, моя беда
В томительных стихах осталась.

В глухие наши времена
Любовь на казнь обречена.
Моя прекрасная луна
В туманных небесах осталась.

Лицо Фраги черным-черно.
Плачь, Зюбейда! Уже давно
Пустеет лавка. В ней темно,
И только пыль в углах осталась.

ОНИ НЕ ВЕРНУЛИСЬ

Из дальних кочевий назад не пришел Абдулла[1].
Мамеда-Сапу и джигитов тропа увела
На поиски брата. Пустыня следы замела.
Вернулись ходившие с ними. Они не вернулись.

О, тяжкая доля у матери взятых сирот!
За месяцем месяц, за годом сменяется год.
Не видел ли кто их? Скажи мне, заезжий народ.
Вернулась луна из пустыни. Они не вернулись.

Недуг побороли принявшие некогда яд,
С добычей пришли уходившие в степи назад.
Из Мекки вернулись, в кругу домочадцев сидят
Хаджи заслужившие имя... Они не вернулись.

С вестями уходят, с вестями приходят гонцы.
Больших караванов и малых звенят бубенцы.
Успели не раз побывать в Индостане купцы,
С деньгами вернулись хивины. Они не вернулись.

За теплым дождем на кибитки обрушился град.
За братом погибшим на гибель отправился брат.
Их жены с утра на пустую дорогу глядят,
Тоскуют в разлуке с родными. Они не вернулись.

---

[1] По преданию, родные братья поэта, Абдулла и Мамед-Сапа, погибли в бою с напавшими на туркмен иранскими захватчиками; элегия посвящена их гибели.

И сердце и печень свои занимают места.
Замкнувшись от скорби, давно не смеются уста.
О них не слыхали ни шейх, ни погонщик скота.
Вернулись скитальцы седыми. Они не вернулись.

Фраги, по ночам твои сны прогоняет тоска.
Мир зол и широк, караванная тропка узка.
Пустыня молчит. Как сурово безмолвье песка!
Из дома уйдя молодыми, они не вернулись...

ИЩУ СПАСЕНЬЯ

Я — раб любви, гоклен с Атрека,
Властительницу чар ищу.
Наставника в пустыне века,
Успокоенья дар ищу.

Судьбою изгнанный сурово
Из-под родительского крова,
Лишенный края дорогого,
Я праздничный базар ищу.

Брат Абдулла — зеница ока —
Исчез. Мамед-Сапа далеко.
Я покровительства пророка,
Глотая слезный жар, ищу.

И сердце мечется как птица,
И горько мне, и кровь мутится;
Не знаю, где мне притаиться,
Куда бежать? Мазар ищу.

Гулял я по лугам невинным,
Пел небесам, горам, долинам,
А ныне в логове змеином
Я звонкий свой дутар ищу.

Махтумкули в годину мщенья,
Как цепь, влачит свои мученья.
Ты где, Туркмения? Спасенья,
Приняв судьбы удар, ищу.

АБДУЛЛА

1. РАЗЛУКА С БРАТОМ

Что делать мне? Как не рыдать,
Когда мой свет закрылся тучей?
Что делать мне? Как не страдать,
Когда на сердце — пламень жгучий?

В плену мой брат, наперсник мой.
Как возвратить его домой?
И счастье в сумрак неземной
Уносится звездой падучей.

И, сострадая мне, друзья
Глядят, как вянет жизнь моя.
И гибну я, песок поя
Всегдашних слез росой горючей.

Мужи достойные сошли
В объятья матери-земли,
И руки вкруг меня сплели
Разлука и неверный случай.

Плачь иль не плачь — настанет срок —
И ставку выиграет рок.
Бегу — меня, сбивая с ног,
Хватает жребий неминучий.

Вращается небесный свод,
Проносится за годом год,
За жизнью — жизнь, за родом — род,
И торжествует вихрь летучий.

Зачем душа моя скорбит?
Я был свидетелем обид.
Судьба ничтожного щадит,
Исходит кровью муж могучий.

Я рыскал по чужой земле,
Я стал собакой в Кербеле,
Но рок меня настиг во мгле
И впился в плоть, как терн колючий.

Шел день за днем, за часом час,
Мой пыл охотничий погас...
С руки не рвется бехрибаз,
Нет у меня стрелы певучей.

Смотрите: строится чертог;
Мое чело — его порог.
Мне жилы вскрыл строитель-рок,
Чтоб замесить песок зыбучий.

Махтумкули — полуживой,
Сраженный силой роковой,—
В слезах взывает сам не свой:
О, сжалься, пощади, не мучай!

2. УТРЕННЕМУ ВЕТРУ

Ветер, утренний ветер! Слугой твоим стану! Скажи
Полоненному брату: в разлуке я вяну. Скажи
Тем глазам, превращенным в горючую рану, скажи
Красоте его гордой, высокому стану скажи,
Мотыльку опаленному, бедному хану скажи:

Как случиться могло, что лица его нет предо мной?
Почему его очи подернуты кровью и тьмой?
От земли отрекусь, если он не вернется домой!
Сам себя заковал он и жизнь мою сделал тюрьмой.
Так болезни моей очевидцу — Лукману скажи.

К нам прислал он разлуку, покинув родные места,
Душу он истерзал мне, печать наложил на уста.
Рук поднять не могу, все дела мои — скорбь и тщета.
Потерял я терпенье, юдоль моя стала пуста,
Реки слез проливаю,— тому океану скажи.

Я дороги не знаю к приютной Каабе моей.
Город горького сердца лишили замков и ключей.
Не взлететь мне без крыл над мятущейся пылью степей,
Нет казны моей больше, ушел от меня казначей,
Ноет память моя, голодая,— духану скажи.

Я склоняюсь пред богом: да будет свободен мой брат!
Видишь — слезы мои, как широкое море, кипят.
Под пятою разлуки узнал я прижизненный ад.
Где наперсник Фраги? Оба мира смертельно скорбят.
Без него даже правда подобна дурману — скажи.

3. ДЕВЯТЬ ЛЕТ

Девять лет мы в разлуке с тобою, брат;
Где ты родину, мой Абдулла, нашел?
Для тебя не закрыты пути назад;
Где ты родину, мой Абдулла, нашел?

Я спросил у горы: где скиталец мой?
Притворилась крутая гора немой.
Что за жизнь без родных! Возвратись домой.
Где ты родину, мой Абдулла, нашел?

Временами сменяются времена,
Жизнь кончается, чаша моя полна.
Твой приют — не морская ли глубина?
Где ты родину, мой Абдулла, нашел?

Перед жаром разлуки — мы прах и тлен.
Слаб я стал, не могу разогнуть колен;
Ждет отец твой, рыдающий, перемен.
Где ты родину, мой Абдулла, нашел?

7—1148

Я расспрашивал тварей земных: где брат?
Я в державе разлуки нашел свой ад,
Мне кровавые слезы домашних — яд.
Где ты родину, мой Абдулла, нашел?

Я не знаю покоя среди людей,
И растет мое горе в потоке дней.
Ты забыл о прекрасной стране своей.
Где ты родину, мой Абдулла, нашел?

Злые вести мне чудятся в тишине.
Ты печаль причинил. Возвратись ко мне.
В пору кинуться в бездну, сгореть в огне...
Где ты родину, мой Абдулла, нашел?

Не играл ты на лоне родной земли,
Стал чужим, на рассвете исчез вдали...
Страстно плачет и кличет Махтумкули:
Где ты родину, мой Абдулла, нашел?

4. ХАН ДЖИГИТОВ

Брат Абдулла, Мазандеран — твой кров,
Мазандеран — твой стан, мой Абдулла.
Я понял жребий твой: ты — тех садов
И тех лугов — рейхан, мой Абдулла.

Аркач — твой раб, и твой слуга — Багдад;
Иран, Туран у ног твоих лежат.
Тебя — мой жемчуг, друг мой, царский клад,—
Возжаждал Румистан, мой Абдулла.

Шлет Абдулле письмо булгарский шах,
Благословенья — праведный аллах.
Тебе хвала — у мира на устах,
Надежда мусульман — мой Абдулла.

Шлет вестников с дарами Гурджистан;
Как барабан гудит Афганистан;
Хинд на колени стал; и Франгистан
Вином восторга пьян, мой Абдулла.

Что пред тобой Рустем и гордый Зал?
Ты с Хатиджой свою судьбу связал.
Шестидесяти слугам приказал
Дать пиалу султан, мой Абдулла.

Шах Туркестана пред тобой дрожит.
Вернись, воитель! Нищих верный щит!
Мне душу слово брата исцелит,
Бальзамов океан,— мой Абдулла!

Помилуй, боже, твоего раба.
Где брат Фраги? Что нам сулит судьба:
Дворцы любви иль тесные гроба?
Где всех джигитов хан — мой Абдулла?

5. ПОИСКИ БРАТА

Ушел Абдулла, но торговец захожий
Вернул мне надежду, пути указав.
Я — Кайс, я скитался у горных подножий
И понял, что был мой указчик неправ.

И стал я по воле тоскующей крови
Меджнуном, угрюмо нахмурившим брови;
И дети Корана забыли о слове,
Презренного идола богом признав.

И стан мой согнулся, и сгинула сила:
Напиток мой — желчь, и жилище — могила.
Так пепел Меджнуна земля поглотила —
Кормилица роз и поилица трав.

Мне огненным шелком окутало плечи,
Иду без кровинки в лице и без речи.
Дворец возводил я, тоскуя о встрече,
И рухнули своды: нечистый лукав!

Бессильная птица зажата в ладони,
Никак не стоят, вырываются кони,
И некуда больше бежать от погони,
И воин хватает меня за рукав.

Теперь для Фраги все на свете едино,
И нет мне возврата, и нет мне помина.
Друзей моих вдаль увлекает Медина,
Один я остался, на землю упав.

6. СУДЬБА

Судьба! Что делаешь, судьба!
Свет у меня в глазах мутится;
Теснятся под землей гроба,
Глотает пленников темница.

Судьба, ты вышла на грабеж,
В твоей руке сверкает нож;
Терзаешь душу, тело жжешь,
И некого тебе страшиться.

Судьба, где твой напарник — волк?
Мой разоренный край умолк;
На пепелищах вражий полк
Твоею помощью гордится.

Судьба, где брат Махтумкули?
Его на пытку повели,
Он мертв. Я трепещу в пыли —
Тобой подстреленная птица.

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ

1. РАСКАЯНИЕ

Полвека на свете я прожил, друзья,
Со старостью совесть моя охладела,
И тает — о господи!— сила моя,
И точат несчастья недужное тело.

Мне горько: я Истину мало любил.
Кончается жизнь, но не гаснет мой пыл,
И духом я тот же, что в юности был,
Да жаль: борода у меня поседела.

А сердце мирская влечет суета,
И очи мне женская жжет красота,
И кривдой мои одержимы уста,
И страсти толкают на черное дело.

И если откажет мне в помощи бог,
Куда мне бежать от предсмертных тревог?
Я — суетен, правде служить я не мог,
И ранняя вера моя оскудела.

Не верю звезде моего бытия,
Черна, словно уголь, недоля моя,
Покинуло счастье родные края,
Душа моя тщетно проснуться хотела.

Судьба моя бурной и страстной была,
Дурные порой совершал я дела;
Прости меня, боже, пока не дошла
Моя многогрешная жизнь до предела.

Фраги задыхается в лютом огне,
Скорбит о себе, как скупец о казне:
И страх и надежды гнездятся во мне.
Души моей жертвою ада не делай!

2. В МАЗАНДЕРАН

Да будет нам спутником отчий народ,
Когда мы и впрямь поведем караван,
Доверимся Ною средь пенистых вод,
Дорогу держа на седой океан.

Нам древние горы поклонятся вслед,
На родину ветер помчится чуть свет,—
Когда принесет он от милой ответ,
Певучее имя впишу я в дестан.

Я стар. Я поистине много скорбел,
Судьбою запродан мой светлый удел,
И те пятьдесят неминуемых стрел
Остались в душе, изнемогшей от ран.

Мне были примером Тахир и Фархад,
Безумец — я в пламя лечу наугад,
Крыла у меня за спиною горят,—
Умру — не узнает Менгли, мой султан.

Я славлю владычицу мира Менгли,
Я кличу подругу мою издали.
Страданья разлуки мне печень сожгли,
А слава Менгли полонила Иран.

В скитаниях помни родимый народ,
Язык обуздай, избегая длиннот;
Готовься, Фраги, собирайся в поход!
Купцы направляются в Мазандеран...

3. СРЕДИ ДРУЗЕЙ

О, как дрожит моей прекрасной
И страстной жизни мотылек!
О, как растет недуг опасный,
Которым дух мой занемог!

Царица змей для змеелова,
Что для певца — напев и слово.
Влюбленный ради лукобровой
В бездонный кинется поток.

Блажен, кто не застыл в покое,
Познав добро и зло мирское!
Со мной — содружество седое,
Ученых книжников кружок.

Махтумкули, твоя дорога —
Полвека. Это очень много.
Но пусть уходит прочь тревога:
Что — старость?— Вздор, пустой предлог!

КУРИЛЬЩИК

Бог волю дал тебе: что хочешь, делай тут,
Иди, куда идешь, путем любым, курильщик;
Но помни все-таки: настанет Страшный суд,
И что ответишь ты, представ пред ним, курильщик?

От неги сладостной твой станет ум нечист,
Ослабнет мощь твоя, и взор твой будет мглист,
В костях заляжет боль, иссохнет плоть, как лист;
Все это причинит тебе чилим, курильщик.

Смири постыдную губительную страсть!
Не то твоей душе, как и деньгам, пропасть:
Ты грудь и голову огню отдашь во власть
И будешь жаждою всегда палим, курильщик!

Суров к распутникам и этот мир и тот;
Лишь чистый к Истине прямым путем идет;
Насильник, лгун и вор перед судом падет,
И будешь с падшими и ты судим, курильщик!

Бог для Махтумкули — извечная краса,
Чилим же — горький дым и кейф на полчаса!..
Душа твоя — нора, и благодать — лиса,
Но из норы лису изгонит дым, курильщик!

ОСТАВЬ КУРЕНЬЕ!

Курильщик, знай: сам душу губишь ты;
Жизнь пожалей свою, оставь куренье!
Твори молитву и блюди посты;
Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

Кальян, виясь, к тебе змеей прильнет.
Шипя от злобы, горло обовьет
И незаметно яд в тебя вольет;
Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

Твое нутро огонь воспламенит;
Ты, весь дрожа, тем ядом будешь сыт;
Ты сам до мозга станешь ядовит;
Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

Уйти захочешь,— вслед ползет змея,
Шипит: «Навек я спутница твоя!»
И ты застонешь: «Что наделал я!»
Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

И без того у жизни краткий срок;
Глотанье дыма — мерзость и порок;
«Курильщик — враг мне»,— говорит пророк;
Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

Наш бренен мир. Кто в силах размышлять,
Тот с нетерпеньем рая будет ждать;
В дыму твоя погибнет благодать;
Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

Своей бессмертной не губи души:
Дар дьявола — восторги анаши!
Что в день суда ответишь ты, скажи?
Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

Ты тешишь сатану, глотая дым;
Дух укрепи, ступай путем прямым;
Из сердца вырви шип, сломай чилим;
Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

Ты для добра, а не для зла возрос;
Омой свой грех потоком жарких слез:
«Воды не даст курящим водонос!»
Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

Яд в сердце у тебя и дым вокруг;
Такому делу только дьявол друг;
Миг радости, а дальше вечность мук!
Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

Раз, шутки ради, покурил Али,
Пошел гулять и увидал вдали
Мечеть прекрасней всех дворцов земли...
Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

Он подошел: вся в золоте она,
Но внутренность ее была черна,
До самых недр огнем изъязвлена...
Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

И, зрелищем столь страшным поражен,
Пришел с вопросом к Мухаммеду он.
«Чудесный храм огнем испепелен!..
Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

Ты увидал прекрасную мечеть,
То сатана тебе дал сладко млеть,
И вот — устоям суждено истлеть!
Жизнь пожалей свою, оставь куренье!»

И вновь пошел Али-Шахимердан,
Обидою и гневом обуян,—
И в ужасе бежал пред ним шайтан!..
Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

Во зле таится он, создатель зла,
Творит обманом адские дела,
Но вспять бежит, коль слышит: «Бисмилла!»
Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

Фраги зовет: очисти взор и грудь;
Жизнь коротка, а дальше — вечный путь;
Так снарядиться благом не забудь!
Жизнь пожалей свою, оставь куренье!

КУРЕНЬЕ

Друзья, заклинаю — предайте проклятью куренье!
Презренное, низкое это занятье — куренье!
Зловонье змеи сообщает нам, братья, куренье!
Хоть манит к себе, как любимой объятья,— куренье!
Где в сборе — глупцы, там — готов присягать я —
куренье!

Потянешь кальян, и ему подчинишься, хмелея.
Тебе не уйти из-под сладостной власти злодея.
Тебя не отпустит он, сделает жертвой своею.
Калекой безногим ты станешь, всечасно слабея.
Коварное дело — для всех без изъятья — куренье!

Сто тысяч недугов — клянусь!— притаилось в кальяне.
Он грудь твою свяжет, ты будешь ходить, как в тумане.
Куренье, оно не дозволено вам, мусульмане!
Когда о душе вы хотите подумать заране,
Бросайте тотчас, дорожа благодатью, куренье!

Внемлите, безумцы, кому так курить полюбилось!
О чарах нечистых куренья вам мыслить случилось?
Что вас привлекает в кальяне, скажите на милость?
Не так ли и царство шайтана извечно курилось?..
Придумано черной, бесовскою ратью — куренье!

Курильщик огонь изрыгает зловещий и синий,
И кто поумней — убегает по этой причине,
Стремится избегнуть дурного примера отныне.
Где курят кальян,— благочестия нет и в помине.
Источник погибели, ада исчадье — куренье!

Куренье — порок, и вреднее не сыщешь порока!
Убьет старика, молодого иссушит до срока.
Слезой застилает оно покрасневшее око.
И легкие в камень тебе превращает жестоко.
Курильщика метит ужасной печатью куренье!

Не гневайте бога куреньем — привычкой постылой!
Неужто судьба вам такую погибель судила?!
К чему вам лишаться веселья, здоровья и силы,
К чему приближаться до времени к краю могилы?..
Фраги говорит: да исчезнет понятье «куренье»!

НАСАТАН[1]

Жизнь твоя, курильщик, дней пустая трата,
Ты иссох, стал бледной тенью, насатан.
Знать не хочешь наставлений шариата,
Тело предал ты геенне, насатан.

С табаком не можешь долго быть в разлуке,
Рыщешь всюду, пристрастясь к той адской штуке,
Вытираешь о бока, сморкаясь, руки.
Все измазал — грудь, колени, насатан.

Нас стекает по одежде в час намаза,
В ад пойдешь за то по божьему указу.
Смрадным чадом изойдешь в огне не сразу,
Не услышит бог молений, насатан.

Мнит курильщик, будто стоит он чего-то,
Плох, хорош он — не его, друзья, забота,
Всю одежду запятнали нечистоты,
Нет людей тебя презренней, насатан.

Глаз слезится — губит тело страсть такая.
Мозг иссушит, благодать души сжигая.
Пищу нас поганит, в пиалу стекая.
Гадость ту не съесть гиене, насатан.

Ты порой бежишь от встречных без оглядки,
Дышишь ртом — ведь нос твой вечно не в порядке,
От детей отрекся ради страсти гадкой.
Вся округа в удивленье, насатан.

---

[1] Насатан — человек, употребляющий нас — жевательный табак.

Яд проникнет в мозг курильщика с летами.
Зубы выпадут тогда от боли сами.
В ноздри тыковки засунут, бросят в пламя,
И душа сгорит в геенне, насатан.

Знай, Фраги, конца не будет тяжким карам.
Рассекут в аду твой нос одним ударом,
Водворят в тот край, что мы зовем Сакаром,
Вечных ты страшись мучений, насатан!

ФРАГИ

Что ты сделал, садовник-рок?
Пал на розы морозный иней.
Обмелел мой речной поток,
Нет горы моей на равнине.
Вор — святой человек теперь,
Раб — хозяин и бек теперь,
На висках моих — снег теперь,
Нет времен моих и в помине.
Помоги мне в беде, пророк!
Сжал мне горло убийца-рок.
Трупы, трупы в пыли дорог...
Пребывает мой дух в кручине.
Плачет месяц во тьме ночей.
Ад бушует в стране моей.
У других — табуны коней,
А хромой — без коня в пустыне.
Рок меня уловил: он рад,
Что пред нищим разверзся ад.
Всюду сети его стоят,
Я лишен его благостыни.
Злые муки тебя сожгли,
Собеседники прочь ушли,
Плачь, несчастный Махтумкули,
Называйся Фраги отныне.

ОТЧЕГО?

Я прошу,— о Дурды-шахир,— отвечай!
Сколько было пророков всего?— Скажи!
Чем украшены двери в блаженный рай?
Где сокрыто здесь волшебство?!— Скажи!

Кто, покинув свой дом, кочевал вокруг?
Кто у ветра спрашивал: «Где он, мой друг?»
Кто в пустыню ушел от любовных мук?
Из чего чалма у него?— Скажи!

Кто он был — осужденный на вечный срок?
Кто родной свой народ на беду обрек,
Сорок лет был в изгнанье, иссох, поблек?
Кто терзал себя самого?— Скажи!

Что за снег, выпадая, не тает век?
Не течет, а бурлит какая из рек?
Пребывает в воде какой человек?
Слезы точит он отчего?..— Скажи!

Кто в двенадцать колчанов вложить сумел
Сорок восемь легко оперенных стрел?
Восемь зал во дворце, кто — скажи — имел?
И обед его был из чего?— Скажи!

Отвечай мне — какой одинокий глаз
Повторен был четыре тысячи раз?
Что за девушка в небе кружит, лучась?
У нее какое родство?..— Скажи!

Поминай нас почаще, Фраги, в пути!
Восемь белых, семь черных сумей найти!
Десять есть у кого взамен девяти?
Песнь ему слагать каково?— Скажи!

ДОЖДЯ, ДОЖДЯ, МОЙ СУЛТАН!

Припадаю с мольбой к тебе, всеблагой,
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!
Стражду я, жажду я, клонюсь пред тобой,
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!

Да сойдет в этот мир по воле твоей
Покровитель земли, поилец полей!
Свет небес, вождь планет, твой мир пожалей,
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!

Напои соловьев — умолкли они.
Мир от бед охрани, печаль отгони.
Нуширвановы дни страдальцам верни.
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!

Отвориться вратам добра повели.
Над полями пролей твои хрустали!
Небо меркнет в пыли над ликом земли.
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!

По твоим чудесам томится Адам.
Дай цветенье садам, свершенье — мечтам.
Твой небесный бальзам дай страждущим, нам.
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!

Беден я, слаб и наг, я — раб из рабов,
Ты всещедр и всеблаг: взыскую даров.
Нет мне жизни без них. Где щит? Где покров?
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!

Пред высоким твоим порогом стоим,
Губ сухих не омыв, молитвы творим:
Ниспошли урожай страдальцам земным.
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!

Я — Фраги — всю любовь к тебе устремил.
В середине пути ты гасишь мой пыл.
Дай до цели дойти, владыка светил,
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!

ГОДЫ

Во чреве матери я спал девять лун.
Открыв глаза, я в мир попал.— Дни мои!
В пять лун я вышел наконец из пелен;
Мне зубы в восемь бог послал.— Дни мои!

Я в год не мог добро и зло распознать.
Отца в два года узнавал я и мать;
В три было мне дано язык восприять,
В четыре — камни я кидал.— Дни мои!

Сомкнулись пять начальных лет в яркий круг.
К шести годам я полюбил струнный звук,
К семи годам дичиться начал подруг,
К восьми — беззубым снова стал.— Дни мои!

Произносить салам я в девять привык.
Читал я на десятом книгу из книг;
Держал в одиннадцать перо, ученик,—
Слова глотал, и слаб и мал.— Дни мои!

Двенадцать я, тринадцать лет накопил.
В четырнадцать — мне сердце жег ранний пыл;
Меня в пятнадцать — страстный сон посетил,
В шестнадцать лет я бушевал.— Дни мои!

Я в двадцать — буйной силы бремя любил,
Я в двадцать пять — похода время любил,
Я в тридцать лет — стрелу и стремя любил,
И был я в тридцать пять — удал.— Дни мои!

Я чашу знаний наполнял в сорок лет.
Я в пятьдесят за четки брался чуть свет,
Мюридом стал я в шестьдесят, стар и сед.
Года пророка насчитал[1].— Дни мои!

---

[1] Имеется в виду пророк Мухаммед.

Под семьдесят неволит лечь — дрожь в ногах;
Под восемьдесят — молкнет речь, муть в глазах;
Под девяносто — ноша с плеч, в сердце — страх,—
Кто память у меня украл?— Дни мои.

Тебе, Махтумкули, до ста не добрать!
Придут халат на мертвый прах надевать,
Да будет спутницею вам благодать,
О, жертва роковых начал — дни мои!..

ПРЕВРАТИЛСЯ Я В ПЕПЕЛ

Я был ласточкой — крыльев лишился, безрадостный, я.
Отморозила крылья осеннего ветра струя.
Стал я жертвою девы, в ней видел я смысл бытия.
Я от бога ушел — безрассудна моя колея.
Все от бога: блаженство свиданий, разлук острия...
Кто приходит надолго — тот вскоре уйдет, вопия...
Среди бдящих я спал — это понял я, слезы струя.
Ел не пищу — отраву, сбирал себе груды гнилья —
Я погиб и сгорел, превратился я в пепел, друзья!

Страсть к наживе бессмысленной мной, бедняком,
овладела.
Мудрецов избегая, в незнанье достиг я предела.
Лишь бродяжничать, странствовать сердце шальное
хотело —
Видно, так суждено, и не знать мне иного удела.
Рок не хочет позволить мне делать желанное дело...
Ни богатства, ни счастья не ведал в свой век закоснелый.
Я немало мечтал, но мечта от меня улетела.
И глухая тоска победила меня, одолела.
Я погиб и сгорел, превратился я в пепел, друзья!

Я, покорствуя року, не слушал веления бога,
Я в грязи утонул, укажи, где к спасенью дорога.
Ни дервиш, ни мулла, ни суфий я — суди меня строго.
Стань мне братом навеки, коль хочешь быть в жизни
подмогой;
Я скажу тебе правду — владеет всегда мной тревога:
И меня презирает последний бедняк босоногий.
Нет под солнцем таких, чтобы жили так нище, убого.
Стал я прахом, терпел я, страдая покорно и много.
Я погиб и сгорел, превратился я в пепел, друзья!

Пусть придет Сулейман и все духи подвластные с ним...
Царь всех пери могучий и грозный с веленьем стальным.
Ветер-див, с сотней тысяч драконов, всем войском своим.
Князь всех мук Тартаруз и Хейхат, перед кем мы дрожим...
Коль гадюки в наш край приползут по равнинам степным,
Моисей белорукий придет с Иисусом святым,
Славный Хизр прочитает молитву с Ильясом благим —
Может быть, и воскресну я к жизни, несчастьем гоним...
Я погиб и сгорел, превратился я в пепел, друзья!

Я несчастен, Фраги, и потух моей жизни очаг:
Я болтун и бездельник, один из беспутных гуляк.
Недостойного к скорби ведет всякий бедственный шаг.
Как слепец, спотыкаюсь, и богу молюсь я не так.
Пожелает царица — сияньем засветится мрак.
И поймут меня все, если слова воздвигну я стяг.
Только ныне, друзья, я последний из нищих бродяг.
Змеелов, огневой саламандре подобный бедняк —
Я погиб и сгорел, превратился я в пепел, друзья![1]

[1] Согласно легенде, саламандра, увлеченная любовью, сгорает в огне, но снова возрождается из пепла.

ПРИЧИНЫ СЛЕЗ

Говоря: «Друзья, друзья!
Жизнь моя прошла!» — я плачу.
«Охладела кровь моя,
Ум сгорел дотла»,— я плачу.

Говоря: «Увы, для нас
Благодати свет погас;
Человек не хочет глаз
Отвести от зла»,— я плачу.

Говоря: «Людской язык —
Празднослов и клеветник,
И кипят земных владык
Черные дела»,— я плачу.

Говоря: «В тенетах лжи
Пропадешь, Адам! Скажи,
Где достойные мужи?
Скольких смерть взяла?» — я плачу.

Говоря: «Ровесник мой
Околдован сатаной;
Брата предал брат родной,
Грешным нет числа»,— я плачу.

Говоря: «Играет рок,
Души гнет в бараний рог.
И лежат среди дорог
Мертвые тела»,— я плачу.

Так, Махтумкули, ты прав;
Плоть безумна, мир лукав,
Говоря: «Мне в грудь запав,
Скорбь гнездо свила»,— я плачу.

НЕ СЖАЛИЛАСЬ СУДЬБА

Не сжалилась судьба, не спас нас бог,
Что строили — все рухнуло мгновенно.
И то куда-то вдаль унес поток,
Что столько лет писал я ночеденно.

Не знали ничего, не ждали бед.
Но вдруг бедой застлало белый свет.
И то, что я писал пять с лишним лет,
Враг погубил, разрушив наши стены.

Смирился кто-то с участью рабов,
Увяли старцы, потеряв сынов.
Враг отпустить кого-то был готов,
За каждого свою назначив цену.

От злой судьбы аллах не уберег,
И я от слез горючих изнемог.
Унес тетради селевый поток,
И стал моим врагом поток Гюргена.

Мы быть скитальцами осуждены,
Друг с другом близкие разлучены,
Страдать обречены мы без вины,
И дни и ночи плакать неизменно.

Лишь правду вам Махтумкули поет;
Пытает нас судьбы недоброй гнет,
Судьба нас жжет, нам неизменно лжет.
Из-за нее спина моя согбенна.

ЛЕКАРСТВ НЕ БУДЕТ

Кто робко внемлет мне, цветет, как роза,
Но роз иных поить родник не будет.
Всех пепелит мой гнев, моя угроза,
На пепле же цвести цветник не будет.

Я — пилигрим, объятый смутой чудной;
Ищу я мудрых, день провидя судный;
Но я зову на подвиг слишком трудный,
И обративших к небу лик не будет.

Склони свой дух пред истиной и светом,
Огонь души не дай гасить монетам;
Мы — гости здесь, и долго в мире этом
Гостить ни юный, ни старик не будет.

В невежестве не погрязай всецело;
Даря, дари рукой, открытой смело;
Обдумай, в чем твое земное дело;
Знай: духа в теле в некий миг не будет.

Гляжу вокруг, и нет отрады взору;
Мир стал ареной буйству и раздору;
Любой готов затеять брань и ссору,—
Читать Коран же, книгу книг, не будет.

Я нищ и слаб; я снес к престолу бога
Молитв немало, жалоб слишком много.
Найти бы скит! Но где к нему дорога?
Да и скрывать меня тайник не будет.

Клони, Фраги, перед судьбой колени!
Когда б могли бежать мы искушений!
Ах, мне лекарств от язвы заблуждений,
Хоть боли нож мне в грудь проник,— не будет!

СТАРОСТЬ

Из колен моих сила былая ушла,
И один я со старостью злою остался.
И в зрачках моих страсть догорела дотла,
И в холодной золе я золою остался.

Я скитался по Неджду, свой разум кляня,
И Меджнун меня проклял, в долину гоня;
Мертвецы умоляли о жизни меня;
Мир томиться над жалкой казною остался.

Я печали бежал, раздарил, что имел,
И, любовью пресытясь, от слез онемел;
Мне на голову годы просыпали мел,
На морозе я мертвой лозою остался.

Телу — хлеб и одежда, джигиту — враги,
Песне — лучшее слово... О сердце, не лги!
Нет, не туром, а глупым теленком Фраги —
Растерявшимся над крутизною — остался.

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА

Что таит в своих покоях сердца запертый чертог?
Ты царевен своенравней и властительней цариц!
Твой любовник изнемог,
Твой зрачок его обжег;
Плачет он,— тебе потеха!
Даровал тебе сам бог
Блеск султанского доспеха:
Точно луки, гнутся брови над колчанами ресниц!

О красавицах прелестных где б беседу ни вели,
Все тебя считают первой между перлами земли.
Весть об этом журавли
В Рум и Индию снесли.
Ты пленишь любого шейха:
Пред тобой ничто — Лейли,
Пред тобой раба — Зюлейха!
Пред тобою, розолицей, поникают розы ниц!

Угли рдяные влюблений раскидала в поле ты;
Сталь расплавится на углях, сердца выгорят цветы.
Как тебе внушить мечты?
Чем смягчить твои черты?
Звезд не видно пламезарных
Перед солнцем красоты,—
И скользят вдоль щек янтарных
Звенья локонов чудесных,— вязь искусных кружевниц.

Ты сидишь, как птица-сирин, ты, как сокол, вьешься ввысь;
У тебя как месяц брови, зубы жемчугом зажглись;

Глянь, павлин, и устыдись!
Глянь, орел, и преклонись!
Ты ж, скользя степным джейраном,
С нежной горлинкой сравнись!
Я сравню тебя с фазаном,
Ты играешь и сверкаешь опереньем райских птиц.

И когда цветной твой пояс заблистает издали,
О немыслимом мечтают все любовники земли
И кричат тебе: «Внемли!
Нищих златом надели!
Дай нам рай за рай загробный!»
Да! Нигде Махтумкули
Не видал второй подобной,—
И любви его безумной нет пределов и границ!

ИЗ ЛУЧШИХ ЛУЧШИЙ

Двенадцать месяцев идут чередой,
А рамазан придет — из лучших лучший.
Сирийский край был славен красотой,
И звал его народ: «Из лучших — лучший».

Дивлюсь — о боже!— чудесам твоим,
Но не постигну разумом простым,
Зачем в земле сокрыт, недостижим
Источник светлых вод — из лучших лучший?

Уместен ли зловещий крик ворон
В саду, где розой соловей пленен?
В пещерах клады стережет дракон,
Нам преграждая вход,— из лучших лучший.

Когда б к творцу пробиться я сумел,
Смутится он при виде наших дел.
В одной пословице весь наш удел:
«Еж подгрызает плод из лучших лучший».

Бессилен я. Душа моя больна,
Она дотла любовью сожжена.
Издревле поговорка сложена:
«Шакал кусок сожрет из лучших лучший».

Язык змеиный, умудрясь, поймешь.
Не превращай святую правду в ложь.
Всем говори, что твой сосед хорош.
Кто не клевещет — тот из лучших лучший.

Махтумкули неправый видит суд,
Здесь кроткие ручьями слезы льют.
В неволю брата братья продают.
В изгнание уйдет из лучших лучший.

НЕ ВЫПИВ ЧАШИ

Коль время-кравчий мне не даст испить шербету —
Умру, не вытерплю, истаю, как свеча!
Дай чашу, милая! Мы скроем тайну эту!
Знай, образумлюсь я, лишь нежный клад сыща!

Пловец потерянный, я плыл по океанам;
Я спутницу нашел, стремясь к блаженным странам;
Испив ширап любви, я буйным стал и пьяным;
Мне чужд и утра шелк, и поздних зорь парча.

Покуда страсть кипит — душа сверкает в теле;
К тебе мои слова, мои мечты летели;
Я муку пережил, рыдал я дни, недели,—
И был мне каждый миг как бы удар бича!

Твой взор — палач, уста — с лазутчиками схожи.
Ты рушишь мой покой, вливая волны дрожи;
Но если б, как Мансур, остался я без кожи,—
Я б за тобою полз, ее как плащ влача!

Махтумкули,— я спал, мне было так отрадно;
Но повелела ты, и — раб я страсти жадной;
Я утерял себя навек и безоглядно;
Так пусть хоть имя мне останется, звуча!

СУЛТАН

Братья, цвет мусульман!
Ходил я стезею света.
Зная: миров султан
В мир послал Мухаммеда.

В степях — от края до края,
На склонах горы Синая,
В обителях гурий рая
Им оставлена мета.

И горы и даль морскую,
Дома и толпу людскую,
О милой своей тоскуя,
Я спрашивал — нет ответа.

Душа моя изнывала.
Я рек пересек немало,
Поднялся на перевалы
И тяжкие дал обеты.

Фраги стал от горя пьяным.
Застлало разум туманом,
Сдавило сердце арканом...
За что подобные беды?

НЕ ЗНАЮТ

Ты украшение души. Тебя желанней нет.
Весь мир заполнила собой, но мир тебя не знает.

Я за тобой свою ладью направил в море бед.
Где ты, я спрашивал у всех, но встречные не знают.

Твою стоянку отыскав, спешил, напав на след,
Где ты, у стойбища спросить, но стойбище не знает.

Земля вращается тобой и небо — много лет.
Где ты, я спрашивал не раз у вечности — не знает.

Тоскуют волны о тебе, песок тобой согрет.
У волн я спрашивал, где ты, но океан не знает.

Молил я землю: «Дай ответ»— и небо: «Дай ответ,
Как мне любимую найти». Но о тебе не знают.

Махтумкули пошел к друзьям, исколесившим свет.
Друзья о многом говорят, но о тебе не знают.

ХОЧУ Я

Ты добр ко мне, аллах могучий,
Но милость вящая нужна мне:
Красавица с душою жгучей,
Меня пьянящая,— нужна мне.

Не дашь,— поникну под бедою.
Куда пойду с моей тоскою?
Рот, как миндаль, и бровь дугою,
Смолой кипящая,— нужна мне.

Прославленная добрым нравом,
Не склонная к пустым забавам,
С лицом веселым, нелукавым,
Дух веселящая,— нужна мне.

Минуло двадцать лет напрасно,
Хоть счастья ждал я ежечасно.
Жена со ртом медвяным, страстно
Меня манящая,— нужна мне.

Махтумкули, бедняк бездомный,
Был сопряжен с невеждой темной.
Ах, жить бы с милой, умной, скромной!
Мой труд ценящая — нужна мне.

ПУСТЬ МИЛАЯ ПРИДЕТ

Кто милой сообщит об участи моей?
Набита грудь моя горящими углями.
Пусть милая придет, погасит поскорей
То, что не погасить и долгими дождями.

Пришедшим свой чертог ушедший уступил.
Любовь герой сокрыл, трусливый разгласил.
Любимая во мне, хоть я ей и не мил,
Сначала разожгла, потом раздула пламя.

Недобры небеса, их неверна рука.
Где милая моя? Как прежде далека.
И счастья на земле не будет мне, пока
Не встретятся мои глаза с ее глазами.

Тяжелый мой недуг согнул мой тонкий стан,
Чтоб излечить меня, бессилен и Лукман,
Муть в голове моей, передо мной туман.
Смогу ли я избыть свою печаль словами?

Ценою ста обид и тысячи забот
Стяжаем мы добро, приумножаем скот,
Но мир,— морская ширь, а наше тело плот,
Его вот-вот зальет, и разобьет волнами.

Все, что копили мы, достанется не нам,
Когда придет конец недолгим нашим дням.
Кто б ни был человек, чей праотец Адам,
Ты превратишься в прах, исчезнет даже память.

Именье и твое, Фраги, не на века.
Из вечного тебе дадут наверняка
Лишь холмик вышиной в два или три вершка,
Да полотна кусок, да надмогильный камень.

ВЗОР УПАЛ

Богом радость мне дана!
Взор упал мой на желанную.
В мейхане испив вина,
Вижу, вижу страстью пьяную!

Локон твой душист и густ;
Взор — алтарь, и он не пуст;
И кораллы влажных уст
Глубью дышат океанною.

О запретная, приди,
Ты на раны погляди.
И прильни к моей груди,—
Дай мне видеть богоданную!

Ты — джейран: легка, стройна;
Меда речь твоя полна;
Ты — как полная луна
Над равниною безгранною!

Жгут желанья грудь людей;
Предан раб княжне своей;
Трели нижет соловей,
Если видит розу рдяную.

Гиацинт твоих волос
В сердце песню мне занес;
Соловей я: райских роз
Вижу гроздь благоуханную.

От страданья исцели,
Красотою утоли:
Душу душ Махтумкули
В милой видит осиянную!

ЕСТЬ ЛИ?

О любви послушать слово
Есть желающий, друзья?
Стонам бедного больного
Есть внимающий, друзья?

Опьянен я! Волей рока
В сердце страсть вошла глубоко;
Есть ли в мире столь жестоко
Изнывающий, друзья?

Жжет мне тело, сердцу больно,
Плачу я, кричу невольно;
Есть ли в мире столь бездольно
Погибающий, друзья?

Наслаждаясь миром лживым,
Можно ль быть хоть миг счастливым?
Есть — в котле любви бурливом —
Умирающий, друзья?

Страсть и мысль — в извечном споре;
Мужу страсть — беда и горе!
Есть ли кто в любовном море
Утопающий, друзья!

Я терзаюсь, я тоскую,
Покидаю грудь земную!
Есть ли смехом боль такую
Оскверняющий, друзья?

Как Фраги не пламенеет,
Пери злая не жалеет...
Вправду ль страсть, как ястреб, реет,
Все терзающий, друзья?

КЛЯНУСЬ

О пери! Навеки пленен я тобою, прекрасной, клянусь!
Не видя тебя, я в геенне сгораю всечасно, клянусь!

Случайно я в город твой прибыл, я имя твое услыхал,
И вот — соловей я плененный, певец твой несчастный,
клянусь!

Купец я: с пустыми руками вернуться домой не хочу,—
Любовный товар покупаю, твой шелк темно-красный,
клянусь!

Ты душу мою отнимаешь, а чем я тебе угожу?
Святым угодил бы и пирам я песнею страстной, клянусь!

О пери! Подобные косы твоей лишь даны красоте!
Поверь же Фраги! Он взывает: «Я раб твой безгласный,
клянусь!»

МОЯ ЧЕСТЬ

Ее румянец, как гранат, горит, огнем играя,
Перед гранатом щек ее — ничто гранаты рая.

Не дам страданий ей терпеть, взвалю их на себя.
Приди, Лукман, чтоб поглядеть, как мучусь я, сгорая.

Махтумкули все может снесть, страдая и любя.
Но только не заденьте честь: обид я не прощаю.

ТРЕВОГА

Ты — роза, цель моих надежд,
Твой лик на лунный круг походит.
Прохладный шелк твоих одежд
На благодатный луг походит.

В моих садах цветет шафран;
Пал на глаза густой туман;
Пустыней стал мой океан,
Мир на жилье разлук походит.

Я видел сам: ты мимо шла,
Все пери зависть обожгла;
Твой взор — каленая стрела,
Грудь — на жестокий лук походит.

И сердце льнет к твоей судьбе;
Язык мой в страхе и мольбе,
Мой разум, рвущийся к тебе,
На паруса фелуг походит.

Мне красота твоя — палач.
Лица, красавица, не прячь!
Скажи мне: «На свирель твой плач,
Твой стон, твой зов, мой друг, походит».

Ты — лебедь трепетных зыбей,
Ты — счастье родины своей,
Ты — майя сказочных степей.
На пытку мой недуг походит.

Ступила ты на мой порог,
Мы обманули злобный рок;
Завистник — мир на сто тревог —
Нас обступивших вдруг, походит.

Несчастье он пророчит нам,
Я душу за тебя отдам,—
Твой дом похож на божий храм,
Мой дом — на лавку мук походит.

Как месяц в сумрачной дали,
Мне светит красота Менгли.
Безумцем стал Махтумкули.
На слезы песни звук походит.

ПЕЧАЛЬ

Слезы жгучие пью: стал я братом печали сегодня.
Слишком злые обиды меня повстречали сегодня.

Уязвлен я любовью, исхода найти не умею,
Челн мой держит разлука на крепком причале сегодня.

Как непрошеный гость, посетил я державу любимой,
Где на вечное царство кого-то венчали сегодня.

Я сказал: «Здесь я брат, не считайте меня посторонним!»
И холодной усмешкой меня привечали сегодня.

Отними у меня эту горькую душу, создатель!
«Нищий, дерзостный нищий!» — мне в уши кричали сегодня.

Скорби этого дня ты, Фраги, никогда не забудешь.
Кривда, черная кривда у мира в начале сегодня.

ПОДРУГА

Что пред яркой твоей красотой все цветы гюлистана?
Пред бровями твоими — изогнутый лук Исфагана?
Что пред медом твоим — мед луны и дыханье рейхана?
Нет столь розовых губ, нет на свете подобного стана;
Я не знаю прекрасней, не знаю опасней тирана.

Истомила меня, непрозрачный покров надевая;
Даже тени твоей не нашел я в обителях рая.
Заблудился я в пламени,— только и вижу, сгорая,
Расплетенные волосы: ходит волна смоляная;
В Нил я брошусь, в Кульзум — я, пловец твоего океана.

Свод небесный рука твоя нежная остановила;
Опочила на косах твоих чудотворная сила;
Исцелила недужного, мертвого ты воскресила;
Раем ад обернулся, дворцом обернулась могила.
Справедливей тебя нет на свете ни шаха, ни хана.

Ты подруг собираешь, беседы твои нелукавы.
Нет границ на земле для твоей несмолкающей славы.
Если рок ополчается против прекрасной державы,
Ты ее защитишь. Выходи, мой султан величавый,
Выходи! Во вселенной нет больше такого султана.

Копит черную злобу недоля моя на престоле,
Молвит слово дурное. Отравлены стрелы недоли.
Хитрый ловчий стреляет,— и кровью окрашено поле.
Я встаю во весь рост, задыхаясь от страсти и боли.
О, мои времена! О, носители зла и обмана!

Пой, Фраги! Веселись! Жизнь тебе возвращает подруга.
Смело бой начинай: победителем выйдешь из круга,
И останется пояс твой крепкий завязанным туго.
Захотите послушать — народу почет и услуга,
Речи есть у меня — благодатней луча средь тумана...

СЛАВА МЕДЖНУНА

Сгорю, полюбив: я — наследник Меджнуновой славы,
Умру — посмеется гонитель Джемшида лукавый.

Что — слон, что — комар,— кем губительный рок не играет!
Души комариной не мучь ради глупой забавы.

У шаха-невежды храбрец превращается в труса,
И трусы наглеют, и счастье бежит из державы.

Один недочет, но двенадцать достоинств у пери.
Вглядись в молоко и увидишь в нем пурпур кровавый.

Губами касаешься губ и не знаешь блаженства.
Есть берег любви, но нельзя отыскать переправы.

До света не спишь; у тебя в том затворе зеленом
По имени Дерево есть собеседник кудрявый.

Скорбя, как Меджнун, испытал ли ты, сын человека,
Огонь пожирающий — жарче расплавленной лавы?

Ты року поверил, ступил на дорогу мучений,—
Не будет возврата! Иди, сокрушая заставы.

Но родины, Махтумкули, не бросай: на чужбине
Объятья красавицы райской не слаще отравы.

УСЛЫШУ ЛИ?

О дева-роза, соловьев царица!
Услышу ли я о тебе, любимая?
Все страны мира для меня темница;
Услышу ли я о тебе, любимая?

От бронзотелого Исфендиара
Иль от Рустема, бившего яро,
В Медине иль в Дамаске, средь базара,
Услышу ли я о тебе, любимая?

Вина испив, пляша и распевая
Или врага на части рассекая,
Иль по горам, как Гёр-оглы, летая,
Услышу ли я о тебе, любимая?

От соловья в саду благоуханном,
В священной Мекке, в храме богоданном,
В горах Сафа́, поросших маком рдяным,
Услышу ли я о тебе, любимая?

Как шейх Сенган, скорбь затая навеки,
Иль как Шибли, землей засыпав веки,
Иль обойдя Каабу трижды в Мекке,
Услышу ли я о тебе, любимая?

Томясь в темнице, как Юсуп, годами,
Или, как Дже́рджис, поникая в пламя,
Иль к богу, как Юнус, летя мечтами,
Услышу ли я о тебе, любимая?

В молитве страстной вскинув к небу руки,
Иль пожелтев, как Гюль-Ферхар, в разлуке,
Иль из дутара исторгая звуки,
Услышу ли я о тебе, любимая?

Исе подобно, в небесах укрывшись,
Иль, как Идрис, в молитвах изнурившись,
Иль, как Хизир, во тьме ночной забывшись,
Услышу ли я о тебе, любимая?

Фраги, присев средь пьяных и влюбленных,
Средь тусклых глаз, любовью удивленных,
В семи краях иль между звезд бессонных,—
Услышит ли он о тебе, любимая?

МОЛВА

Играют пенные потоки,
Дрожит суровый камень гор;
В тревоге путник одинокий
Спешит на брезжущий костер.

Болтун все тайны выдаст разом.
Не помнит слов ничтожный разум.
Джигит не отвечал отказом
На зов отчизны до сих пор.

Не забывай о верном друге —
И вспомнятся твои заслуги.
Гадаем, слезы льем в недуге,
Но слезы — яд, гаданья — вздор.

Рассмейся, унывать не надо,
Молва твоей печали рада,
И тайная твоя досада
Из дома выйдет на простор.

Мир обездолит алчность бая;
Порвется тетива тугая;
Под ветром башня вековая
В летучий превратится сор.

Над розой — рокот соловьиный.
Ручьи, бегущие с вершины,
Сливаются в поток единый;
А за молвой идет раздор.

Не бойтесь птиц и сейте просо.
Красавица расчешет косы,
Глядишь — на мед слетятся осы,
И зажужжит постылый хор.

Всегда Карун-скупец в кручине,
Покоя нет его гордыне.
Меджнун — Махтумкули к пустыне
Отныне обращает взор.

ВСПОМНИШЬ ВДАЛИ

Я люблю тебя, милая, с первых дней.
Что скрывать мне, что прятаться от людей!
. . . .
. . . .

Не один я влюбился в глаза-лучи.
Днем я жажду тебя. Я томлюсь в ночи.
Я — твой раб, о любимая!— научи,
Как достичь, чтобы вместе мы быть могли?

Был я нищий гость, так войду я в почет.
Был — сухая кость, в жилах — кровь потечет,
Было сердце мертво, вновь оно оживет,
Если ты обо мне вспомянешь вдали.

Я огнем своей муки весь мир поджег.
Я молю о спасенье,— горит чертог!
Все стихии в единый слились поток,
Чтобы мы наши судьбы в одну сплели.

Кто свой хлеб отдает, тот берет вдвойне.
С каждым днем ты нужнее, желанней мне.
Коль на рынке любовном — душа в цене,—
Душу милой вручает Махтумкули.

МОИ СЛОВА

Пустились вдаль мои слова к тебе, моей царице,
Слетели медом с уст моих, чтоб ядом возвратиться.

Судьба ко мне бывала зла, от бед я поседел,
И в день весны метель бела, что предо мной кружится.

Ушла удача от Фраги, мой сокол улетел,
В сетях запутались мои все остальные птицы.

ПРИДИ

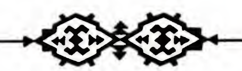
Моя мучительно-любимая, приди!
Я горько вдовствую, грудь пронзена ножами.
Ищу тебя, зову: нет жизни впереди!
Ужель не тронешься правдивыми словами?

Совета я прошу, и говорит народ
Простой пословицей: «Где масло, там и мед».
Встаю к молитве я, лишь утро расцветет,
И первыми — тебя к себе зову мольбами.

Для понимающих — ты ярких лалов нить.
Невеждам никогда твой ум не оценить.
О, если б ты могла моей женою быть,
Любимая моя, чей образ — смерть и пламя.

Войдя, любимая дом сердца озарит,
И счастье мертвое навеки воскресит.
Я захочу — как воск расплавится гранит,
Я повелю — и луг покроется цветами.

Нет в мире ярче солнц, чем солнце красоты!
Крылатыми становятся мечты.
Беда тебе, Фраги, коль не добудешь ты
Той, на кого глядишь влюбленными глазами!

КТО ТЫ?

Ах, никогда я тебя не видел, моей любимой!
Кто ты? Голубка ль в росе медвяной? Скажи мне, кто ты?
Душе печальной я лгу, обманной мечтой палимый;
Ты роза ль в роще благоуханной? Скажи мне, кто ты?

Кто ты? Убийца? Сеид ли гордый? Святой ходжа ли?
Ты виночерпий или вино ты в златом фиале?
Ты год ли, день ли, иль ночь, иль вечность в туманной дали?
Луна ль ты, солнце иль свод звездяный? Скажи мне, кто ты?
Ты мирра ль, амбра ль, иль пряный мускус, иль свежесть мяты?
Ты колесо ли судьбы лукавой, или петля ты?
Ты вал ли пенный в безгранном море, в реке ль волна ты?
Ты водоверть ли, иль вихрь песчаный? Скажи мне, кто ты?

Кто ты? Червонный тяжелый слиток? Ты серебро ли?
Престол ли божий, иль трон султана, иль просто поле?
Лампада ль, луч ты, иль зыбь цветная на ореоле?
Ты перл ли, лал ли, коралл ли рдяный? Скажи мне, кто ты?

Фраги! Не думай об этой страсти неуловимой!
Прочь руки: образ ее лукавый промчится мимо!
К чему мечтаешь ты о незримой своей любимой?
Ты кто? Безумец? Мечтатель пьяный? Скажи мне, кто ты?

ЛЮБИМАЯ

Друзья! У меня любимая есть, живет она вдали,
Но славу о ней по всей земле влюбленные разнесли.

Я сердце свое ей рад снести, не знаю только пути;
Я там бы родину вновь обрел, и счастье б мы обрели.

Я ей сказал бы: «Любовь моя! Себя уничтожу я,
Но будь моею, дай счастье мне, безумным словам
внемли!»

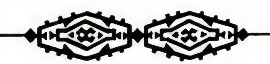
Быть может, с другими сидит она, счастливых дум
полна;
Быть может, ею приглашены, влюбленные к ней
пришли.

Войди я к ней, улыбнись она, блесни глазами она,
Я там остался б навеки: мне не надо родной земли!

Коль черные косы крепче цепей в плену томят людей,
То я ей душою и телом раб, простертый пред ней в пыли.

А дни идут, и пройдет весна, а мне не расторгнуть сна;
Хочу я глаза открыть, увы: свинцом они затекли...

Коль спросят путники про меня, скажите, лицо клоня:
«Гоклен он родом, с Атрека он, а имя — Махтумкули».

ЗАХОЧЕТСЯ

Порой такая встретится красавица,
Что ей служить простым рабом захочется.
Столь милая, столь нежная,— столь нравится,
Что с ней до смерти быть вдвоем захочется.

Высокая, манящая, желанная;
Лицо — луна, а губы — роза рдяная;
Слова — как перлы, как роса медвяная;
И к ней приникнуть жадным ртом захочется.

С такою жаждешь каждый день свидания;
Касаться кос — что может быть желаннее?
Ей все отдашь! К такой стремить мечтания
Не только ночью, но и днем захочется.

А есть красотки: волосы немытые,
На платье грязь, в дому горшки разбитые,
Родители не кормлены, забытые,—
И тут спастись в краю чужом захочется.

Коль встретишь пери с кожей белоснежною,
Она в тебе зажжет любовь безбрежную,
Сольет с твоей душою душу нежную,—
И мир отдать ей целиком захочется.

Но быть должна испытана красавица:
Когда-нибудь в ней кровь и род проявятся.
Все дашь, Фраги, той милой, что понравится;
А от дрянной — бежать бегом захочется!

ЛЮБОВЬ

Я бродил по теснинам любви. Лучше, кажется, смерть!
Что за мука! Душа изныванья такого не стерпит!
Если гору любви взгромоздить на небесную твердь,
То обрушится небо,— страданья такого не стерпит!

Без дыханья любви даже факел не станет гореть.
Даже волки стенают, почуя любовную сеть;
Горы грозные дрогнут, расплавятся камни и медь
От любовного зноя,— пыланья такого не стерпят!

Не найти никого, кто бы в муках любви устоял;
Даже рок отступает, почуя любовный накал;
Покачнется земля, океаны отхлынут от скал,
И просторы пустынь содроганья такого не стерпят!

Рай бежит от любви и на небе укрылся навек;
Ад, под землю скрываясь, ущельями горы рассек;
Все бежало; остался покорен любви человек,
Но и он без рыданья терзанья такого не стерпит!

И вовеки Фраги не бежать из любовных оков,
Но напрасны все жалобы: небу не слышен их зов.
Эта смерть и тоска — нам наследство от грешных отцов,
Хоть душа никогда наказанья такого не стерпит!

НЕТ КРАСИВЕЙ

Нет красивей!.. Взоры — стрелы,
Бровь, как лук, напряжена;
Перед нею солнце меркнет,
Затмевается луна.

Душу ей отдать не жалко:
Нет красавицы подобной!
Голова — с поставом гордым,
Грудь — высокая волна.

Сердце смута охватила,
Ни минуты нет покоя,
И от страсти — на дутаре
Стонет жалобно струна.

Для влюбленного — блаженство
Быть с такою,— слаще рая.
А разлука — точно пламя,
Точно ада глубина.

Не утрать последней силы
Пред ее палящим взором:
Ведь и так слабеют мысли,—
Красотой душа полна!

Скрыты в ней, на гибель мудрым,
Сатанинские соблазны;
Точно Ибрагим с Исхаком,
С милым жестока она.

И Фраги взывает к богу:
«Нищий я! Пошли мне милость,—
Пусть хоть на мгновенье будет
Счастьем жизнь озарена!»

ВСТРЕЧАЛ ЛИ ТЫ?

Кидающую в ночь сиянье и свеченье,
Встречал ли ты мою царицу красоты?
В день радостной весны иль светопреставленья
Встречал ли ты мою царицу красоты?

Анка, видавшую свет Истины воочью,
Днем недвижимую, порхающую ночью,
Как дервиш Навои — в одежде, рваной в клочья,—
Встречал ли ты мою царицу красоты?

Злой рок разлукою мне грудь разъял навеки;
В пустынях я брожу, переплываю реки,
Ища любимую в Ираке, в Шаме, в Мекке,—
Встречал ли ты мою царицу красоты?

В Хорезме, в Кыпчаке, в далеком Чин-Мачине,
Иль там, где Зумаил сквозь звездные пустыни
На крыльях ангельских витает и поныне,—
Встречал ли ты мою царицу красоты?

У моря Красного, что стонет, как влюбленный,
Иль в царстве лотосов, иль на Аму вспененной,
В Ерусалиме ли, в Медине ль раскаленной —
Встречал ли ты мою царицу красоты?

Где милая?— томит Махтумкули тревога;
Как отыщу ее средь божьего чертога?
Архангел Джебраил, святой посланец бога,
Встречал ли ты мою царицу красоты?

ЛЮБИМОЙ

Братья, только взглянул я — и понял вдруг:
Адский огнь обжигает слабей любимой.
Бровь ее изогнулась, как меткий лук.
Взоры смертных прикованы к ней — любимой.

Эту пери не мог породить Адам.
Плач влюбленных не даст передышки нам.
Тот, кто видит ее, не верит глазам —
Ярче молний сверканье очей любимой.

Свет ее красоты, как солнечный свет,
Верных слов для ее описанья нет,
Это диво — тонкий узор, самоцвет,
Райских дев не бывает светлей любимой.

На ее пиру я и сам побывал,
И ее вином был сражен наповал,
Речь любимой язвила сотнею жал,
Сколько было укусов от змей любимой.

Я владычице душ век внимать готов,
Вы прислушайтесь к нежной музыке слов.
«О, мой раб!» — из-за полога слышу зов,
Повелительный голос моей любимой.

Удостоенный видеть ее цветник,
На пустынной горе я очнулся вмиг,
Легкий ветер к нежным ланитам приник,
Гладит черную пряжу кудрей любимой.

Бровь нахмурит она — и конец всему,
Трубный глас прозвучит, не спастись никому,
Души добрых и злых — все канут во тьму,—
Ничего нет на свете грозней любимой.

Жар разлуки в сердце разжег костер,
Прах от стоп моей милой — мне приговор,
У нее нет ни братьев и ни сестер,
Не встречал я врагов и друзей любимой.

Никого нет на свете, только она,
Кто полюбит ее, тем смерть не страшна,
А сама не знает ни пищи, ни сна,
И пристанища нет у моей любимой.

Все, увидев ее, скитались вдали,
Часто слезы из глаз влюбленных текли.
Говорит без утайки Махтумкули:
Я всю душу пожертвую ей — любимой.

КРАСАВИЦА

Солнца меч опустился, остер и слепящ,—
Ты луной серебришь все вокруг, красавица!
Ты — изделье Джафара, ты — беличий плащ,
Исфаганский, изогнутый лук, красавица!

Шнур серебряный в косах, зарницы двойник,
Каждый встречный к тебе обращает свой лик,
Твои губы — священный мекканский родник,
Ты — творенье божественных рук, красавица!

Ты — багрянец, ты — пурпур, ты — алый восход,
В Индостане ты — сахар, а в Булгаре — мед,
Лик твой в пору любви, словно роза, цветет,
Зулейха и Юсуп — ты, мой друг, красавица!

Твоя слава достигнет восточных вершин,
Ты — высокий кальян, тонкогорлый кувшин,
Искрометный прозрачный индийский рубин,
Всех рассудка лишаешь ты вдруг, красавица!

Кто силен, тот — считается — праведным стал,
У такого и дар исцеленья немал.
Молвят: лучшую дыню съедает шакал.
Осчастливленный раб — твой супруг, красавица!

Если правду не скажет вам Махтумкули,
Зубы выбив, лжеца изваляйте в пыли.
Если б видел аллах все страданья земли,
Ты бы наш исцелила недуг, красавица!

С ОСЕНИ ТЕБЯ Я ЖДУ

Судьба тебя мне не дала, хоть с осени тебя я жду,
Сказала ты — зима пройдет, весною я тебя найду.
Средь многих девушек тебя я выбрал, как цветок в саду.
Я оробел и не посмел обнять тебя, мою звезду,
Спросить, когда же мы начнем годов счастливых
череду?

Любимая! Когда бы знать, что помнишь ты, что веришь
ты.
Сто раз на дню передо мной твои прекрасные черты.
Я, бедный раб, томлюсь, горю в костре бессмертной
красоты;
Пусть бог с дороги уберет врага, чьи мысли нечисты.
Прости меня, коль от обид я все ж тебя не уведу.

Пред богом речь моя — ничто. Бедняг подобных в мире
нет.
Владыки мной пренебрегли, я пленник бесконечных
бед.
И сердце пронзено мое, пусть злой стрелы не виден
след.
И ты бедна, и я бедняк, на нашей радости — запрет.
На горе разлучил нас бог, послав нам лютую нужду.

Войти бы в утренний твой сад, петь, превратившись в
соловья.
Пока соперник не узнал, тебя прижал бы к сердцу я.
Таких лодыжек тонких нет у горлицы, любовь моя.
Любуюсь станом я твоим, в груди дыханье затая,—
Пусть бог убережет тебя, пусть ты не попадешь в беду.
Враг видит счастье от тебя, а друг навек лишен услад.
И тяжелей Балканских гор печаль души моей в сто крат;
Нет в мире счастья без тебя, я больше ничему не рад.
Так говорит Махтумкули: обет твой ложен, лжив твой
взгляд,
Ты неверна, и в сети я теперь твои не попаду.

КОГДА НЕТ ТОНКОГО СТАНА

Не скажешь о ней: красавица,
Коль тонкого стана нет.
Мечтает храбрец прославиться —
Коня и аркана нет.

Стала листва белесой.
Стал соловей безголосым.
Страшней для увядшей розы
Ветра хазана нет.

В барханах пустыни черной
От ветра спасенья нет.
Покоя с водой разлученной
Утке в барханах нет.

Плохо бескрылой птице.
Влюбленным всю ночь не спится.
Конь хромой не годится
В угон за джейраном? Нет!

Мир пошатнулся. В книге
Совета страждущим нет.
В скупом, как в пустом арыке,
Спасенья жаждущим нет.

Сведет и с неверным случай.
Не верь облакам бегучим.
Тени от быстрой тучи
В песках каравану нет.

Махтумкули не ославится,
Сказав: гюлистана нет.
Ищет джигит красавицу,
Но тонкого стана нет.

11—1148

НИЩЕТА ВЛЮБЛЕННОГО

Истерзала меня любовь,
Вот начало начал,— клянусь.
Ранит насмерть черная бровь,
Одержимым я стал,— клянусь.

Миром правишь одна — ты, ты.
Золотая луна — ты, ты.
Рай, покой, тишина — ты, ты.
Слезы лить я устал,— клянусь.

Ты, затмившая блеск Лейли,
Движешь звездные корабли.
Не увидишь ты издали —
Я велик или мал,— клянусь.

За невесту платят калым.
Скорбь играет сердцем людским.
Я приду — нищетой гоним —
На последний привал,— клянусь.

Люди знают: ночью — темно;
Где река — там вода и дно;
Мусульманин, пьющий вино,
Для спасенья пропал,— клянусь.

Смерть придет за душой как тать,
На уста наложит печать.
Не умеет слова держать
Малодушный бахвал,— клянусь.

Тигр охотится в камышах,
Роет червь отсыревший прах.
Тонет нищий в горьких слезах,—
Значит, к баям попал,— клянусь.

Если б руки твоей Менгли
Протянуться к тебе могли,
Ты воспрял бы, Махтумкули,
Выше гор, тверже скал,— клянусь!..

КРАСАВИЦЕ

Поистине, что кипарис,
Красавица, строен твой стан.
Проходишь в одежде из роз —
На диво спокоен твой стан.

Плывешь, как луна, далека,
И душит мне горло тоска.
Зюлейхиного кушака
Высокий достоин твой стан.

Я — жертва осенних ветров;
Ты — вера моя и покров,
Мой храм. Из каких жемчугов,
Алтарь мой, построен твой стан?

Я плачу и слез не таю,
Я гибну во славу твою;
Я выронил меч и пою —
Израненный воин — твой стан.

Стенает Фраги: пощади,
О, не добивай, погоди,
На горе мое погляди,
Приди...— но спокоен твой стан.

ОДЕРЖИМЫЙ ЛЮБОВЬЮ

Одержимый любовью сожжет за собою мосты;
Любоваться он будет избранницей до слепоты;

Повстречается с нею и слова не сможет сказать.
Сколько в мире влюбленных стенают, ломая персты!

Разгорается уголь,— поистине жар нестерпим,
Но любовь дорога в этом царстве пустой суеты.

Если осенью поздней на сердце низринется страсть,
Что влюбленному ранней весны молодые цветы?

Что, скажите, павлинья стоцветная роскошь ему,
Если он лебединой не может найти красоты?

Пусть живым серебром у него затрепещет душа,
Ради прихоти женской он примет обет нищеты.

На красавицу встречную он не посмотрит,— пускай
У подруги его — ни единой прекрасной черты.

В дни разлуки влюбленный к седьмым небесам воззовет,
Даже если они для него безнадежно пусты.

Из объятий скользнув, обратится к рассудку она,—
Он вздохнет и покорно свои остановит мечты.

Розу будет искать и метаться средь множества роз,
Умирая под бременем этой безумной тщеты.

Но зато — как застонет счастливое сердце, когда
На призывы стократные пери слетит с высоты!

Что за речи, Фраги? Что за песня? Ведь ты не влюблен!
А слыхал ли о жертвах Меджнуна влюбленного ты?..

ХВАЛА

Розы прекрасней тебя меж цветов гюлистана нет.
Косы твои как рейхан, но такого рейхана нет.
Речи, подобной твоей, на страницах Корана нет.
Перлов, как зубы твои, в глубине океана нет.
Выше престола, чем твой, во дворце Сулеймана нет.
Родинок слаще твоих у цариц Хиндостана нет.
Месяца ярче тебя в небесах Румистана нет.
Рядом с тобой — Чин-Мачина и Афганистана нет.
Роза эдемская рядом с тобой не румяна, нет!
Рядом с твоими кораллами пламя не рдяно, нет!
Луков, как брови твои, в мастерских Исфагана нет.
Лалов, подобных твоим, в подземельях султана нет.
В мире тебя справедливей ни шаха, ни хана нет.
Дышишь прохладным туманом — блаженней тумана нет.
Яства прикажешь подать — у царя дастархана нет.
В слове твоем, как в алмазе бесценном, изъяна нет.
Сила твоя — как дурман, и пьянее дурмана нет.
Смотришь на рану без жалости: «Это не рана, нет!»
Рдеют гранаты твои — для тебя урагана нет.
Даже у пери небесных подобного стана нет.
Косы... такого струенья у волн Зеравшана нет.
Жалят ресницы твои: изобильней колчана нет.
Гибну в капкане тугом: совершенней капкана нет.
Вот — я сожжен, как бурьян, даже пепла бурьяна нет.
Духом я был великан, а теперь великана нет.
Гору в бархан превратила, а вот и бархана нет.
Рядом с тобою вино молодое не пьяно, нет!
Мертвым ни сна, ни покоя в приюте субхана нет.
Ранены души: острей твоего ятагана нет.
Чтобы тебя полонить — силы нет и аркана нет.
Где мне защиту найти? Судьи скажут: обмана нет.
Слов твоих сладостней — меда у пчел Дехистана нет.
Вот — я мертвец. Почему надо мною кургана нет?

Краше тебя ни у господа, ни у шайтана нет.
Амбры, подобной твоей, у тычинок тимьяна нет.
Я бы лекарство купил — у меня и кармана нет.
Осень настала дождливая, летнего стана нет.
Горе мое — как хазан; ветра, злее хазана, нет.
Стражду, Лукмана зову. Что мне делать? Лукмана нет.
Ты заалела — и розы Булгара, и розы Ирана нет.
Я разорился: ни торжиша, ни каравана нет.
С милой весна не сравнится, ни луг, ни поляна, нет.
Сколько ни пел ты, Фраги, а такого дестана нет.

ПРИДИ НА СВИДАНЬЕ

Кульзум я готов переплыть сорок раз,
Заметив у милой вниманье ко мне.
Крылами взмахну, полечу я тотчас,
Услышав: «Приди на свиданье ко мне!»

Я буду служить ей полвека подряд —
Подобно мгновеньям года пролетят!
Когда б на меня она кинула взгляд,
Скользнула бы легкою ланью ко мне.

Где взять мне огонь, чтоб ей душу зажечь,
Заветное слово, волшебную речь?
Чтоб мог я владычицу сердца привлечь,
Хотя бы шепча заклинанья, ко мне?

Мне встретился муж на распутье одном...
Он ветром намаз совершал и дождем.
Плащом был окутан, и маска — на нем...
Шагнул он в таком одеянье ко мне.

Ему я на время попутчиком стал.
Взывал он ко мне, точно дервиш-абдал.
С друзьями его я средь поля стоял.
Слетались все их пожеланья ко мне.

Призвали меня и сказали: «Служи!»
И странник промолвил: «Где был ты, скажи?!
Отвагу свою нам, Фраги, докажи!
Приди, позабыв колебанья, ко мне!»

Дней жизни немного. Всего только пять.
И времени нет у Фраги, чтобы ждать.
Земля обращает опять и опять
Разверзнутой пасти зиянье ко мне.

ДВЕ ЛУНЫ

Глаза отрады лишены.
Душа надежды лишена.
Но вот я вижу две луны:
Твой лик сияющий — луна.

Взглянув, меня не узнаешь.
Зачем-то горько слезы льешь,
Зачем-то, хмурясь, прочь идешь,
Застенчива и холодна.

Неиссякаем слез поток.
От слез ты слепнешь, мой цветок.
Пусть на устах твоих платок —
Владеет нами страсть одна.

И каждый день, и каждый миг
Тебя лишь славит мой язык.
И петь и плакать я привык,
Но речь влюбленного бедна.

Ты мне надежд не подаешь.
Твоей любви отточен нож.
Шутя ты кровь безумца льешь,
Тоска моя тебе смешна.

Друзьями в доме я забыт,
И птице ловчей путь открыт,
Любовь, как беркут, ум когтит,
И власть ее когтей страшна.

Махтумкули ослеп от слез.
В любви своей, как водонос,
Он воду пролил, не донес.
И жизни даль темным-темна.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ

Родинка моей возлюбленной — вечных снов жилище;
Яркие уста красавицы — жемчугов жилище.

Речи прячутся, как страусы, пред ее речами.
Что мне дни и что мне месяцы? Вот — годов жилище!

Не гулять рассветной свежести по горам и долам:
Платье у моей избранницы — холодков жилище.

Прозябает в небрежении ваш язык арабский:
Что скрывать! Моя любимая — лучших слов жилище.

Нет, не кипарису темному с ней сравниться станом:
Милая — всех взоров пристальных, всех зрачков
жилище.

Будь смелей, Фраги, лукавую догони подругу:
Для тебя твоя желанная — свет, покров, жилище!

ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

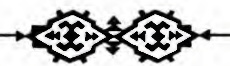
Добро — не для вора. Оно
Прямыми мужами оценится.
Достоинство зрячих очей
Одними слепцами оценится.

В одном недоверье найдет
Безумное сердце оплот.
Наш слух в этом царстве невзгод
Глухими, не нами, оценится.

Создатель того защитит,
Кто бережно тайну хранит.
Скрывающий силу магнит
Как должно купцами оценится.

Три радости жизни земной:
Сын, женщина, конь верховой.
Арван на дороге степной
И нер ездоками оценится.

Фраги затомила беда.
Да сгинет зима без следа!
Желанная, молви, когда
Любви моей пламя оценится?

УТРО

Еще почиет роза роз.
Я задыхаюсь и немею,
Не избежав ее заноз,—
Над горькой радостью моею.

Я бы украл ее, как вор,
Благословляя свой позор...
Но, отводя голодный взор,
Я тайным счастьем пламенею.

И как под лезвием ножа
Душа Фраги поет, дрожа:
Мне смерть судила госпожа,
И я противиться не смею.

ВЛЮБЛЕННЫЙ СКИТАЛЕЦ

Соль желаний всенародных,
Боль мечтаний полюбил я.
Розу лунную — в небесном
Океане полюбил я.
Соловей — и шум, и ссоры
В гюлистане полюбил я;
Водоверть косы тяжелой
Как в дурмане полюбил я;
Степь меня околдовала:
Путь скитаний полюбил я.

Гнал меня жестокий жребий
Через реки и долины,
Предо мною промелькнули
Горы Мекки и Медины;
Я блуждал в садах Эдема,
Видел призрачные крины,
И меня заполонили,
Привели в страну кручины.
Что мне делать? Сто печалей,
Сто страданий полюбил я.

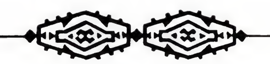
Я один. В песках пустыни
Потонул мой взгляд. О горе!
Для чего ты стрелы мечешь?
Ранен твой Фархад. О горе!
Ты мне сердце истерзала.
В жилах — желчь и яд. О горе!
Ослепленные надежды
По ветру летят. О горе!
Так — рыдая — уголь жаркий
Заклинаний полюбил я.

Что за море предо мною?
Что за дикие утесы?
Догорающее тело
Жалят огненные осы.
Кто ты: горлица? орлица?
Соловей среброголосый?
По семидесяти тысяч
Жалких пленных губят косы.
Киноварный шелк на тонком
Стройном стане полюбил я.

Приходи! Иль ты не видишь,
Как влюбленный раб томится,
Как меня в неволю манит
Черных кос твоих темница?
Неужели в злое время
Не должно мне счастье сниться?
Нищета впилась мне в душу,
Тело точит огневица:
От руки твоей недоброй
Смерть в аркане полюбил я.

Милая меня отвергла:
Не желает на поруки
Взять полуживое сердце
У тюремщицы-разлуки.
Тяжело мне в ожиданье
Вздрагивать при каждом звуке
И ломать при встречах руки...
Злых бровей крутые луки
И ресницы злые — сотни
Стрел в колчане — полюбил я.

Так Махтумкули влюбленный
Стал добычею обманов.
Разнесли мою державу
Кони вражеских султанов.
Сто столиц в державе было,
Были тысячи духанов...
Я исчез, убитый милой,
Став золой, под землю канув,
Потому что слишком сильно
Цель скитаний полюбил я.

ЛУНА

Когда блеснул твой лунный лик,
Я обезумел и, сгорая,
Душой трепещущей постиг
Невнятные напевы рая.

Приди, душе покой верни,
Моих соперников казни,
Побудь со мной в ночной тени,
В моей степи весной играя.

Я жду, а в сердце — вешний страх;
Я жду, как дикий тур в горах.
Поёшь — и соловьи в садах
Запеть не смеют, замирая.

Фраги, ты — раб крутых бровей
И глаз возлюбленной твоей!
Луна встает из-за ветвей,
Для жертвы жребий выбирая...

ЛЮБОВЬ МЕНЯ СОЖГЛА

Воспламенилась грудь моя, любовь меня сожгла,
Дым от меня метнула вверх и с тучами сплела.
Связал мне руки лютый рок, напав из-за угла,
Меня к колену прикрутил, не развязать узла.
Разлуки дождь полил, душа с потоком бед ушла.

Унесся черный тот поток, любви достиг чертога.
Мечты и думы вихрь унес, душа без них убога.
В краю блаженства я, бедняк, остался у порога.
Рассечь мне грудь мечом любви разлука ждет предлога,
Меня ославить на весь мир молва стремится, зла.

Ах, не осталось ни души, ни силы в этом теле,
Я странником-бродягой стал, влачусь я еле-еле.
Здоров я, хвор, жив или мертв? Кто скажет, в самом деле?
Судьба, чуть горести с небес к ногам моим слетели,
Меня за шиворот взяла и в воздух подняла.

И так бывало: подошла, напала и убила;
И тут же руку подала, чтоб вышел из могилы,
И негу, сжалившись, дарит и лаской наградила...
Горит душа моя в огне, молчать не стало силы,
Наружу рвется страсть, как пар из жаркого котла.

Фраги, я сделался рабом, хоть был богаче бая,
Тысячеустым соловьем, на встречи уповая.
Страсть бросила меня в огонь,— пришла пора такая,
Сожгла, обуглила любовь — властительница злая,
Просеяла сквозь сито прах и ветру отдала.

ОЖИДАНИЕ МЕНГЛИ

Твое подножье — мир земной,
Красавица с высоким станом;
Ты стала солнцем и луной,
Далеким звездным океаном.

Ты повелела мне сама —
Влюбленному — сойти с ума;
Твоих ресниц ночная тьма
Мне грозным кажется колчаном.

Я в полдень ждал тебя. Я гас
И вновь горел. Ушел из глаз
Безумный день. За часом час
Тянулся медленным туманом.

Такая боль мне сердце жжет,
Что день мой превратится в год;
Пока моя луна взойдет,
Я стану пеплом бездыханным.

Я бросил дом, забыл семью;
Заботы голову мою
Наполнили... В чужом краю
Я опьянен твоим дурманом.

Веселье у тебя в глазах,
А пленники твои — в слезах.
Защиты я искал в горах,
И обернулся дол курганом.

Согнулся гордый ствол в дугу,
Истлели травы на лугу,
Иссякли воды на бегу,
И море поросло бурьяном.

12—1148

Бай превратился в бедняка
И ханом стал бедняк — пока
Я ждал тебя, моя тоска,
Надежда, ставшая обманом.

Пока Махтумкули бродил
Меж румских царственных могил,
Он жизнь до капли расточил,
Измученный своим тираном.

ВЛАДЫЧИЦА

Горделивые пери султаном признали Менгли;
Соловьи онемели, когда увидали Менгли.
Сам я сердце подставил губительной стали Менгли.
Клад мой шахом захвачен, для шаха украли Менгли.
Я, злосчастный, тобою покинут в печали, Менгли!

Окажи мне вниманье, скажи, где твой сладостный дар?
Я с товаром богатым пришел на любовный базар,
И на нем заблудился, и встретил владычицу чар.
Говорят: у влюбленных душа превращается в жар...
И крыла мои в пламени затрепетали, Менгли!

Лукобровой хочу я в нарциссы очей заглянуть,
Те медвяные реки и краткие встречи вернуть.
Над ее головою душа моя бьется, как ртуть,
Я не вижу любимой и слезы роняю на грудь...
Как соленое море, потоки их стали, Менгли!

Кто ты? Райская роза иль вешний подарок земли?
Соловья полонили, забыли его — и ушли;
Мимо запертой клетки мелькнуло подобье Лейли.
О, зачем твои стрелы меня пощадить не могли!
Одержим я, в живых я останусь едва ли, Менгли!

Ты луной восходила, одетая в звездный туман;
Образ твой — полнолунье, для множества образов — хан;
Красоту твою помнить мне жребий мучительный дан;
Средь гокленов, йомудов прославил я стройный твой стан.
Для тебя мои руки цветы разбросали, Менгли!

Я безумец, я нищий, сожгите меня, мотылька!
Что мне делать на свете? Как небо, Менгли далека.
Что мне райские рощи, когда я лишен цветника,
Без которого душу терзает такая тоска,
Что рыданий подобных в аду не слыхали, Менгли!

ГЛАЗА МЕНГЛИ

Живую душу погубили
Два палача — твои глаза;
Опять немилостивы были,
Как два бича, твои глаза.

Одной тебе ходить не надо,
Крутую бровь сурьмить не надо,
На встречных наводить не надо
Два злых меча — твои глаза.

Пощады я прошу, стеная.
На мир ложится мгла ночная,
Разит влюбленного двойная
Твоя праща — твои глаза.

Горит Фраги, а в горнем стане
Царит смятенье: здесь, в Туране,
Поют не бога мусульмане,
А два луча — твои глаза.

СМУЩЕНИЕ МЕНГЛИ

Свой пальчик розовый кусая,
Смущается Менгли-ханум.
Тугие косы расплетая,
Смущается Менгли-ханум.

А ты гори, смотри, влюбленный:
В беседу с бровью насурьмленной
Вступает локон расплетенный,
Смущается Менгли-ханум.

В одежде алой не бежала
От взоров жителей Ахала,
А с нами говорить не стала:
Смущается Менгли-ханум.

Хочу заговорить — немею,
Стою как нищий перед нею,
Сказать: «Открой лицо!»— не смею.
Смущается Менгли-ханум.

Душа, владычица, отрада,
Зовет Фраги — бежать не надо!
Но — благодатная — от взгляда
Скрывается Менгли-ханум.

РАЗЛУКА С МЕНГЛИ

Ты напала из-за угла,
Ты покой отняла, разлука.
Ты Менгли у меня взяла,
Горе мне принесла, разлука.

Раб, я сгину в твоем краю,
Обезволев, я слезы лью;
Стон вложила ты в грудь мою;
Длань твоя тяжела, разлука.

Я взываю — не внемлет шах.
Нет луны моей в небесах.
Горы плач мой разрушил в прах,
Мир дотла ты сожгла, разлука.

Но расскажет мой каждый стих
О жестоких делах твоих.
Нет у знахарей трав таких,
Чтобы ты отошла, разлука.

Зюльфикар мой упал из рук.
Где защитник мой? Где мой друг?
Никого! Тишина вокруг:
Всех в Иран увела разлука.

Лук натянут, но пуст колчан.
Солнце кануло в океан.
Я, мой боже, умру от ран:
Беспощадна и зла разлука.

Горько плачет Махтумкули,
Вспоминает свою Менгли;
Слезы печень его сожгли.
О, кромешная мгла, разлука!

ПОСЛЕ РАЗЛУКИ

Если приду к милой моей, в том гюлистане
Солнечный луч и цветники будут играть.
Змей и дракон, что стерегут горы в тумане,
Кос молодых все завитки будут играть.

Из родников жизни и слез пили газели.
Что ж на меня эти глаза не поглядели?
Где продавцы? Где мой базар — город веселий?
Скоро ли здесь покупщики будут играть?

В сад я вошел: рядом цвела сада царица.
Мне за нее с хитрым купцом не расплатиться.
Стонет в саду мой соловей — пленная птица:
Долго ль с огнем те лепестки будут играть?

Помысел злой не устоит против благого,
Сыщет приют в речи живой доброе слово.
В дружной стране честных мужей, сердца прямого —
Крепость клинка, сила руки будут играть.

Рок ополчил зависть и гнев — копья и луки!
Трус не пойдет с храбрым делить ратные муки.
Махтумкули с нежной Менгли после разлуки
В райском саду, как мотыльки, будут играть.

РАЗЛУКА

Послушай печальное слово:
В душе моей слез океан,
Хоть пенится снова и снова
Взлетающий к небу дестан.

Расставшись с отцом-властелином,
С любимцем моим Ибн-Ямином,
Скитаюсь я в море пустынном,
Где стужею дышит хазан.

Что делать мне? Связаны руки,
Влачу я оковы разлуки,
И плавится сердце от муки,
Отчаяньем дух обуян.

Брожу я, забытый, бездомный,
Тоскою терзаем огромной,
И в сердце кипит неуемный,
Взлетающий к небу дестан.

Я встретил прекрасную пери,
Вошедшую в душу, как в двери,—
Но рок возвестил о потере,
И горестный жребий мне дан.

Она из небесных ли гурий,
Созданье лучей и лазури,
Иль жемчуг, подаренный бурей,—
Но сердцу она — гюлистан.

Нельзя быть нежней и прелестней,
Прозрачней, воздушней, небесней,
Но, к ней возлетающий песней,
Отчаяньем дух обуян.

Живу я страданью покорным,
В печали, как в облаке горном.
Друзья! Не вините, что черным
Отчаяньем дух обуян.

Мир тьмою налег мне на плечи;
Все думы Фраги — лишь о встрече:
Без милой, что ныне далече,—
Отчаяньем дух обуян!

С КУСТОМ ПРЕКРАСНЫХ РОЗ РАССТАЛСЯ

С кустом прекрасных юных роз
Я, бедный соловей, расстался,
Пролив поток кровавых слез,
С возлюбленной своей расстался.

Ей тридцать шесть сравнялось лет.
Не описать ее примет:
Уста — бутон, уста — шербет.
Я с чернотой кудрей расстался.

Тревога душу извела,
Любимой власть душе мила.
Я с той, что сердце взглядом жгла,
Со стрелами бровей расстался.

Бутон мой, с ним расстался я,
С той, чьих волос текла струя,
Чей голос — пенье соловья,
Чья речь всего милей, расстался.

С той, что взяла меня в полон,
С владычицей всех юных жен,
С чертогами средь райских крон,
С плодами средь ветвей расстался.

В селенье милой из земли
Бьет ключ и стебли трав взошли,
Гоклены — род моей Менгли,
Я с той, что всех нежней, расстался.

Махтумкули, любовью пьян,
Сложил возлюбленной дестан,
Ее жилище — гюлистан.
Где ветвь плодов? Я с ней расстался.

ГДЕ ЖЕ ТЫ?

Горе мне! С тобой в разлуке умираю.— Где же ты?
Спутница моя, подруга, пери рая, где же ты?
Свет мой, месяц в полнолунье, повторяю — где же ты?
Роз не стало ни единой, догораю,— где же ты?
Мекка ты моя, Медина, дорогая, где же ты?

Рок — гонитель мой — с душою разлучил меня, о горе!
В рай ушла, меня покинув,— хмур с того я дня, о горе!
Унеслись, сшибаясь, грозы, толпы гор тесня, о горе!
Океан седою пеной изошел, стеня,—«о горе!».
Мекка ты моя, Медина, дорогая, где же ты?

Не успел, не разглядел я, что с цветком лицом ты схожа.
Я сказал: «Ах, не увидеть мне уж той, что всех дороже!»
Вся в слезах —«Фраги!— стонала.— Помоги, Фраги!» И все же
Ты взята была землею, здесь твое пустует ложе.
Мекка ты моя, Медина, дорогая, где же ты?

Плачет, бьется куропатка,— птенчиков ее не стало!
Век в тоске по алой розе соловью рыдать пристало.
Загрустит в разлуке с ланью сердце белого марала.
Ах, тебя судьба-злодейка — потеряла стыд — украла,
Мекка ты моя, Медина, дорогая, где же ты?

Если подданных не будет, для чего же царство шаху?
Брось в огонь могучий тополь, чем он станет?— Горсткой праха.
У разрушенного улья пчелы мечутся со страха.
Станет падалью козленок, если в пропасть прыгнет с маху...
Мекка ты моя, Медина, дорогая, где же ты?

За стада чабан в ответе, так считается повсюду,
Чуть заснет он, разбегутся по ущельям все верблюды.
Загрызет их волчья стая, лишь костей оставит груду.
Ах, на голову свалилась мне беда! Как жить я буду?
Мекка ты моя, Медина, дорогая, где же ты?

В горе ввергнуты народы, в мире счастья не найду я.
Вёсны в зимы превратились, стужа в дом вошла, лютуя,
Изошли дождями тучи, плещут вспененные струи,
Воя, вскачь, пошли потоки,— море так шумит, бушуя...
Мекка ты моя, Медина, дорогая, где же ты?

Ах, цветы мои поблекли: в сад вхожу и вижу это.
Соловьев моих не стало: плачет роза,— нет ответа.
Вздулись реки в половодье, разлились они по свету,
И луна моя и солнце в траур сызнова одеты...
Мекка ты моя, Медина, дорогая, где же ты?

Выронил клинок разящий из руки джигит удалый,
Зря рукою замахнулся — не джигит он без кинжала.
Никнет тополь, вихрем горя всю листву с него сорвало.
Плачут братья, плачут сестры, все от велика до мала...
Мекка ты моя, Медина, дорогая, где же ты?

Я «Фраги» назвался ныне, разлучен с моей Каабой.
Дом, родня забыты, вспомню ль образ матери хотя бы?
Вор добро разграбил, я же был тому помехой слабой...
Мекка ты моя, Медина, дорогая, где же ты?

СТРАДАНИЯ ЛЮБВИ

Город жизни разгромлен. Скитальцем я стану. Как
быть?
Потерявшему царский престол Сулейману — как быть?
Бог послал мне болезнь,— что же делать Лукману?
Как быть?
Зажимаю ладонью смертельную рану. Как быть?
Я как бабочка в пламя любовное кану. Как быть?

Где душе моей спрятаться? В мире охотится рок.
С кем из вас разделить мне постылое бремя тревог?
С кем вступить мне в борьбу? На кого мне обрушить
клинок?
Не посмел я открыться, покой моих близких берег...
Я в темнице сурового мира увяну. Как быть?

Я не вижу любимой и в лютом огне трепещу,
Словно вещая птица на плечи разлуки слечу!
Я на торжище страсти горючие слезы точу.
Нет Лейли у меня, но Меджнуном назваться хочу.
Что мне делать? Я пьян, я поддался дурману. Как быть?

И в чертогах любви я составил хвалебный дестан;
Изумил я влюбленных восточных и западных стран.
Я — Меджнун из Меджнунов, мне жребий
неслыханный дан.
Наг я, беден и нищ, дикой жаждой любви обуян,
А богатство мне дай — на него и не гляну. Как быть?

Свой народ умоляет Фраги: помогите, друзья,
Мой язык обезумел, горящие речи струя.
Стан мой согнут, как лук. Поглядите: состарился я.
Все же — роза моя полонила навек соловья.
Но садовника нет. Без него гюлистану как быть?

ХОЧУ

Как жить мне без милой худо,
Скитаясь по разным странам!
О боже, пошли мне чудо,
Не дай упасть бездыханным!

Дай милую с жаркой кровью,
С душой, согретой любовью,
Красивую, с тонкой бровью
И гибким, как пальма, станом.

Сведи меня с крепкой, стройной,
Себя и меня достойной,
С туркменкой,— простой, спокойной,
Но с сердцем благоуханным.

Не надо мне говорливой,
Вертлявой, глупой, сварливой,
С душой и рукой ленивой
И нравом непостоянным.

Пусть будет она высокой,
Изящной, пламенноокой;
Аллах! Я ранен жестоко,
Молю: дай закрыться ранам!

К тебе я взываю снова:
Пошли мне счастья такого!
Нет жизни для холостого,
Хотя б он был Сулейманом!

Фраги — не устану звать я,
Сгорать, простирать объятья:
Подругу хочу обнять я,
Быть с нею от страсти пьяным!

ПРИШЛОСЬ

Любовь и море не имеют дна,
В безмерной страсти мне гореть пришлось.
Играет сердцем, как щепой волна,
Безумство волн мне одолеть пришлось.

Я спал. Был грозен пробужденья миг.
Любовь трудна, я это знал из книг.
Но глубины страданья не постиг,
За это муку мне терпеть пришлось.

Любовь, как вздох, как трепет ветерка,
Едва коснувшись — снова далека.
И все острей, и все светлей тоска,
О прошлом счастье мне скорбеть пришлось.

Как маленькое солнце твой зрачок,
Костер любви огнем меня обжег,
Я счастлив тем, что я любовь сберег,
Что мне ее запечатлеть пришлось.

Тебе вручен неоценимый дар.
Будь с хрупкой вазой бережным, гончар,
К ней тянет руки грубые базар,
Венцом любви тебе владеть пришлось.

Отравленного выпил я вина.
И только ты ценить меня вольна.
Я крепость строил — рухнула стена.
В свою же мне попасться сеть пришлось.

Махтумкули, по воле волн плыви,
Нет берегов, страдалец, у любви,
Друзей на помощь больше не зови,
Рабом любви мне умереть пришлось.

МОЛЬБА

Дух кипит. Я сгорел дотла. Я — зола.
Подари мне подругу мою, аллах!
Сердце мне отдала, моей не была,—
Подари мне подругу мою, аллах!

Мы любили, мы тайны делили с ней.
Кто желанной моей на земле верней?
Погубили меня, разлучили с ней.
Подари мне подругу мою, аллах!

Счастлив память утративший навсегда!
В эти злые года сгорю без следа.
Я в беде, и в неволе моя звезда.
Подари мне подругу мою, аллах!

Я к любимой пойду — не пускают: стой!
От моей дорогой отлетел покой,
Слезы льет рекой; я — болен тоской...
Подари мне подругу мою, аллах!

Были встречи и речи, как мед, у нас.
Мы не ждали печали в блаженный час.
Свет и счастье украли у страстных глаз.
Подари мне подругу мою, аллах!

О мой боже! Бесцельны мои дела;
Бьюсь на ложе: бессонница в дом вошла.
Скорбь моя эту жалобу принесла...
Подари мне подругу мою, аллах!

Бренный мир одряхлел, о Махтумкули!
Разве страсть не в обычае у земли?
Грешен я, ты — всеблаг. Любовь утоли,
Подари мне подругу мою, аллах!

13—1148

ПОЖАР

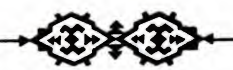
Город мой — океан огня.
Грозен ливень огней возлюбленной.
Черный дым обволок меня —
Гнев жестокой моей возлюбленной.

Не людьми она рождена,
Небожительница она;
Мне усмешка ее страшна,
Страшно вьющихся змей возлюбленной.

Расцветает ее гранат,
Руки рока пред ней дрожат;
Капли радужные горят
Самоцветных камней возлюбленной.

О, Меджнуново забытье!
О, разящее острие!
Дева рая — раба ее.
Кто, скажите, стройней возлюбленной?

Кто подаст мне спасенья весть?
Где достоинство, сила, честь?
Нет Фраги, только песня есть —
Восхваление дней возлюбленной.

ВЛЮБЛЕННЫЙ

Зохре небесная взошла,—
Совсем влюбленный пьян сегодня!
Земля тюльпаном расцвела,
Вселенная — рейхан сегодня!

Хмельные — в полузабытьи
Поют о розах соловьи.
Где слезы прежние твои?
Ты в жертву милой дан сегодня.

Отчизна меда пред тобой,
Цветочный мир, шатер цветной,
Пришел садовник молодой
И обнял гюлистан сегодня.

Возлюбленная, без подруг,
Одна приди на вешний луг!
Безумной песни каждый звук
Тобою осиян сегодня.

Вчера еще причина слез,
Мне счастье Адыл-шах принес;
В моих долинах столько роз!
В горах такой туман сегодня!

Как барс, добычу береги,
Народа верный сын — Фраги!
Больным любовью помоги:
Певец — для них Лукман сегодня!

ПУТЬ

Кипит живых речей поток,
Играет разум вдохновенный,
Но темной тучей злобный рок
Проходит по лицу вселенной.

И меркнет взор, и на щеках
Золой лежит смертельный страх,
Слова уносятся как прах,
И разум тяжко спит, как пленный.

Кто — смертный — видел мира дно?
Заглянешь в бездну — в ней темно.
Я пью любовное вино,
И мне тяжел мой кубок пенный.

И вдохновение мое,
Смутясь, впадает в забытье,
И роковое острие
Грозит моей душе смятенной.

Даны садовники садам,
Туманы — горным высотам,
С женою делит хлеб Адам,
А я — один в юдоли бренной.

Ума несметная казна
Растратится, распылена:
Дела, кочевья, времена
Проходят чередой мгновенной.

Все миру суетному впрок.
И в добром сердце скрыт порок.
Соедини меня, пророк,
С моей подругой несравненной!

Когда берется хан за труд —
Мотыги бедняки берут.
От песни утешенья ждут
И жалкий раб и шах надменный.

Поёшь, а миру невдомек,
Что твой язык солгать не мог.
Бредешь, Фраги,— твой путь далек,
Далек твой Хинд благословенный.

ПОЙМЕШЬ ЛИ ТЫ?

Писал письмо тебе, но строк моих ты не поймешь.
И заклинания читал, но их ты не поймешь.
Три дня, три ночи прорыдал, затих — ты не поймешь,
Послал удода, чтоб тебя настиг,— ты не поймешь.
Сев на осла, словно Иса, скакал — поймешь ли ты?

В слезах скитался по степи. Меджнуну был под стать.
Кораллы слез пытался я на нити нанизать.
Воспламенялась подо мной земли любая пядь.
Я, как Варка, надежду мог в час смерти потерять,
И, как Шебли, вершины гор сжигал — поймешь ли ты?

С полей Европы в Чин-Мачин летел я, как удод.
Царицу Савскую нашел в саду, где листьев свод.
И с трона Сулеймана я оповещал народ,
И, подражая соловьям, птиц прекращал полет,
Присесть на голову мою их звал — поймешь ли ты?

А за пещерою Меджнун придумал волшебство:
Учителя,— вскричав «аллах»,— призвал он своего.
Но кроме Истины, никто не услыхал его,
И сорок пар, в огне любви, не знали ничего,
Моей слезой он их огонь смирял — поймешь ли ты?

И если, пир очередной замыслив, хан Ширван
На волосок переборщит, ответ им будет дан
В тот судный день, когда в ряды построят горожан.
Разлив любви не ручеек — застывший океан.
И жажду множеством глотков я снял — поймешь ли ты?

Я молодой соколик; дунь — под перышком пушок.
Но мир не пощадил меня — стрелу направил в бок.
И молодую кровь мою впитал в себя песок.

А с каждых сорока цветков сорвал я лепесток,
Не сто бутонов — сто шипов сорвал — поймешь ли ты?

Махтумкули тебя назвал Венерой всех светил,
Большой Медведицы сестрой тебя он окрестил,
И ярче Солнца и Луны твой взор ему светил.
Как будто к роднику Земзем шел, не жалея сил,
И клятву, словно Сулейман, он дал — поймешь ли ты?

НЕДОУМЕНИЕ

Я душу отдавал красавице неверной;
Она ушла, и я в разлуке сердце сжег.
Я говорил себе: «Забуду я о скверной!»
Но проглядел глаза, их не сводя с дорог.

Я сам всему виной, накликал сам напасть я,
И сам коню судьбы позволил в грязь упасть я;
У бога надобно просить земного счастья,
Но счастья мне послать не соизволил бог!

Под облака взлетел мой сокол легкокрылый,
Забыв охотника, огонь вливая в жилы.
Где уточку словлю? Я стал ненужен милой,—
Она другой себе сыскала уголок.

Потери не вернуть, не возместить урона:
Я упустил сону, а догнала ворона;
Я ж хищником прослыл, не знающим закона,
Хоть притворялся я, что робок и убог.

Теперь, Махтумкули, стреми твой стон протяжный;
К овечке волк идет, зияя пастью влажной!
Друзья! От храброго рождается отважный,
Но как от робкого родиться храбрый мог?

СЕРДЦЕ

Сердце что-то замыслило, вскинулось ввысь,
Выше белого облака вьется, друзья.
Все-то на небо смотришь да кличешь: «Вернись!»
Как его ни зови — не вернется, друзья.

Сердце вольною мудростью окрылено,
Разучилось отшельников слушать оно;
А вернется в темницу свою — все равно
Снова привязь его оборвется, друзья.

И в разлуке — читающий свиток любви
Не желает укрыться от пыток любви;
И — однажды пригубив напиток любви —
Не находишь блаженней колодца, друзья.

Говорят, что письма в волосах у Фатьмы
Не увидим до часа возмездия мы.
Не боится любовь ни сумы, ни тюрьмы.
Сердцу жребий огня достается, друзья.

Дело есть у любви: поминутно расти,
Жечь огнем, закрывать пред влюбленным пути.
Знает бедный Фраги: от любви не уйти,
Слишком поздно седлать иноходца, друзья.

СЕРДЦУ

Довольно, сердце! Разомкни свой круг;
Я стражду в нем, как жалкий пленник в яме.
Жестокое, избавь меня от мук,
Не дай мне, сердце, изойти слезами.

Мой век промчался как единый миг.
Я видел цель, но цели не достиг;
Был одинок — смутился и поник,
Обманутый тобою и мечтами.

И, как слепой, склонив главу свою,
Поддерживая ближнего, пою,
И стоны шлю в зенит, и слезы лью,
Чуть белый свет забрезжит над степями.

Ты на дороге ждешь меня. Потом
С тобою мы извечный спор ведем,
И тяжко мне: я пьян твоим вином,
Я одинок, ты — что ни день — упрямей.

Но, может быть, иной понять готов
Беду мою и силу этих слов;
Мой голос прогремит среди холмов.
Суров господь, и меч его — над нами.

Ни разума, ни глаз я не берег,
Желаниям препятствовать не мог,
И плачу я в сетях земных дорог,
А жизнь летит, как птица, бьет крылами.

Бегу от гнета и горю в огне,
Я ликовал, служа твоей весне;
Был этот мир плохой опорой мне,
Остался я в пустыне с мертвецами.

Закрыв глаза, держал я путь в Иран;
Судьбой влекомый, я попал в Туран.
Трубит над миром вечный ураган,
Владеющий безумными сердцами.

Меня кружил и гнал великий страх,
Я золотом считал ничтожный прах,
Я видел гнет, я видел скорбь в домах,
Дела пустые были мне друзьями.

И жажду я, и тщетно жду дождя,
И пламенеет месяц, восходя;
Года летят, за днями дни ведя,
И я блуждаю, одержимый снами.

Мне кровь и желчь дают взамен питья.
И тяжело мне бремя бытия.
Я полюбил — и стал Меджнуном я,
Красой Лейли опутан, как цепями.

Зовешь ты, сердце, в Чин-Мачин, в Герат,
В подземный ад, где высится Сират...
А родинка чернеет, и горят,
Горят глаза под круглыми бровями.

Напрасно я чистосердечен был:
Погашен роком юношеский пыл,
А все-таки я зла не полюбил —
День Истины мне светит и ночами.

Но в море справедливости мой плот
Не движется. Летит за годом год;
Как дервиш, раб Махтумкули бредет
К далекой тайне узкими путями.

ЖЕНИСЬ

О, юноша, ты хочешь стать
Скорее стариком?— женись!
Несчастья хочешь испытать?
К невзгодам ты влеком?— женись!

Прекрасна мудрость старика,
Но старость это — и тоска.
Чтоб стать из юного цветка
Засохшим стебельком,— женись!

Дом нужен и кошма нужна,
Детишки — привязь, цепь — жена.
Коль хочешь все иметь сполна,
Стать вьючным ишаком,— женись!

Живешь ты вольно без забот,
Придут недуги в свой черед.
Избудешь грусть — печаль придет,
Коль с нею не знаком,— женись!

Теперь кипуч и пылок ты,
Весна пройдет, а с ней мечты.
Ты жаждешь вечной маеты?
Что ж, в случае таком — женись!

Как мгла растает юность вдруг,
С тоской разделишь свой досуг.
Коль хочешь мир познать, мой друг,
С его добром и злом,— женись!

Фраги, прошел ты сто дорог,
Ты благ земных ценить не мог.
Исполни, что велел пророк,
Построй надежный дом, женись!

ПРИЧИНЫ ДЛЯ СПОРА БУДУТ

Кто имеет двух жен, покоя лишен,
Дни и ночи причиной раздора будут.
Сто желаний у каждой из этих жен,
Ежедневно причины для спора будут.

Надо ладить с двумя, хоть рвись пополам,
Коль одну предпочтешь, скажут: стыд и срам!
И себя пред людьми ты уронишь сам,
Так что дни твои днями позора будут.

Этим женам-трещоткам молчать недосуг,
И не совестно им, что народ вокруг,
В гневе топчут золу, а придет супруг —
Молчаливыми без разговора будут.

Ты одной из жен помыкать не смей,
Кто суров с одной, а с другой нежней,
Тот уже не мужчина в глазах людей,
Среди баб сам он бабою скоро будет.

О, Махтумкули, судьбы наши темны,
И жену выбирать мы с умом должны,
Если бог не спасет от дурной жены,
Все желанья пустячнее сора будут.

КНИГА РОДИНЫ

НАСТАВЛЕНИЕ

Запомни, смыслу здравому послушный:
Не уходи, люби родимый край.
Пускай зовет на службу малодушный,—
Позорящего дела избегай.

Служи тому, чье зримо превосходство;
Кому отцы судили благородство;
Его отребий нищенских уродство
Достойным восхваления считай.

Бесплодны пересохшие арыки.
Ничтожный сыт, и голоден великий.
Ты не гляди, что стоптаны чарыки,
Пустой насмешкой их не оскорбляй.

Хорошего не порождает злое,
И кровный конь рысистей клячи втрое;
А подлый муж... оставь его в покое
И кляче скакуна предпочитай.

Когда, судьбой на пир чужой заброшен,
За дастархан усядешься, непрошен,
В чужой тарелке не считай горошин,
Рта на чужую соль не разевай.

Садись, когда услышишь приглашенье.
Достойно принимая угощенье,
Не торопись: бесстыдно нетерпенье.
Без просьбы дел чужих не исполняй.

Ты мягок, добр и держишься учтиво,
Умеешь говорить красноречиво,—
Я — твой слуга, и слух мой терпеливо
Твоих советов ищет: наставляй!

Кто видел, чтоб и тысяча печалей,
Как дождь небесный, землю увлажняли?
Кто видел, чтоб джигиты унывали?
Свой взор мутить слезам не позволяй.

Блажен, кто братьям служит благостыней,
Кто чистой правды ищет и в пустыне.
Одежда кривды не к лицу мужчине.
И ради шутки вздора не болтай.

Взгляни на души каменные эти:
Для них печаль раскидывает сети.
Добро — не частый гость на этом свете:
Люби его и злу не уступай.

Пером сражая алчность, как стрелою,
Склони глаза над книгой золотою;
Не заключай условий с сатаною
И втуне мудрых слов не оставляй.

Ты взыскан Искандеровой удачей,
Твоя казна Каруновой богаче,—
А все же в прах нисходит прах незрячий,
И над землей звучит вороний грай.

Мечтаешь ли о мирных кущах рая,—
Пусть мир шумит, играя и сверкая,—
Оставь его, волнения смиряя,
И вспять стопы свои не обращай.

Происхожденьем не гордись: в могиле
Твой предок спит, и все его забыли.
Напраслина среди живущих в силе,
Клеветнику неведом светлый рай.

Пусть лают псы на рваные одежды.
Смежатся холодеющие вежды;
На божье милосердие надежды,
Однажды поскупясь, не возлагай.

Взойдя и на высокие ступени,
Не отдавай нелепых повелений,
Не отвергай благоразумных мнений
И суть свою в сравнении познай.

Приходит старость, точно призрак тощий,
Лишает мужа доблести и мощи.
Живи достойней, благостней и проще,
На ложе скуки реже почивай.

Слова правдолюбивые — нетленны.
Советам верь, но берегись измены,
И, хоть не в каждом доме слышат стены,
Тайн заповедных зря не открывай.

Богатые от юных лет в почете,
Бедняк же с детства мается в заботе.
Насильник, не споткнись на повороте,
Себе под ноги камня не бросай!

По следу льва идет его наследник,
Он никогда не будет из последних.
Сын тунеядца — трус и привередник.
Среди народа сына воспитай.

Теперь пойдем и оседлаем долю,
Помчимся вдаль по жизненному полю,
Отыщем правду и добудем волю,—
Но только слов моих не забывай.

Не отвергай разумного совета,
Пускай тебе на перепутьях света
Добром послужит наставленье это.
Будь милосерд и кривду презирай.

Махтумкули, ты не нашел лекарства
От злобы мира и его коварства.
Настанет срок — сойдешь в немое царство,—
Ни дня, ни часа даром не теряй!

СЛУШАЙ, СЕРДЦЕ!

Слушай, сердце! Наставление я дам:
Чутким будь, не замирай в объятьях сна,
Но навстречу не лети к чужим сердцам,
Простодушно доверяя всем сполна.

У красавицы лукав порою взгляд,
Знай: в шербете незаметен горький яд;
Не сболтни жене, куда ты спрятал клад.
Разболтает, раззвонит о том жена.

Взять алмаз: величиной он с ноготок,
Но дороже он, чем золота мешок;
Мудрый знает, что недолог жизни срок;
На чужбине — медный грош тебе цена.

Не зевай, чтоб не нажить себе скорбей;
Коль ты счастлив — счастье встретишь в беге дней;
Увидав голодным труса — не жалей:
В жизни честная отвага нам нужна.

Ты к богатству не стремись, Махтумкули:
В судный день лежать сокровищам в пыли.
Сам ты доброе от злого отдели,
Чтоб отвеялась мякина от зерна!

НАЗИДАНИЕ

Хороших спутников ищи,
Готовясь к дальнему походу,
А скверный будет,— не взыщи,
Коль втравит он тебя в невзгоду.

Наш бренный мир — обитель бед;
Мы все должны покинуть свет;
Но если гадок твой сосед,—
Вдвойне беда: хоть прыгай в воду!

Дурное слово — стыд и срам;
Враждебен мир к дурным словам;
Он добрых любит, кто сердцам
Вещает радость и свободу.

Коль силы нет в руках твоих,
Как отразишь врагов лихих?
Кто в наши дни смирен и тих,
Тот незаметен будет сроду.

Фраги! Совет не дорог твой
Тому, кто отроду глухой.
Позор тому, кто, став главой,
Один разврат принес народу!

НЕ БУДЬ!

Советы я чту, как закон.
Бесчестному другом не будь,
Случайною встречей пленен,
Готовым к услугам не будь.

Смерть вступит на каждый порог;
К тому, кто в беде одинок,
Отзывчив будь, добр и не строг,
Жестоким к недугам не будь.

Когда, оказавшись в бою,
Трус волю теряет свою,
С друзьями в едином строю,
Врагами напуган не будь.

Уйдем мы. Промчатся года.
Все равными станут тогда.
Не бойся глупцов. Никогда
Причастен, Фраги, к ним не будь.

НАЙДИ СВОЙ ПУТЬ

Тебе лет семьдесят? В покое лук оставь:
Ты не согнешь его — нет сил и нет уменья;
Из кирпича-сырца строения не ставь:
Недолго простоит подобное строенье.

В благодеяниях раскрыта глубь сердец;
Медь вместо золота всучит тебе подлец;
Для правоверного — беда ханжа и лжец:
Он за его хлеб-соль ему ж создаст мученья.

Невежду вожаком в пути не выбирай;
Аллаха позабыв, души не умерщвляй;
Глупцу заветных дум и тайн не открывай:
Пустая голова не знает размышленья.

Коль безбород старик, дружить не надо с ним:
Он, нищим притворясь, окажется скупым;
Коль кубок разума оставил бог пустым,
Ему наружные не нужны украшенья.

Сперва, Махтумкули, сам отыщи свой путь;
Жизнь научась любить, о смерти не забудь;
Поменьше ешь и спи и говорлив не будь:
Что может быть вредней ненужных слов теченья?

СРАВНЕНЬЕ ПОКАЖЕТ

Ишак возомнил, что коня он крупней,
Кто — больше, кто — меньше, сравненье
покажет.
Найти не пытайтесь двух равных коней,
Который резвей, лишь сраженье покажет.

И знатный в младенчестве глуп, как овца,
Глупцу бесполезны слова мудреца.
О знатности не вопрошай удальца,
Каков он, его поведенье покажет.

Богатством земли не насытится взор.
Не каждый из тигров бывает матер.
А взять удальцов — ведь не все на подбор,—
С гостями тебя обхожденье покажет.

Коль счастьем одарит отважного рок,
Поддержка народа пойдет ему впрок,
Каков удалец, нам покажет клинок,
А речь остроту в словопренье покажет.

Фраги, столь горюча слеза бедняка,
Что горы сожжет, лишь коснется слегка.
Владыки народ притесняют века,
Суд божий все их преступленья покажет.

ПОЩАДИ!

Не мучай друга словом безотрадным;
Голодного за стол свой посади;
Будь строг и сух с завистливым и жадным;
Любовь к труду храни в своей груди.

Приветлив будь с бездомным сиротою,
Прими его, согрей, снабди едою;
Будь с грустным добр и раздели душою
Его беду, в его дела войди.

Приказ джигиту не дается дважды;
Удачлив тот, кто знает меру жажды;
Дела благие должен делать каждый:
Будь щедрым, бек, правдиво, шах, суди!

Нужда сама людей не убивает,
Она с лица улыбку убирает;
Хитрит собака с волком и играет,—
И ты с врагом хитро себя веди.

Махтумкули дан речи дар медвяной,
Ее цветы цветут благоуханно...
И Гёр-оглы ведь умолял Рейхана!
Просящего пощады — пощади!

ПОЧТЕНЬЯ ОТ НЕВЕЖД НЕ ОЖИДАЙ

Почтенья от невежд не ожидай,
У грубых не заслужишь уваженья.
Коль ты умен, в беседу не вступай,
Покуда не услышишь приглашенья.

Похвалит ум лишь тот, кто сам с умом.
Не быть листве на дереве сухом.
Не станет прозорливый строить дом
Там, где его обычаи — в презренье.

Засыпанный арык не потечет.
Ничтожный, что ни скажет — все не в счет.
Пред дастарханом пес подачки ждет.
Не дашь,— он все сожрет без разрешенья.

В солому можно превратить зерно.
И розе стать колючкой суждено.
Твои труды — впустую все равно
Там, где никто не ценит достиженья.

Трус на привале — дерзок и силен.
Горланит на обеде пустозвон,
Оружием, хвалясь, бряцает он,
Когда врага не видно в отдаленье.

Иной джигит ослом домашним стал.
Пустой хвастун как буйный нер взыграл,
Бесстрашным львом представился шакал,
Узнав, что отменяется сраженье.

Свет Истины сияет и вдали.
Джигит с разумной речью — соль земли.
Язык твой придержи, Махтумкули,
Где твоего не спрашивают мненья.

ПОДАЛЬШЕ ДЕРЖИСЬ

Безумное сердце! От тех, с кем нельзя
Промолвить и слова, подальше держись.
Будь с теми, кто любит. Бери их в друзья,
От сердца пустого подальше держись.

Добра мы не ждем от трусливых сердец,
Но в деле нелегком надежен храбрец.
Все тайны твои разболтает глупец,
И ты от такого подальше держись.

В лукавом, в лжеце прямоты не найдешь,
Твое простодушье он примет за ложь,
Он в дружбе с тобой, а за пазухой нож,
От умысла злого подальше держись.

За мудрых стань жертвою, Махтумкули,
Как лекарь, недуги души исцели.
Коль трусы собратом тебя нарекли,
От братства такого подальше держись.

ПТИЦА СЧАСТЬЯ

Дай птицу счастья нам, прекрасную хумай!
Туркмены бедные, мы слезы льем рекою.
Услышь меня, аллах, спаси несчастный край:
Нам наглый кизылбаш опять грозит войною!

В степях, где Хизр ходил, пусть бедный наш народ
В державе собственной века веков живет!
Пусть неры буйные одни найдут оплот,
Пусть с общей скатерти насытимся едою!

Пусть вместе дервиши свершают свой намаз;
Пусть храбрым воинам один звучит сааз;
Пусть вечная весна сойдет на бедных нас,
Чтобы расстались мы с мучительной зимою!

Туркмены! Если бы мы дружно жить могли,
Мы осушили б Нил, мы б на Кульзум пришли.
Теке, йомуд, гоклен, язык и алили,—
Все пять!— должны мы стать единою семьею!

Измученный Фраги не хочет встать с колен:
Не дай сынам твоим изведать вражий плен!
Пусть руку братскую йомуду даст гоклен,
Вождя испытанного ты нам дай главою!

ЧЕСТЬ УМНОЖИТ

Трус обещать всегда охоч:
Ведь обещанье не тревожит;
А позови на дело — прочь!
Он занят, болен, он не может.

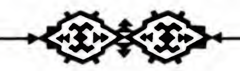
Крутя усы, осклабя рот,
За льва он грозного сойдет,
Хвалясь, он горло надорвет.
Как блюдо плова уничтожит.

Жуя, он рад, как пес, ворчать,
Ослом, не к месту, глотку драть;
Хотя рычит он льву под стать,
Но как лисица падаль гложет.

Велят седлать — седлай, и в путь!
Огнем полна у храбрых грудь!
В суровый час отважен будь,
Чтоб не с позором век был прожит.

Когда в сознанье свет, не мрак,
Ты будешь совестлив и благ.
К моим заветам глух ишак,
А человек их в сердце сложит.

Фраги! Лишь в битве, пыль клубя,
Покажет тур-джигит себя:
Он жизнь отдаст, друзей любя,
И этим честь свою умножит.

ДРУЗЬЯ

Не остановит бай Вращенье Рока,
Ему молиться ни к чему, друзья,
Он в деньги верит больше, чем в пророка:
А в том нет прока никому, друзья.

Когда иссохнут, пожелтеют лица,
Сожмутся рты, провалятся глазницы,
Нам только благостыня пригодится,
Все остальное ни к чему, друзья.

Жизнь,— вздох один, с ловушкой сходно тело,
Душа же птица, что в нее влетела.
Из праха происходим — что за дело?
Едва придя, уйдем во тьму, друзья.

Не будь беспечным, не ликуй заране:
Век кочевать в седом степном тумане,
Кружиться вечно в длинном караване
Попавшим в эту кутерьму, друзья.

Тебя за ворот схватит смерть однажды,
Заставит выть, пусть это помнит каждый.
С тяжелой ношей, мучаясь от жажды,
Проходим путь по одному, друзья.

Ты бедняку отдай халат свой лучший,
В награду райский в будущем получишь.
Чем ездить в Мекку, не пропустим случай
Наполнить беднякам суму, друзья.

Махтумкули, о смертном помни часе.
К чему богатство? Кто из алчных спасся?
Жизнь длится миг, а ты навек запасся?
К чему добро в пустом дому, друзья!

НЕ ГОВОРИТЬ ЛИ?

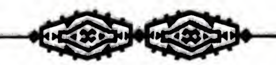
Не верю жизни я, в душе — тревоги;
Готовясь к смерти, саван не скроить ли?
Я — раб, вне мира нету мне дороги;
У бога помощи не попросить ли?

Но как, друзья, постигнуть божье слово?
Как благодать душой усвоить снова?
Отшельничества вьюк многопудовый
Мне на верблюда страсти не взвалить ли?

В пустой душе пылал огонь гордыни;
Сад смерти я кроплю слезами ныне;
Мне плоть мою не кинуть ли в пустыне,
Средь хищников степных не разделить ли?

Мне б влагой милости омыть напасти,
Найти б в молитве путь среди несчастий!
Да! Птицу духа в диких рощах страсти
Стрелою мысли мне не подстрелить ли?

Не впрок, Фраги, земные наслажденья;
Плоть без души постигнет разложенье,
Не будет слова и не будет зренья...
Но языком живым не говорить ли?

НЕ ОТДАВАЙ ДУШИ

Не отдавай души неверным! Кто видал
Их благодарность, им доверясь сердцем смелым?
Страшись напрасных мук, беги змеиных жал;
Кто пользу в них обрел?— реши рассудком зрелым.

Беседуй о любви, но не ищи утех:
Душа расплатится за мимолетный грех;
Любви не знаешь ты. Узнай о ней у тех,—
Рабов ее, с душой обугленной и телом!

Я проповедую,— и слушать будь готов;
Слугою стану я ловцу глубоких слов;
Знай, что распутница с полсотнею грехов
Честней лжеца-судьи с его лукавым делом.

Кто выпил пиалу «пречистого вина»,
Душа в том светится, как зеркало, ясна;
Мир — семиглавый змей, и власть ему дана;
Лишь в бегство кинувшись, остаться можно целым.

Не спи, Махтумкули, внимая горний зов!
Ты вволю выспишься меж прочих мертвецов.
Кто б мог отважиться из нищих и рабов
Не выполнить того, что господин велел им?

НЕ РАЗОБРАТЬ

Сам болен я, страна больна и время:
Где золото, где хлам,— не разобрать.
Мы тирании сносим гнет и бремя;
Где ересь, где ислам,— не разобрать.

Нет ищущих божественного света;
Нет на собраньях мудрого совета;
Нет больше дозволенья и запрета;
Где вред, где польза нам,— не разобрать.

Нет образца: любой пример обманет,
И каждый бай богатством занят;
У вдов, и жен, и девушек стыда нет;
Где чистота, где срам,— не разобрать.

У всех мешки чужим добром богаты;
Фанатиков терзают пустосвяты;
Скрыт яд в сердцах, в руках кинжалы сжаты;
Молитва где, где гам,— не разобрать.

Фраги! Душа гостит в сей жизни мало,
И жалок тот, в ком полно ядом жало;
Все наше время вверх ногами стало,
И где базар, где храм,— не разобрать.

НА ЛОЖЕ ЛЕНОСТИ

На ложе лености ты спишь, забыв о деле,
И сердце праздное беспечности полно.
А птица дикая, душа, томится в теле
И колотиться ей о клетку суждено.

Заветы мудрости впивая неустанно,
Спеши, не медли: ты отстал от каравана;
Не стань добычею коварного шайтана:
Страстями существо твое оплетено.

Наевшись, нарядясь, опасность забывая,
Ты спишь; тебя манит лишь суета земная;
А смерти лев рычит и, когти выпуская,
У ложа твоего припал уже давно.

Проснись, Махтумкули, прерви свое забвенье,
Не продавай души за бренность наслажденья:
Мир — омут роковой, в нем — черных вод вращенье,
Но в глубине его ты ясно видишь дно!

ЛЕБЕДИ

Странники, взгляните на меня,
Кто еще подобно мне томится?
Мотыльки, любовники огня,
Кто из вас к блаженству не стремится?

Ветер, ветер, ты в чужих краях
Пел в ушах, вздымал дорожный прах...
Есть ли в мире справедливый шах,
Где его счастливая столица?

Муж святой, ты видел горний рай,
Ты земной благословляешь край,
А по белу свету ходит бай,
Укажи, где нищете укрыться?

Дудку сделал я из тростника —
Ростовщик услышал должника.
Птицы вы мои! От ястребка
Разве может спрятаться синица?

Рыба, ты и лодка и гребец,
Синяя пучина твой дворец.
Есть ли в мире остров, где беглец
Вечных бедствий мог бы не страшиться?

Мир-завистник, ты как время стар,
Отнимаешь свой блаженный дар...
Есть ли на земле такой базар,
Где алмазы по грошу кошница?

В мире есть красавица одна,
Словно двухнедельная луна;
Родинка ее насурьмлена,—
Кто с моей избранницей сравнится?

На земле моя Менгли жила,
Обожгла мне сердце и ушла.
У меня в груди ее стрела.
Где она? Какой звезды царица?

Я скучаю по родным краям.
Ты гулял ли с нею по горам?
Дай мне весть — по-прежнему ли там
Дождь идет, седой туман клубится?

За годами промелькнут года,
Новые возникнут города.
Кто мне скажет — будет ли тогда
По Корану человек молиться?

Народится новая луна —
Не навеки сгинула она.
Для ростовщика возведена
Будет ли надежная темница?

Мало говорил Махтумкули,—
По глазам печаль его прочли.
Лебеди отеческой земли,
Иль не горько с вами разлучиться?

ГОВОРЯТ

Меджнунова гора в тумане, говорят,
Вершина той горы крута, а не полога.
Неверный человек обманет, говорят,
Кто вверится ему, тем суждена тревога.

Волк не способен быть товарищем овец.
Твой спутник плох, когда он — трус или скупец,
И только от того, кто истинный храбрец,
Нам будет в трудный час поддержка и подмога.

Беспечен человек в неведенье своем,
Не думает о том, что мы в свой час уйдем,
О том, что в этот час мы силу обретем
Не в золоте своем, а в нашей вере в бога.

Кто ведает, когда беда постигнет нас,
Когда затопит мир водой, как в первый раз?
Бессмертен лишь аллах, а к нам в урочный час
Смерть явится ко всем и позовет в дорогу.

Пусть тот, кто полюбил, в пустыню, бос и наг,
Уходит, отрешась от всех на свете благ,
Тому из нас аллах спасенья явит знак,
Кто для людей добра содеял хоть немного.

И ты, Махтумкули, недужен и устал,
Но понял ты: лишь тех, кто нас не предавал,
Кто слабых защищал, кто бедным помогал,
В день Страшного суда бог не осудит строго.

ПРИМЕТА

Ныне лишь невежда славен — помрачения примета!
Где страдания дервишей? Где горения примета?
Угнетенных и страдальцев где спасения примета?
Всюду лишь одни напасти, запустения примета,
Все ругаются друг с другом — оскудения примета!
Тот — мужчина, на котором преступления примета!
К выгоде стремится каждый — где смирения примета?
Нет следа благого дела, есть падения примета —
Это светопреставленья, это тления примета!

Люди лютого злодея честным храбрецом считают,
Бытие, что преходяще, прочным бытием считают,
Шариат они презрели, благо злом они считают.
За друзей врагов принявши, друга злым врагом
считают,
Клянчить и просить привыкнув, скромного глупцом
считают,
Ты не преступил закона — все тебя ослом считают,
Хвастуна считают пиром, лживость удальством
считают,
В скромниках беспутный ходит, скромность
хвастовством считают,
Это светопреставленья, это тления примета.

Кто бренчать горазд на сазе — тот почет приобретет,
А читающий прилежно— ишаком у нас слывет,
Об одном дервишей дума — обмануть простой народ.
Если девушки сберутся, то не водят хоровод,—
Только брань у них да ссоры, и никто их не уймет.
Сам кази не служит вере — он бесправия оплот,
Он шайтану верно служит, другом черт его зовет;
Если мы все это стерпим, по заслугам ад нас ждет —
Это светопреставленья, это тления примета.

Об аллахе и пророке знать не хочет пир-мудрец,
Притеснитель взял главенство, а судьею стал подлец,
Взятки брать они готовы, чтоб набить полней ларец,
А бедняк всегда виновен, будь ответчик, будь истец.
Вор — в чалме богатой ходит словно волк среди овец,
Всех опутал он коварством, слаб пред ним любой храбрец,
Что найдет, все пожирает, позабыв запрет, наглец,
Что же в судный день ответит богу истому слепец?
Это светопреставленья, это тления примета!

Что ж, Махтумкули, ты плачешь? Не излечишь свой недуг!
Почему насильник правит, дай ответ, небесный круг!
Все изверились друг в друге, кто же недруг? Где же друг?
Каждый ссорится с соседом, видя в нем причину мук,
Не упустит ни за что он барыша из жадных рук,
Подлость всюду одобряют, выше всех она заслуг.
Кровь пролить готовы люди, им молиться — недосуг,
Тигр спасается от казни, жалкий в нем живет испуг —
Это светопреставленья, это тления примета!

ВРАГ

Брат, не сходи с ума при виде казны:
Твоей душе безумная тщета — враг.
Не обольщайся красотою жены:
Красавице ее же красота — враг.

Не лги, свяжи язык, беги болтовни,
К добру ладони страстные протяни,
Желания напрасные прогони:
Блаженству дьявольская суета — враг.

Гляди: вращается небесная твердь,
Глотает царства и людей водоверть.
Родной земли не покидай. Лучше — смерть!
В скитанье дальнем каждая верста — враг.

Глазам открылся мир до самого дна.
И впрямь настали подлые времена.
Уходит с гор туманная пелена,
Ручьям быстробегущим высота — враг.

Карун любостяжанием обуян;
Покинул золотой престол Сулейман;
В слезах Юсуп оставил отчий Кенган;
Несчастному Якубу слепота — враг.

Отец ислама — опочил Мухаммед;
Ходжи Ахмеда нет, пропал его след;
Судьба приходит к нам со свитою бед;
Корану — враг судьба и глухота — враг.

Где триста семьдесят святых, бренный мир?
Песком заносишь кости их, бренный мир!
Бессмертный обрываешь стих, бренный мир!
Дестану роковая немота — враг.

Я не могу молчать: я видел гроба́,—
А кто видал судьбу? Незрима судьба.
Никто ее клейма не смоет со лба.
Царю — держава, нищим — нищета враг.

Махтумкули завидуют соловьи,
А у него — глаза и сердце в крови.
Вам мир — невежда, сладостные мои,
Неосторожные мои уста — враг.

НАШЕСТВИЕ

Бежал хозяин лавки; моей торговле
Конец пришел до срока. Что делать мне?
Разбойник тешит сердце кровавой ловлей
В убежище порока. Что делать мне?

Муж обернулся трусом, рабы — мужами,
Лев обернулся мухой, а мухи — львами,
Темница стала домом, часы — веками...
Пред полчищами рока что делать мне?

Что делать, если сердцу любви не надо?
Сорвали кизылбаши завесу ада.
Растоптана отчизна — моя отрада,
Мой сад — пятой жестокой. Что делать мне?

Лежит на пленном слове печать запрета.
Невольничьи базары шумят с рассвета.
Где честь народа? В саван душа одета
И страждет одиноко. Что делать мне?

Погублены врагами мои дестаны;
Наставники — в темницах. Слезами пьяный,
Фраги пытает ветер: где караваны?
Один в степи широкой... Что делать мне?

НАЧАЛА

Опередив добро и славу,
В счастливый день певец придет.
С бедой мулла придет в державу,
И вражеский боец придет.

Хвастливый трус при первой ране,
Смутясь, покинет поле брани.
Предупредив пожар желаний,
Томление сердец придет.

Отец себя увидит в сыне.
Спит кабаненок в черной тине.
Мотыга застучит в пустыне —
И влага наконец придет.

Вдали от логова родного
Что волк?— добыча зверолова.
Фраги! Потом родится слово,
Сперва его творец придет.

НИЩИЙ И ЦАРЬ

Превратятся туманные горы в песок,
С черным сланцем и твердым кремнем разлучась.
Разобщенные капли сольются в поток,
В океан превратятся, со льдом разлучась.

Все-то спорим, да вздорим, да ссоримся мы;
Наши очи в слезах, и в тревоге умы.
Размотали бы сытые пиры чалмы,
С книгой божьей, с народом-отцом разлучась.

Зло и скверна земной захлестнули предел.
Кто, скажите, о братьях из вас порадел?
Черный ворон — и тот бы до звезд долетел,
С дотлевающим в прахе гнильем разлучась.

Что развратнику родина, вору — народ?
Трус бежит там, где храбрый оружье берет.
Как поведаешь скорбь, если русло найдет
Слезный ток, со своим тайником разлучась?

Малодушный томится всегдашней тоской,
Перед мужем достойным теряет покой,
Покидает подругу в пустыне мирской,
С теплым кровом, едой и питьем разлучась.

Ополчается ради свободы храбрец,
Малодушный спасает свой жалкий ларец;
Бродит жадный купец, ищет кладов глупец,
Спит мертвец, со своим сундуком разлучась.

У блудницы — докучная алчность в глазах;
У визиря-глупца — беспорядок в делах.
Дал красавице черные брови аллах —
И тоскуешь на ложе ночном, разлучась.

Пристрастились торговцы к пределам чужим.
Караваны уходят, уносится дым...
Кровью плачет Фраги, кровью плачут пред ним
Царь и нищий, с последним умом разлучась.

ЛОЖНЫЙ ДРУГ

Не толкует о храбрости хан,
О гульбе и вине говорит.
Потерявший ягненка чабан
О волках и во сне говорит.

Отлученный от края отцов,
Вспоминая родительский кров,
Жалкий странник средь чуждых песков
О родимой стране говорит.

Шах болеет, не ест и не пьет:
В жилах — пламя, а руки — что лед.
Лекарь снадобье прежде дает,
А потом о цене говорит.

Ходит-бродит по свету хромой,
Тяготится дорожной сумой,
Все никак не вернется домой,
О лихом скакуне говорит.

Снится зависти шахский чертог,—
Наяву он, как солнце, далек.
Опаленный огнем мотылек
О волшебном огне говорит.

Были смертные дни хороши.
Почивая в могильной тиши,
Плоть, оставшаяся без души,
О бессмертной весне говорит.

Ненадежных друзей не имей.
Ложный друг среди новых друзей
О случайной ошибке твоей,
О ничтожной вине говорит.

НЕ СРАЗУ УЗНАЕМ

Что знает о добре народ?
Не сразу добряка узнаем.
Кого всевышний изберет,
Того издалека узнаем.

Твоя краса — бесценный клад,
Весь мир ей покориться рад.
Иной, лишь сидя дома, хват,
Лишь в битве смельчака узнаем.

Взять хну — лишь цветом тешит взор,
И золото — блестящий сор.
Глядишь — все кони на подбор,
Лишь в скачке стригунка узнаем.

Сеиды и ходжи щедры,
Их подаянья, как дары,
Мы по улыбкам, что добры,
Тех, чья душа мягка, узнаем.

Махтумкули, в столь светлый час
Что устыдить способно нас?
По гнутой брови, блеску глаз
Красу издалека узнаем.

НЕВОЗМОЖНО

Три дерева на высоте растут,
Но им соединиться невозможно.
Огромный камень, тяжкий, как верблюд,
Поднять одной десницей невозможно.

Сравнять ли низкий дом и минарет?!
С дурной женой покоя мужу нет.
Отдать соседу? Не возьмет сосед!
Казнить?.. Убить волчицу?.. Невозможно!

Как только слава о тебе пойдет,
Все люди воздадут тебе почет.
Пока богатство в дом не попадет,—
Богатством похвалиться невозможно.

Богатства ненасытно жаждет бай.
Бедняк! Осла конем не называй!
Прожорлив мир. Кричит все время: «Дай!»
Мечте осуществиться невозможно.

Грядущее я людям предсказал.
Смерть подойдет, дохнет — и ты завял.
Жену дурную бог тебе послал.
Судьбе не подчиниться невозможно!

В дурной жене для мужа — сто обид.
Расскажет ложь, а правду утаит.
Шайтан ее в два счета совратит,
От поношенья скрыться невозможно.

Махтумкули! Не трать напрасно сил,
Пока тебя народ не окружил!
Кто с нелюбимой ложе разделил,
Тому и сном забыться невозможно.

НЕ ВВЕРЯЙ ТАЙНЫ ТРУСУ

Ты тайны трусу не вверяй своей,
Он разнесет ее на все селенье.
Коль вор сосед твой, прочь беги скорей,
Не то растащит все твое именье.

Коль кто-то глуп, не проводи с ним дни.
Гони того, кто дураку сродни,
Но друга не обидь, не отстрани:
Лишь дружба нам дарует утешенье.

И если друг получит добрый знак,
От той, в ком видит он источник благ,
Ты помоги им, чтоб иной дурак
Любимых не рассорил во мгновенье.

Добро творящих бог простит скорей,
Чем истово молящихся людей.
Но если лжец ты, иль прелюбодей,
Тебе в огне гореть, не жди прощенья.

Махтумкули, беги от злых людей,
И, если даст аллах тебе детей,
Былую молодость на склоне дней
Они тебе вернут, как награжденье.

ДУМАЙ

Коль узник ты и хлеб тюремный ешь,
«Я, точно ветер, стал крылат!»— думай.
«Я посетил Рум, Индостан, Габеш,
Все тайны мне открыл Багдад!»— думай.

Голодным у чужих дверей не стой:
Кичиться каждый будет пред тобой;
Когда тебя палит в пустыне зной,
«Вокруг меня эдемский сад!»— думай.

Не будь прожорлив, сидя за столом,
Чтобы людей не насмешить кругом;
Коль юным ты умрешь, но богачом,
«Как Ной, годами я богат!»— думай.

Скрывай нужду: бог знает меру бед,
И будешь ты накормлен и согрет.
Хоть, как индус, в лохмотья ты одет,
«Я царственный надел халат!»— думай.

Повелевал ветрами Сулейман,
А что осталось? Имя, звук, туман.
Пусть жаждой ты в пустыне обуян,
«Я — Искандер среди прохлад!»— думай.

Коль спутником ты будешь муравью,
Коль пустишь спать к себе в постель змею,
И то судьбу благословляй свою,
«Я отыскал Каруна клад!»— думай.

Махтумкули! Терпенье любит бог;
Знай: плоть — могила, дух же — волосок.
Хотя бы ты болтать вседневно мог,
«Все ж я могильным сном объят!»— думай.

О ЧЕСТИ

Кто добрые дела всю жизнь творит,
Того народ венчает высшей славой.
Кто подлостью печально знаменит,
В сердцах людей жить не имеет права...

Лишь правде следуй, будешь тем велик.
Как жалок тот, кто цели не достиг!
Завистливым не будь — в какой-то миг
Поймешь, что зависть не приносит славы.

Быть постарайся с ближними в ладу.
Достойных не хули, отвергни мзду.
Чтоб не попасть в нежданную беду,
Всегда и всюду мыслить надо здраво.

Не верь порывам ложным и мечтам —
Себя ошибкой свяжешь по рукам.
Бойцу расплатой будет стыд и срам,
Коль дрогнет перед вражеской оравой.

Где надо, ярость пусть клокочет в нас!
Где смерть, пусть громко не играет саз.
Чтобы скупца увидеть без прикрас,
Явись к нему — себя покажет, право!

С толпой соперников вступая в спор,
Беду накличешь, наживешь позор.
Кто в трудном деле не был до сих пор,
Поймет однажды: это не забава.

Не жди, чтоб вор к раскаянью пришел.
Нужна вода, чтобы кипел котел.
Но тех, кто был неумолим и зол,
Сожжет возмездье огненною лавой.

Побитый стужей, не цветет мой сад.
Кто провинился, робко прячет взгляд.
Иной, глядишь, ни в чем не виноват:
Его попутал друг его лукавый.

Махтумкули, есть у тебя права,
Всё, всё скажи, пока душа жива.
Потомкам в дар оставь свои слова,
И пусть в них разум торжествует здравый!

НЕ СТОИТ

Трясется бай иной над полною мошной,
Хоть он и богатей, а бедняка не стоит.
Не жаль весь мир отдать красавице иной,
Иная ни платка, ни кушака не стоит.

Чтоб не жалеть потом, не знайся со скупым,
С ним хлебом не делись и не встречайся с ним.
Ходжа, глумящийся над батраком своим,
Не то что батрака, но ишака не стоит.

В день скачки, в день войны иной скакун горазд.
Какой не дашь цены — хозяин не продаст.
Иной скакун ценней любых земных богатств,
Другой своих удил и потника не стоит.

Бесценны на земле в любые времена:
Конь, что не подведет, друг, чья рука верна,
Доверчивая достойная жена.
Все прочее гроша наверняка не стоит.

Фраги, нам сладко петь, любить и вдаль скакать,
Блаженство для иных — святой Коран читать.
Мы смеем утверждать: «В мечети пропадать,
На это тратить жизнь, что коротка, не стоит!»

ЗОЛОТОМ НЕ СТАНЕТ

Возиться ни к чему с душой неблагородной:
Не станет золотом начищенная медь;
Вовек не справиться со склонностью природной:
Вороне, во́рону, как соловью, не петь.

Не всякий труп в степи святым казаться вправе;
Не всякий мученик «кербельским» зваться вправе;
Не все с копной волос к сеидам жаться вправе;
Не всякий — каландар, кто шкуру смог надеть.

Достигнет Истины не всяк, вопящий: «Знаю!»
Не всем дано пройти чрез мост, ведущий к раю;
Не всякий тот — Джемшид, с кем чаша золотая;
Не всем с пером в чалме, как Искандер, греметь.

Коль можно в рай пройти путем Абу-Талеба,
Зачем у идолов просить, молясь им, хлеба?
Дух жаждет воспарить в лучи седьмого неба,
Но тростнику пустынь, как сахарный,— не зреть.

Но замолчи, Фраги: молчанье — слов дороже;
Что за нужда тебе в чужой тоске и дрожи?
Хоть ты красноречив, как многие, но все же
Таких, как шах Аббас, нет и не будет впредь!

ВРАГИ

Мир — враг тебе, о человек мгновенный:
Родня и дом — враги тебе, враги!
И восемнадцать тысяч звезд вселенной,
И жизнь с грехом — враги тебе, враги!

Твой черный раб, твой скот, аркан и сети,
Твой конь, халат, твои клинки и плети,
Твоя жена любимая и дети —
Все в мире сем — враги тебе, враги!

Мир — караван-сарай с ночной гульбою;
Дан меч бойцу, дан шаху трон судьбою;
Ты — шах: ты пал, и все, кто пред тобою
Лежал ничком,— враги тебе, враги!

Дом, обветшав, обрушится от ливней,
Конь сил лишится, слон лишится бивней;
Богач — раба окажется противней,
Хоть он с рабом — враги, навек враги!

Мир — враг, тебе сулит в могиле дом он;
Тебе враждебен жизни рев и гомон;
Ты расцветешь — и сразу бурей сломан:
Гроза и гром — враги тебе, враги!

Ты прав, Махтумкули: везде раздоры,
Повсюду люди затевают споры!..
Весь мир забыв, направь к аллаху взоры:
Ведь все кругом — враги тебе, враги!

ВЕЛИК ЛИ ПРОК

В еде, где нету соли, вкуса нет,
Без соли нету ни шурпы, ни плова,
Ты не избегнешь горестей и бед,
Когда ты слеп, врага не видишь злого.

Есть ноги, чтобы по земле ходить,
Есть уши, чтобы слушать и судить,
Но чтоб аллаха возблагодарить,
Где, раб, твое молитвенное слово?

Из праха создан ты, так поспеши
Растить цветы в саду своей души.
И перед господином не греши,
Хоть ты его не видишь, всеблагого.

Кто истиной живет, не ждет щедрот
От мира, где недолго все цветет.
Что твой язык убогий изречет,
Коль нету в сердце пламени живого?

Лишь правда может нас спасти от бед,
Когда разъела порча белый цвет.
Здесь всякий человек в плену сует
И златоуст беспомощней немого.

Чтоб в жизни все сбылось когда-нибудь,
Закрой глаза, терпи, постигни суть.
На бога положись и, этот путь
Избрав, пойми, что нет пути иного.

Фраги, я много исходил дорог,
За то, что я сложил, иной знаток
Пусть не корит меня, я пел как мог,
Лад переняв у племени родного.

ЛУЧШЕ

Еда, питье, гульба, любовь — вот жизни цель;
Но для джигита конь с крутой спиною — лучше.
Отрадно слыть бойцом, пить с милой страстный
хмель,
Но окруженным быть большой семьею лучше.

Ценней плодовый сад, чем мир, обитель зла,
И труженик-осел, чем дармоед-мулла;
Расчетлив трус, в нем кровь едва тепла.
Ты безрассудным будь героем лучше.

Стрела, пробив гранит, останется стрелой;
Вино отраднее, чем кубок золотой;
Князей, жиреющих над запертой казной,
Торговец уличный с душой скупою лучше.

Коль ты понять готов, тебе совет я дам:
Не утверждай, чего не знаешь сам.
Порочных девушек и жен, таящих срам,
Блудница явная, в пятак ценою, лучше.

Молись, Махтумкули: лишь бог единый благ.
Дай мне слова, аллах, развей душевный мрак!..
Воров, распутников, насильников и скряг
Ишак — и то с собакой злою лучше!

ОБРАЩЕНИЕ К ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

Спит человек иль бодрствует,— он будет
Глубоко верен замыслам своим.
Влюбленный страстно — сердца не остудит,
Хотя бы нищетой он был томим.

Кто отдал жизнь порокам и обманам,
Тот в судный день предстанет окаянным;
Сравнится тот с эмиром и султаном,
Кто примирен со жребием земным.

Кто слову правды не сумел быть другом,
Неизлечимым болен тот недугом,
И в судный день раскаянье как стругом
Сдерет грехи, сроднившиеся с ним.

Счастливцу жизнь — плодов прекрасных груда,
Но старику любое горько блюдо,
И юность — удивительное чудо
Для тех, кто стал и дряхлым и седым.

Не верь судьбе с тех пор, как мыслить начал.
Знай: рок свой путь изменами означил,
Как мудро б жизнь Фраги переиначил,
Стань в сорок лет он снова молодым!

ЛЮДСКАЯ ТЛЕННА ПЛОТЬ

В саду своей души попробуй уберечь
Цветок, что там цветет, что всех цветов дороже.
Людская тленна плоть, но долговечна речь,
Порой истлеет плоть, а речь сердца тревожит.

Из дел всех лучше то, что бог благословил.
Из наших бед — недуг нам боле всех немил,
И если в некий день аллах нам смерть судил,
То так тому и быть, моленье не поможет.

Намерений твоих велик счастливый круг,
В том круге много встреч, в том круге нет разлук.
Но наш неверен мир и он тебе — не друг,
А если даже друг, то друг, который ложен.

Сын человека в мир приходит, чтоб уйти,
Могила — вот куда приводят все пути.
В борьбе с судьбой тебе удач не обрести,
Судьба хитрей тебя, она тебя низложит.

И ты, пришедший в мир доверчивый простак,
Поймешь, что он игрок и на обман мастак.
Он бросит кость не так, ты не заметишь как,
Но выиграть игры ты никогда не сможешь.

Глупцу, кому сладка лишь сладкая еда,
Не докучай своим реченьем никогда,
Хоть камень и в реке, но сотни лет вода
Течет вокруг, а внутрь не проникает все же.

Хоть и не счесть, Фраги, счастливых дней твоих,
Но кажется тебе: немного было их.
И как ни мало дней плохих средь дней былых,
А кажется тебе: ты их несчетно прожил.

ОСЛУ НЕ СТАТЬ КОНЕМ

Хоть конское седло на нем,
Осел не стал конем, мы знаем,
Хоть негодяй и стал царем,
А все ж остался негодяем.

Что зять — не сын, нас каждый раз
Жизнь убеждает в трудный час.
Обманный мир обманет нас,
Как бы он ни был украшаем.

Что дураку твердить о том,
Что сами поняли с трудом,
Невежд не убедим ни в чем,
Мы только время потеряем.

Когда твоя настанет ночь,
И сможет вряд ли кто помочь,
Пусть над тобой склонится дочь
И сын, заботою терзаем.

Фраги, повсюду странный люд:
Те пляшут, эти — слезы льют.
И хоть кругом сады цветут,
Мы не считаем землю раем.

ГОСТЬ

Ты черный волосок на камне черном видишь.
Но взор притупится: такое зренье — гость.
Ужель пришедшего к обеду ты обидишь?
Ведь ищет не еды, а лишь общенья гость.

Дни наши тяжелы, на всех путях угрозы,
И лишь у юношей есть песни, а не слезы;
Весной распустятся бесчисленные розы,
Но тут же отцветут: цветов цветенье — гость.

Как благостно мудра и тайн полна природа:
Льют аромат сады, касаясь небосвода,
Не счесть плодов земных: их семьдесят два рода,
Но осень снимет их: всех гроздий рденье — гость.

Коль раздобыть коней джигиты не сумели,
В них львиной доблести, знать, не было на деле.
Чем больше лет тебе, тем силы меньше в теле:
Ведь молодости пыл, ее горенье — гость.

Встречает мир тебя улыбкою хмельною,
Но душу мучает, но топчет грудь пятою,
И сколько б ты ни жил, смерть встанет пред тобою:
Ведь в теле глиняном души движенье — гость.

Махтумкули живет покорным и безгневным,
О смерти думая, о жребии плачевном,
Все человечество — гость в мире пятидневном,
И обречен судьбой на истребленье гость!

СКИТАЛЕЦ

Ты — влюбленных и страждущих падишах,
Ты — властитель всей славы земной, скиталец!
Я брожу по дорогам в степях, в песках.
Но какой же идти мне тропой, скиталец?

Падал я, снова брел себе на беду
И, ничтожный, остался в этом аду.
И Шебли, и Меджнуна я приведу
По веленью любимой, о, мой скиталец!

Я спросил: распустилось ли много роз?
Слышу: ветер зимы лепестки унес.
Из-за горькой судьбы, виновницы слез,
Вечно в трауре бедный изгой — скиталец.

Не всегда я бываю тоской объят,
Но мешает нам встретиться супостат,
Я тебя расспросил бы о милой, брат,
По душам говорю лишь с тобой, скиталец!

Я в раздумьях весь день, всю ночь напролет,
Так идут день за днем и за годом год.
Пусть мне чашу свою аллах ниспошлет,
И не важно, какой в ней настой, скиталец!

Ты во имя того, кто наш мир воздвиг,
Дай мне, жалкому, радость хотя б на миг.
Отзвук славы твоей дальних стран достиг,
Покровитель влюбленных, святой скиталец!

Говорит Фраги: все тебе отдаю,
Плоть и жилы, разум и душу мою,
Кровь мою до капли последней пролью!
Полной чаши меня удостой, скиталец!

СТАНЕШЬ

Ты не гордись, гора, надменной высотой:
Железом плавленым иль серебром ты станешь;
Река, не хвастайся могучей быстриной:
С годами высохнешь, пустым руслом ты станешь.

Гор повелители,— барс, леопард и лев,—
Вам стать букашками, от времени истлев;
Царь Нила — крокодил, смири свой жадный гнев:
Избитым палкою хромым ослом ты станешь.

Я говорил уже: он близок — Страшный суд;
Там за безвинного тирану воздадут,
Там злобных деспотов пята́ми в прах сотрут!
Не плачь, бедняк: тогда могучим львом ты станешь!

Красавиц ты любил, скакал ты на коне —
Но их с тобою нет в загробной стороне...
Кто умер без молитв, несчастен тот вдвойне;
С молитвою — как нер на свете том ты станешь.

Давать не торопись народу свой совет,—
Примером докажи, что в нем изъяна нет.
Последуй мудрецу — глаза увидят свет;
Невежде следуя, навек слепцом ты станешь.

Хотя б ты, как Лукман, недуги исцелял,
Хотя бы, как Рустем, ты дэвов усмирял,
Хотя б, как Искандер, весь мир завоевал,—
С землей сравняешься, в песке песком ты станешь.

Взгляни вокруг, Фраги, и слову путь открой:
Лишь отыскав приют, раскрой хурджун с едой;
Коль с мудрым встретишься,— доверься с головой;
Дружа с отважными, сам удальцом ты станешь.

ТВОЯ ЗАСЛУГА

Явить свое богатство можешь ты,
Лишь показавшись в полном блеске другу.
Джигит — ревнитель яркой красоты,
Борцы, красуясь, шествуют по кругу.

Смерть подняла натянутый свой лук.
Стрела дрожит, вот-вот рванется вдруг.
Что смотришь ты с беспечностью вокруг?
Жизнь коротка,— ведь лук натянут туго.

Ты — в тесной клетке, жизнь полна угроз.
Смерть словно лев рычит, скулит, как пес.
Меч над тобою Азраил занес,
Пока ты спишь, не ведая испуга.

Ты не стыдился ль истины?— скажи!
Не осквернил ли род свой ядом лжи?
Здесь, на земле, лишь вечности служи!
Не время спать средь солнечного луга.

Махтумкули! К уходу будь готов!
Мы — жертвы смерти, наш удел таков.
Не оставляй ни денег, ни долгов —
Иная благодать твоя заслуга.

ТАК БУДЕТ

У мастера навык слуга переймет,
В работе ему помогая. Так будет.
Кто господом взыскан — блаженствует тот,
Желаний своих достигая. Так будет.

К ручью возвратясь, наслаждаешься им.
Кружа подходи — вот и будешь любим.
От лучшего к лучшему все мы спешим,
Короткую жизнь прожигая... Так будет!

В наитье взлетаешь со щебетом ввысь,
Чтоб птицы вослед, обезумев, вились...
Судьба — что торговка: как с ней ни рядись,
А все обсчитает, шальная... Так будет.

В пороках погрязло твое естество.
За дело берешься, не зная его.
Гляди, как забросят во тьму одного
И жизнь пронесется, пустая... Так будет.

Ты был в пятьдесят — молодец молодцом.
Чего ж ты достиг на десятке восьмом?
Пребудь, о несчастный, в смиренье своем!
Надейся на радости рая! Так будет.

Смерть словно трясина тебя засосет.
Твой разум померкнет средь гнилостных вод.
С могучего древа листок упадет,
Покинешь друзей, умирая. Так будет.

Воссядут писцы пред тобою тогда.
Запишут деянья твои для Суда.
Повсюду тебе угрожает беда.
Охотник сидит, поджидая... Так будет.

И если тобою обижен бедняк,
Нечистое ел и грешил, что ни шаг,
Сто кротких сердец загубил за пятак,—
Разверзнется бездна глухая,— так будет.

Немало джигитов, кольчуги надев,
Чредою спустились в зияющий зев.
Вас просит Фраги: усмирите свой гнев,
В молитвах меня поминая... Так будет.

ОТВЕТЫ

Держа к Ильясу путь, я повстречал Хизира,
И в сердце вновь нашел загадок старых след.

Вздел руки я с мольбой и попросил святого,
Чтоб на вопросы он дать снизошел ответ.

Я вопросил: «На что земная жизнь похожа?»
Ответил он: «На сон или, верней, на бред».

Спросил я: «О святой! А мир на что походит?»
«На разукрашенный нарядами скелет».

«А что же будет с тем, кто этот мир полюбит?»
«Страданьем будет он или грехом одет».

«К чему же подлинно стремятся в жизни люди?»
«К обилию детей и множеству монет».

«Что ж происходит с тем, кто лишь богатства ищет?»
«Сбирает, мучится; утратит — станет сед».

«А как тогда назвать властителя, тирана?»
«Пес, кошка, носорог, шакал и людоед».

«Когда ж моим страстям придет успокоенье?»
«Когда изведаешь всю горечь зла и бед».

«Ужель стремления людей недостижимы?»
«Коль не захочет бог,— недостижимы, нет».

«Что делает судьба с аульным старшиною?»
«Час — ликовать дает, терпеть же — много лет».

Слова Махтумкули, как жемчуг, драгоценны:
Коль ты умен — внимай и выполняй завет!

ПОКА НЕ УМЕР

Здоровье свое цени,
не заболел пока.
Всех болезней страшней
минут предсмертных тоска.
В море ветер цени,
в степи цени облака.
В лодке бдительным будь —
в бурю страшна река.
Молодостью дорожи,
старость недалека.
Коль повзрослел, пойми:
немало под солнцем лжи,
Клевещут твои уста —
печатью уста свяжи.
Пери глядит на тебя —
в сердце твоем ножи.
Мотом пустым не будь,
именем дорожи.
Чтобы познать себя,
с мудрой книгой дружи.
Пророка имя твердишь,
когда ты сражен бедой.
На пиршестве он забыт
за винами и едой.
Чтоб жизнь свою не проспать,
трудись, пока молодой.
Качает ветер-хазан
кусты полыни седой.
Садом будь — не сухой
полынью и лебедой.
Тесны свои рубежи
правителю многих стран.
Взять бы себе он рад
в придачу еще Иран.

Но в мире всего лишь гость —
шейх любой и султан.
В презрении пусть у них
хлеб, что аллахом дан.
Что будут есть, когда
отправится караван?
Из мира уйдешь и ты —
ушли и Зал и Рустам,—
Ужель пойдет за тобой
казна твоя по пятам?
Бархат на грубую ткань
мудрый меняет сам.
Прислушаться и тебе
пора к иным голосам.
Готовься, Махтумкули,
труден путь к небесам.

НАБЛЮДЕНИЯ

Для гостей без живых речей
Ярким праздником той не будет.
Падишаху в стране скорбей
Мил престол родовой не будет.

Тот, кого захватила страсть,
Нежной пери не станет клясть.
Достославной султана власть
Без казны золотой не будет.

Тянет вечную лямку бед
Край голодных рабов — Мешхед.
Нет разлуки — и горя нет,
Доля темной и злой не будет.

Состязанья настанет час —
Расставанье осилит нас.
Трус упустит врага из глаз,
Рваться в яростный бой не будет.

Гору напрочь нельзя снести,
А снесенную — возвести.
Нет охотника на пути —
Зверь пугаться лесной не будет.

Все бальзамы твои — тщета,
Если молодость отнята.
Нестыдливая красота
Беззакатной луной не будет.

Охладеет любовный пыл,
Что вчера мотылька томил,
Если выстрел коня свалил,
Смел воитель иной не будет.

Расстается с душою плоть,
Лютой смерти не побороть,
Снисходить всеблагой господь
К нашей кривде мирской не будет.

Сердце дважды спалить нельзя;
Мак в бурьян превратить нельзя;
Племена победить нельзя,
Если розни лихой не будет.

Страшен этого мира гнет.
Судный день, говорят, придет.
Примет горький удел народ,
Если щедрым скупой не будет.

Телу тягостно бремя лет;
Канем в землю другим вослед.
Коль народу в нем проку нет,
Камень дорог цветной не будет.

Гостю: «Кто ты?» — не говорят.
В край добра не придет разлад.
В доме зависти не гостят:
Чести там никакой не будет.

Рок пешком не ходил вовек —
Слеп его скакуна разбег.
Не состарится человек,
Если ранен тоской не будет.

Дни проходят, пройдут года...
За бедой прилетит беда.
Нищим станет богач, когда
Взыскан правдой святой не будет.

Будет миру конец иль нет —
Где, Фраги, ты найдешь ответ?
Кто детей не родит на свет,
Счастлив долей земной не будет.

ДВЕНАДЦАТЬ СОВЕТОВ

Горячее сердце от горя сгорит,
С народом и родиной разлучено.
Блажен, кто с бессовестным не говорит.
Не каждому добросердечье дано.

Дитяти невинного зря не брани.
Что подлый ни скажет — молчанье храни.
Слова свои, как самоцветы, грани.
Не каждое слово умно да красно.

На суфиев лучше совсем не гляди.
Куда не позвали — туда не ходи.
Беда, если сердце у мужа в груди
Недугом Каруна с ума сведено.

С голодным, как с братом родным, говори.
Что трус ни предложит тебе — не бери.
Открой, не скупясь, перед нищим лари,
А кто этот нищий — не все ли равно!

Пускай тебя трусы обступят стеной,
Что толку? Им страшно и тени ночной.
Завистника встретишь — пройди стороной:
У зависти жало отравой полно.

Разумники — тут, а разумные — где?
Плота не води по безумной воде.
Вина и не пробуй: кто пьян — тот в беде;
И честного мужа бесчестит вино.

Друзья, закручинился Махтумкули,
И силы и деньги его утекли.
За взяткою пиры да судьи пришли —
Плати не плати — пропадешь все одно.

ТЯЖКО ПРИДЕТСЯ

Коль мусульмане друг друга порубят,
Счастье навеки от нас отшатнется.
Стыдно тому, кто невинного губит,
Вздумавши с близким по вере бороться.

Мужеством свару безумец зовет,
Ссора от дьявола к людям идет,
Распри измучили бедный народ,—
Радость уйдет и назад не вернется.

Нет подающих пример мудрецов,
Ныне злодеи в числе храбрецов,
Ныне забыли о вере отцов,
Ныне над праведным дьявол смеется.

Ты, по пустыне свершающий путь!
О благостыне своей не забудь!
Или придется всем горя хлебнуть,
Хворь по великой стране разнесется!

Если ты добр, справедлив и умен,
Скверны беги, соблюдая закон!
Гири фальшивые выброси вон!
Или достаток твой пылью завьется.

Если народ это слово поймет,
То не напрасно учил я народ;
А над страною, где глупость цветет,
Дождь благодатный весной не прольется.

Славит злодеев слуга сатаны,
Праведники со смиреньем дружны,
Распри князей — это гибель страны,
С толку она поневоле собьется.

Если молитва в устах бедняка,
Участь его перед богом легка,
Где любодейство течет, как река,
В громе и гневе земля содрогнется.

Люди Фраги никогда не поймут —
Он говорит, а безумные пьют.
Тот, кто страшится явиться на Суд,—
Пусть от вина поскорей отречется!

БУДЬ СПОКОЙНЫМ

С неудачником дружба беду сулит.
Лучше в доме счастливца слугою будь!
Дружбой с трусом себя не позорь, джигит.
Лучше пылью в жилище героя будь!

На достойных задерживай чаще взгляд:
Чайки хилых птенцов красавцами мнят;
Проклят волк — ненавидят его волчат,—
Ты пасущейся мирно овцою будь!

Равен ты Сулейману? Склонись скорей:
Что-то хочет шепнуть тебе муравей[1].
Хочешь добрым прослыть? Народ обогрей,
Ветерком и журчащей водою будь!

Человека позорит к наживе страсть,
Возомнить о себе — значит низко пасть.
Дружба мудрого славу дает и власть —
Ты монетой его золотою будь!

Сколько б раз ни вздохнул ты, Махтумкули,
Ты с последним дыханьем уйдешь с земли.
Будь мужчиной, о милости не моли,
Но спокойным, готовясь к покою, будь!

---

[1] По народным преданиям, Сулейман понимал язык птиц, животных, отличался мудростью и красноречием, но однажды был побежден в споре муравьем.

ВОСПРЯНЬ, ДУША!

Душа, воспрянь! Мглу развей, смири свою тревогу;
Одна ты, и тебе печали суждены.
Как с трусами идти в далекую дорогу?
Лишь мужественный — друг в суровый час войны.

Соблазны мудрого не захлестнут арканом;
От бога лицемер спасается обманом;
Не станет благодать свой кров делить с шайтаном,
И волки с овцами не могут быть дружны.

Кто подлинно влюблен, в том ненависти нету,
И честные верны великому обету.
Знай: если близится конец земному свету,
Тогда растет раздор и клятвы неверны.

Да!— говорит Фраги.— И семь небес остынут,
И ханы с беками, рабы с ходжами сгинут,
Не станет рек и гор, и люди дом покинут:
Идет с врагами к нам предтеча сатаны!

ДАВАЙ ПОЙДЕМ

Давай — пойдем в Нуху, пусть тропы далеки,
Но там милы для глаз и горы и равнины.
Мы обойдем с тобой сады и цветники,
И рощи встретят нас напевом соловьиным.

Слаба ли грудь твоя, болит ли голова,
Ты будешь исцелен, придя туда едва,
В долинах и горах, где стройны дерева,
Отменные места охоты соколиной.

Там сахарный тростник, обильная еда,
Там перед братом брат не гнется никогда,
Подобно серебру в ручьях блестит вода,
Прозрачная вода в серебряных кувшинах.

Недужные, и те не ведают забот,
Тягаются в стрельбе джигиты каждый год.
В Ширване крепость есть, под нею тайный ход,
Над ней на башне флаг полощется старинный.

Поет Махтумкули в любые времена.
Не страшно ничего, ему лишь смерть страшна.
А ты кто б ни был: раб, богач, иль дивана,
Иди в тот край, там рай в нагорьях и долинах.

И ТЫ

Адамов сын, сам для себя
Загадка, проживешь и ты.
Небесной славы не любя,
Земную предпочтешь и ты.

Весь мир ты в сети бы загнал,
Чтоб захватить Карунов лал.
В одно смесишь харам-халал,
За правду выдашь ложь и ты.

Забудет господа, греша,
Твоя безумная душа,
Все прихоти ее, спеша,
В жизнь претворять начнешь и ты.

Ты — прах, и жалок твой удел.
Остерегайся грешных дел;
От смерти, как бы ни хотел,
Защиты не найдешь и ты.

Не дорожи тщетой, но все ж
Люби свой труд и правду множь.
Махтумкули, и ты умрешь,
Умрешь и ты, умрешь и ты.

ГДЕ ОКОНЧАНЬЕ, ГДЕ ИСТОК?

Судил йомудам и гокленам бог
Объединиться, чтоб с врагами биться,
Где окончанье рати, где исток,
Но ей в Дешти-Дахане не вместиться.

И ворон бьется с недругом своим,
Хоть будет недруг тот орлом степным.
Восстанет мертвый, чтоб помочь живым,
Чтобы с врагом в последний раз сразиться.

Идут пять тысяч копьеносцев в ряд,
Несут другие тысячи лопат,
Текинцам и салорам нет преград,
И в битве враг не сможет отличиться.

Идут под сенью праведных знамен
Все наши племена со всех сторон,
И крепости падут, и рухнет трон,
И покорится вражия столица.

Смотри, Фраги, ведут пророки в бой
Рать, где герой из воинов любой,
Коней дыханье даль покрыло мглой,
Под небом Хорасана пыль клубится.

НЕСОКРУШИМОЕ

Знай: то, что в главном создал я, то вечно, как луна,
Навеки вольная моя туркменская страна.

Покой забудем, если враг к нам стукнет в ворота,
Туркменов крепость — это, знай, из стали крепость та.

Сам Сулейман, Рустем, Джемшид грозили ей мечом,
Сто тысяч шах слал каждый день бойцов — все
нипочем.

Она пример горам, когда подымет воин щит,
И каждый взмах ее меча ей удальцов родит.

Теке, йомуд, языр, гоклен с ахалом встанут в ряд,
Пойдет в поход — в садах цветы восторженно горят.

Иранцев сбросили с хребтов на дно скалистых ям,
И день и ночь их жалкий стон оттуда слышен нам.

Не страшен враг нам, пусть стоит у самых наших стен,
Нас в плен не взять,— туркмена сын не знает слова
«плен».

Когда бы гости ни пришли, всегда готов им той,
Туркмена речь всегда пряма, нет лжи в ней никакой.

Так говорит Махтумкули — нет на душе пятна,
Бог на него направил взор — цветет его страна!

ГОКЛЕН

Ты мчишься по степям безводным
Проворней, чем кулан, гоклен!
Ты в битву рвешься львом голодным,
Твой гнев — как ураган, гоклен!

С тобою благодать аллаха;
Ты никогда не ведал страха;
Ты всех врагов разил с размаха;
Несокрушим твой стан, гоклен!

Словам внимая вдохновенным,
Отбей врага рывком мгновенным.
И, воротясь, владей Гюргеном:
Тебе он богом дан, гоклен!

В грядущее стремлю я взгляды,
Мне бог внушил слова услады:
Враг приползет, прося пощады,
Дымясь от жарких ран, гоклен!

И дни придут ясней лазури:
Ты пролетишь быстрее бури
И править будешь в Нишапуре
На благо мусульман, гоклен!

Аллах коням пути укажет;
Весь Хорасан руиной ляжет,
Кесе-Аркач «помилуй!» — скажет,
Падет Мазандеран, гоклен!

Тобой любуясь, мусульмане
О румском вспомнят великане, —
И заалеет поле брани
Красней, чем гюлистан, гоклен!

Джигиту битва — солнца краше;
Ты счастье выпьешь полной чашей;
Клинки вонзая в кизылбашей,
Ты потрясешь Иран, гоклен!

Я к богу возношу моленья;
Умножит он твои владенья!
Зовет Фраги: без промедленья
Вперед, на Тегеран, гоклен!

ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

Жизнь, дарованная мне,
Алой розой облетела.
И душа моя в огне,
И в огне томится тело.

Жизнь моя! Какой гоклен
Перенес подобный плен?
Речь моя — зола и тлен
Для родимого предела.

От весенних рощ вдали
Дни мои в слезах прошли.
Больше нет Махтумкули,
Плоть его осиротела.

ТОСКА ПО РОДИНЕ

В черный день одиночества сонные очи,
Увядая, родную страну будут искать.
В тесных клетках своих, опочив с полночи,
Соловьи только розу одну будут искать.

Из-за родины принял я жребий скитаний.
Тяжело мне; мой взор заблудился в тумане.
Зарыдают ладьи о своем океане,
Истлевая на суше, волну будут искать.

Не забудет престол о своем властелине;
Сердце, в пламень одетое, сгинет в кручине;
И в разлуке с луною, в беззвездной пустыне
Одержимые страстью луну будут искать.

Если кровь страстотерпцев прольется ручьями
И душа задохнется под злыми руками,
Беззаботные бабочки, рея роями,
В чашах роз молодую весну будут искать.

Безъязыкие рты, некрасивые лица
Будут молча на песню высокую злиться;
Вздор пустой, неуместная речь, небылица —
Глухоту, немоту, тишину будут искать.

Наяву, в сновиденьях счастливцы, страдальцы,
Неразумные шахи, рабы и скитальцы,
Руки нежные, белые тонкие пальцы —
Жемчуг, золото, клады, казну будут искать.

Стрелы гнет, тетиву обрывает изгнанье.
И Фраги и богач в золотом одеянье
Перемену судьбы, как свое достоянье,
У горчайшей разлуки в плену будут искать.

18-1148

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я слишком рано испытал
Жестокого мира гнев;
Я заклинаю: пощади!
Стенаю, осиротев.

В одеждах пестрых дальний мир
Сиял, светился, играл,
И я склонился перед ним,
Наряд гробовой надев.

Скиталец темный — я всю жизнь
Бродил по нищей земле,
И у меня в ушах звучит
Разлуки немой напев.

Стыдясь, влачу я саван свой
С тех пор, как сердце мое
С ума сошло, в недобрый час
На царский престол воссев.

Зачем я хитрую лису
Хмельным вином напоил?
Зачем я отвязал свинью?
Она разорила хлев.

У волка пасть в крови ягнят,
Убийство — дело его;
Он — ловчий, он пойдет по кровь,
Измучась и одряхлев.

Но как поступит старый волк,
Что делать будет лиса,
Когда в угодья их придет
Властительный ловчий — лев?

Себя джигитовым конем
Считает вьючный осел,—
И сам я оседлал осла,
В скитаниях обеднев.

Бесчестье перед прямотой
Дрожит в юдоли мирской
И принимает образ жен
И розовый облик дев.

Султаном доблестных мужей
Могучий был Чоудор-хан.
Я малодушных посрамил,
О родине восскорбев.

И я любил, но, как Юсуп,
Огня любви не бежал,—
У ног Зулейхи в смертный час
Крыла смежил, догорев.

И, как Юсупу, царский жезл
Не стал судьбою моей,
И жарко дышит мне в лицо
Печали отверстый зев.

В полночном небе — золотых
Чертогов я ей не возвел,
Зато гоклены — мой народ —
Снимают мой щедрый сев.

И посох свой Махтумкули
Сложил в приютном краю,
Народу песней поклонясь
Под сенью родных дерев.

ИЗГНАННИК

Я на родине ханом был,
Для султанов султаном был,
Для несчастных Лукманом был,
Одеянием рдяным был,
Жизнью был, океаном был —
Жалким странником ныне стал.

Для слепого я зреньем был,
Для немого реченьем был,
Дум народных кипеньем был,
Душ влюбленных гореньем был,
Пеньем был, угощеньем был —
Нищим я на чужбине стал.

Я, Фраги, ятаганом был,
Я червонным чеканом был,
Рощ небесных рейханом был,
Над горами туманом был,
Был счастливым, желанным был,
Был дворцом — и пустыней стал.

НАЙТИ СТРЕМИТСЯ

Кто на чужбине, тот найти
Далекий свой народ стремится.
Случайно сбившийся с пути,
К дороге пешеход стремится.

На небесах превратный рок,
Земля — вместилище тревог,
Мир — игрище, любой игрок
Здесь обрести доход стремится.

Один добыл венец златой,
Другой скитается с сумой,
Тот голодает, а иной
Добыть ковры и скот стремится.

Там нет лепешки на обед,
Тут для припасов места нет,
Бедняк в худой халат одет,
К шелкам богатый мот стремится.

На свете все в руках судьбы,
Здесь — мир, а там — одни гробы.
Своим желаньям все рабы,
И всяк набить живот стремится.

Жизнь коротка, века длинны,
И нет поры главней весны.
Гусь с поднебесной вышины
К спокойной глади вод стремится.

Фраги! Былое вспомяни,
Влачи в слезах, в скитаньях дни,
Безумьем сердце опьяни,
Пускай мечта в полет стремится.

КРУГ

Я в час, когда блеснул рассвет,
На Сонги-даг ступил, о люди!
Потоки вод эренам вслед
Я вброд переходил, о люди!

Я слушал клики лебедей,
Играющих среди зыбей;
Подругам юности моей
Я отдавал свой пыл, о люди!

Я рыскал по степи верхом,
Склонялся над степным цветком,
Я неимущих серебром
И золотом дарил, о люди!

Бежал я помыслов дурных,
Служил мне конь удач моих;
Абикевсерских вод хмельных
Я сорок чаш испил, о люди!

Я беден был, ходил в слезах,
А завтра — мерил в небесах
Просторы синие размах
Моих могучих крыл, о люди!

На тетиве родной страны
Я был стрелой в часы войны;
Из рая милой без вины
Я жизнью изгнан был, о люди!

Пускай ценители придут,
Суд надо мной произнесут,—
В огне страстно́м окреп мой дух:
Я двадцать лет любил, о люди!

Поет Фраги: моя спина
В горбатый лук превращена,
Я закатился как луна,
Свой круг я завершил, о люди!

ПРИЗЫВ

Нет больше равновесья на земле,
Какие судьбы смотрят в наши лица!
Клокочет мысль, как кипяток в котле;
Не тронь ее, она должна пролиться!

Из ничего мы в мир пришли вчера;
Тот — сын порока, этот — сын добра.
Пусть волчья начинается игра,
И добрый слух из края в край помчится!

За Сонги-даг — врага! И племена
Покроют славой наши имена.
Туркмены, в битву! Чтобы вся страна
Не плакала над нами, как вдовица!

Мы не напрасно кровь свою прольем:
За наши семьи, за родимый дом.
Друзья, мы все когда-нибудь умрем,—
Настало время смерти не страшиться.

Враг властвует,— а день за днем идет,
В страданиях за родом гибнет род...
И мы — туркмены — терпим этот гнет!
Вставайте, братья, нам нельзя смириться!

Народу ныне говорит Фраги:
Меч доблести, отчизну береги,
Да не коснутся наших роз враги!
Взлетает мести яростная птица!

РАЗЛУЧАСЬ

Львам подобные джигиты превращаются в чекалок,
Со своим народом-солнцем в час унылый разлучась.
Доживя до лет преклонных, человек смешон и жалок:
Страшен впалый рот — с зубами пред могилой
разлучась.

Тяжела душе разлука, одинокая дорога;
Хоть привет бы нам услышать: сердцу нужно так
немного;
Шахи властные рыдают, призывая милость бога,
С дорогими и родными в миг постылый разлучась.

На чужбине не прельщают драгоценнейшие шали;
Человек в толпе враждебной растеряется вначале;
И джигит в тоске безмерной побредет в пустые дали,
С аргамаком быстролетным, полным пыла, разлучась.

Пери нежная джигиту — радость, посланная богом.
Но совсем иное счастье в иноходце быстроногом.
Человек от человека отличается во многом,
Но любой герой рыдает, с пери милой разлучась.

Отличающие злое от благого, о родные,
Мы скитальцами проходим сквозь пустыни мировые;
На перстах, покрытых хною, даже перстни золотые
Некрасивы, с блеском лала иль берилла разлучась.

Нужен мастер и учитель — указать дорогу юным:
Без него их стан согнется грустной ивой, гнутым нуном.
Заблудившийся блуждает по барханам и по дюнам.
И охотник плачет, с птицей легкокрылой разлучась.

Мудр Махтумкули, чье слово озаряет сумрак светом;
Охрани людей от горя данным вовремя советом;
Но, хотя веселья много в быстротечном мире этом,
Плачут нищие и шахи, с жизнью милой разлучась!

НАЙДЯ

Коня, ездок, не загони в степи безводной и сухой.
Но смело, всадник мой, скачи, дорогу торную найдя.
Добро творящий избежит хуленья и молвы глухой,
Живи с людьми и для людей, цель благородную найдя.
Косноязычен, поглядишь, иной прославленный джигит,
Другой искусно говорит, хотя и неказист на вид.
А третий, от друзей отстав, в седле едва-едва сидит.
Сам виноват он — не коня, подобье черное найдя.

Несчастен тот, кто не нашел хорошей, преданной жены.
С ничтожной сплетницей живет, чьи речи злобны
и темны.
Супруги эти день за днем пить горький яд обречены.
Пусть плачет, в спутницы себе бабенку вздорную найдя.

Я сотню трусов в миг один готов отдать за смельчака:
Он защитит родной народ. Надежна храброго рука.
А трусу чудятся враги и в дуновенье ветерка.
Поскачет без оглядки он, судьбу позорную найдя.

Махтумкули простая речь ко всем сердцам дойдет
простым.
Верь только собственным глазам — не слухам праздным
и пустым.
Кто смел, приветит тот гостей, а трус не рад гостям
своим,
Для них не пышный дастархан, а брань зазорную
найдя.

ВИДЕН

Как на лентяя ни взгляни,—
Речист в словах, но сиднем сидень.
В отрепьях мудрый муж — в тени,
Глупец в цветном халате — виден.

Хранит отважный честь свою.
Надежен в конном он строю.
Отваги пламенной в бою
След на его булате виден.

Лихой скакун в краю степном
Забытый ходит с табуном.
Другой под княжеским седлом —
Хоть и плохие стати — виден.

Отважен храбрый, но молчит.
Трусливый языком сучит.
Тупица об уме кричит.
Скупец в своем зекяте виден.

Не спрашивай: «Когда и где?»—
Твори добро всегда, везде.
И если рядом — брат в беде,
Радеющий о брате виден.

Махтумкули, пройдут века,
Но не умрет твоя строка.
Ты будешь в юрте бедняка
И в каменной палате виден.

ЛУЧШЕ

Чем калекой остаться без ног, без рук,
Выдать голову пуле свинцовой —
лучше.
Чем безделье да скука в жилье разлук,
Черный труд землекопа простого —
лучше.

Строим ханскую крепость из черепов,
Глохнем от причитаний сирот и вдов.
Ты джейрана в попутчики взять готов,—
Попугай, разумеющий слово,—
лучше.

Юфть простая прочней, чем цветной сафьян,
Лучше смертный, чем пери или гульман.
Старец, видевший виды, на праздник зван,—
Пригласить удальца молодого —
лучше.

Для далекой дороги — верблюд и цель,
Для сердечной услады — любовь и хмель,
Для спокойствия — лучше всего постель,
Сон под утро для сердца людского —
лучше.

Есть в кормушке солома — осел и рад.
Горы в сизом тумане зимою спят.
Лучший плов жестковат, если рот щербат,—
Но не думай, что жизнь у слепого —
лучше.

Мудрость — мудрому. Храбрым — я говорю:
Хан хивинский глотает Амударью.
Чем довольство и сытость в чужом краю,
В отчем доме похлебка пустая —
лучше.

Ваш Фраги в этом мире не ждет вестей
От трехсот и шестидесяти мужей.
Одинокому худо среди мечей,
Стае дружества многоголовой —
лучше.

НУЖНА

Изворотливость мыслей,— чтоб конь был сыт,
Чтоб ни в чем не знать недостатка,— нужна,
Если брат твой от двух неверных сбежит,
Чтоб его огреть, дубинка нужна.

Малодушному подвиг не по плечу.
Надо в зоркости не уступать сычу.
Грудь, способная быть преградой мечу,
Чтоб держаться в седле не шатко, нужна.

У тигрицы учись совершать прыжок.
У лисицы учись метаться вбок.
Чтоб скакун не ленился, нужен ездок;
Чтоб работало стремя, пятка нужна.

На хорошем коне ускачешь от бед,
А вернешься — отыщешь вражеский след.
Удальцу за спиной вереница лет
Только в два или три десятка нужна.

Если волки в степи напали на скот,
Трус не станет пред ним открывать ворот.
Нам в товарище нужен верный оплот,
Как при скачке с орлом перчатка нужна.

Свой клинок, как кабаний клык, оголи,
Мстя врагам за собрата, Махтумкули!
Чтоб сменились их копья на костыли,
В битве чести медвежья хватка нужна.

РАСТЕТ

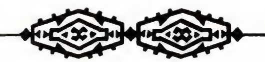
Алхимию познать ты смог,—
И золото в полях растет.
Что в землю ни бросай,— все впрок,
Посев твой не зачах, растет...

В чем благо, мы поймем потом.
Всяк сведущ в ремесле своем.
Тиран весь мир объял огнем,—
Тоска в людских сердцах растет.

Найдет дорогу тот, кто смел.
Ретивый скрасит свой удел.
Сто жалоб не заменят дел —
Удача лишь в делах растет.

Блистая щедростью своей,
Везде найдешь себе друзей.
Пускай бесчинствует злодей,—
Добро — велик аллах!— растет.

Фраги изведал жизнь вполне.
Удача воина — в коне.
Из года в год у нас в стране
Растет насилье, страх растет.

ДОБЫТЬ КОНЯ НАДО

Чтоб храбрым слыть среди людей,
Сперва коня добыть нам надо.
Чтоб с честью принимать гостей,
Всем сердцем их любить нам надо.

Нужна нам стойкость в дни невзгод,
Конь — там, где труден переход,
А гостя множеством щедрот
В застолье одарить нам надо.

От праздной откажись мечты,
В богатстве наши дни пусты,
Достойней жить без суеты,
С премудрыми дружить нам надо.

Но чтоб идти стезей Творца,
Вслед за пророком до конца,
Чтоб дервишей ласкать сердца,
Достаток накопить нам надо.

Махтумкули, о, брат бродяг!
Аллах для всех податель благ,
Кто б ни был гость — богач, бедняк,
Любого ублажить нам надо.

ГЛЯДИТЕ

Какого он рода, нетрудно узнать —
Встречайтесь на людях с ним снова и снова,
Дружите. Но чтобы потом не пенять,
Проверьте, как держит он данное слово.

Когда провожает джигитов родня,
В канун предстоящего ратного дня,
Хребет осмотрите, седлая коня,
И гриву, и холку его, и подковы.

Не смотрит бедняк на чеканку гроша.
Любая чеканка гроша хороша.
Чтоб знать, какова у невесты душа,
Глядите, беря из-под отчего крова.

Богатство джигита — лишь конь да камча.
За друга рубиться готов он сплеча.
Глядите: огромны котлы богача,
А многие ль гости отведали плова?

Идущий со свитой богат, как Хатам.
Просящий подачки идет по пятам.
Но оба, слепым уподобясь кротам,
Глядите: становятся смерти уловом.

Забыт и растоптан обычай отцов.
Глядите: печален удел храбрецов.
В измене и трусости лучших бойцов
Изменник и трус упрекает сурово.

А все же трусливых преследует страх.
Глядите: сражаясь в степи и в горах,
Джигит повергает противника в прах,
А трус покидает в бою удалого.

Торговцы забыли аллаха давно.
Скупив у дайхан за бесценок зерно,
Дождавшись, когда вздорожает оно,
Зерно, продавая, мешают с половой.

Лишает шайтан воздержания нас,
Мешает творить правоверным намаз.
Глядите, открыть не желавшие глаз:
Ветвится росток его семени злого.

И весел и добр настоящий джигит.
Но в сердце открытом не копит обид.
Глядите: соседа от злобы знобит,
Без распрей не может он, пустоголовый.

В пустыню злосчастные братья ушли.
С врагом породнился Махтумкули.
Ходжи и сеиды влачатся в пыли.
Глядите, как рушатся жизни основы.

НЕ ПРИСТАЛО

Ханского сына из пышных шатров
В хлев на обед приглашать не пристало.
В поле пастух выгоняет коров,
Войско ему снаряжать не пристало.

Мудрый совет помогает везде.
Другу достойный поможет в беде.
Что ты ответишь на Страшном суде?
Мудрых о том вопрошать не пристало.

Доблестный перед грозой не дрожит.
Станет героем не каждый джигит.
Пятится рак. Он ползет — не бежит.
Дом свой родной забывать не пристало.

Знай,— благотворно познанья вино —
Мертвым сулить исцеленье смешно.
Ворону жить семь столетий дано.
Времени ход нарушать не пристало.

Не побоишься тернистых дорог —
Двери отворятся в горний чертог.
Рекам, что слились в единый поток,
Мертвых пустынь орошать не пристало.

Сердце Фраги, ты сегодня в огне:
Павшие в битвах привиделись мне.
Горькую тризну в печальной стране
Песней надежд оглашать не пристало.

НЕ СТОИТ

Трусу упреки слышать не стыдно,
И слов перед ним расточать не стоит.
Врагов малодушных иметь обидно:
Трусливый удара меча не стоит.

Ты, чувствуя смысл, не находишь сло́ва?
Ты знаешь слова́, а речь бестолкова?
Ты лук натянул, но прицелься снова!
Подумай: стрелять сгоряча не стоит!

Фраги, твое слово глупец осудит,
Оно лишь для мудрого — мудрым будет.
Ценнее алмаза иные люди,
Иные же — пены ручья не стоят!

ДЖИГИТ

Вырастет — праздным бездельником станет
С детства ленивый и сонный джигит,
Счастья к себе ни за что не приманит
Голодом злым изнуренный джигит.

Мудрый совет не исправит дурного,
Доброму хватит единого слова;
И, спотыкнувшись, оступится снова
Новых чарыков лишенный джигит.

Саблею машет иной горделиво —
Конь так и пляшет под ним черногривый,
Но убежит с поля битвы трусливо
Доблестью не одаренный джигит.

Глупый болтает все, что угодно.
Перья вороны для стрел непригодны.
Разве себя поведет благородно
Ветренностью зараженный джигит?

Кровнику ты не отплачивай кровью,
Хлеб ему дай, пусть поест на здоровье,
Ласкою будет согрет и любовью
Гость твой — нуждой отягченный джигит.

Вдовый горбунью прекрасной считает,
Золото медью бесстрастный считает,
Ангела ведьмой ужасной считает
По пустякам обозленный джигит.

Станет богатство змеей плотоядной,
Кровь она будет сосать беспощадно,
Если зекята не выплатит жадный,
Низкой наживой прельщенный джигит.

Знайте, Фраги только истину пишет,
Люди дурные неправдою дышат —
Праведных слов никогда не услышит
Богом самим обойденный джигит.

КОСЫ И ДУТАР

Нужна джигиту-гордецу
Носительница чар под стать.
Скакун арабский — храбрецу,
Алмазный зюльфикар — под стать.

Джигит, как тур, на брань встает,
Со славой гибнет за народ:
Ему певучих стрел полет
И мстительный удар под стать.

Кто брату в нищую суму
Положит хлеб и соль, тому
Почет в миру, казна в дому —
Судьбы случайный дар — под стать.

Разлука сердцу — смертный тлен.
Каабу видевший — блажен.
Влюбленному — желанный плен,
Свиданий тайный жар под стать.

Рыдать мне больше не вели!
Возлюбленной Махтумкули
Под стать и косы до земли,
И звучный мой дутар — под стать!

ДЖИГИТЫ

Сначала невежду смешит
Ему непонятное слово.
На кряже туман пролежит
До первого ветра морского.

Гляди, не покаясь умрешь,
Душа пропадет ни за грош —
Блудишь ли, хмельное ли пьешь
Бежишь ли из края родного.

Таятся предатель и тать,
А мудрый не может молчать;
Заплачет верблюдица-мать,
Ища сосунка дорогого.

Под солнцем растопится лед.
Покоя джигит не найдет,
Пока не разделит забот
С подругой своей лукобровой.

Сынам седоусый боец
Покажет почетный рубец.
Неопытный ищет храбрец
Водительства мужа прямого.

Немолчная песня обид
О чести и мести гремит;
На бой подымаясь, джигит
Не слышит стороннего зова.

Уйдешь, не оставив следа,
Джигит неразумный, когда
В свои золотые года
Ты смеха не знал молодого.

Господни гласят письмена:
Живому любовь суждена.
Глазам ослепленным — луна
Предстанет еще без покрова.

С вопросами юность пришла,—
А жизнь и тревожна, и зла...
И снова гора да скала
Седого зовут зверолова.

Ты взыскан высокой судьбой;
До гроба ты будешь собой,
Фраги, песнопевец седой,
О розе тоскующий снова!

КОГДА ТЫ БЕЗРОДЕН И ГОНИМ

Не может счастьем похвалиться
Тот, кто безроден и гоним,
В руках работа не спорится,
Когда не ею одержим.

Сын у тебя не народится —
Твой род достойным не продлится.
Душа мечтой не озарится —
Зря пропадать трудам твоим.

Дано не всякой ловчей птице
Домой с добычей возвратиться.
Зачем на пиршествах томиться
Тем, кто угрюм и нелюдим?

Когда долина истощится —
В соседней можно поселиться.
Кто в честный спор вступить боится,
Тому родиться бы немым.

Так что ж Махтумкули не спится,
Когда есть хлеб, чтобы кормиться,
Есть сабля, чтобы защититься,
И друг, что верен и любим?

ЦЕННЕЕ

Для слов разумных будь всегда открыт.
Беседа с мудрецами веселит.
Ударом ловким не хвались, джигит,—
Ведь пощадить врага подчас ценнее.

С неверным рядом избегай сидеть:
В навоз попав, зловонным будешь впредь.
Случится, что алмаз оправят в медь,
Не станет оттого алмаз ценнее.

Обидой на добро не отвечай.
Прекрасному все мысли посвящай.
Не оскорбляй людей и невзначай.
Беги от вора!.. Пес для нас ценнее.

О, если б не являлись мы на свет
Иль, появясь, узнали: смерти нет!
Презрев добро, себе наносишь вред.
Ведь в людях доброта всего ценнее.

Махтумкули! В нужде, в беде большой
Не отступай от Истины душой.
Искусством возмещаем мы покой,
Но капля счастья во сто раз ценнее!

ДОБРО И ЗЛО

Народу — сила, мир, беседа,
Семейных очагов тепло;
Джигиту — битва и победа,
Булат и крепкое седло.

Ложь предоставь на все готовой
Мирской молве. Не надо слова
Ни раздраженного, ни злого:
Народ мой ненавидит зло.

Уходит жизни гость мгновенный,
Но не скудеет хмель блаженный:
Пирует жизнь. Творца вселенной
Непостижимо ремесло.

Не нам гадать о нашей доле;
Я только вскрикнул поневоле,—
Мне жаль тебя, морщины боли
Тебе врезаются в чело.

Мы сами выковали чаши
Добра и зла. В них судьбы наши.
Скажи, Фраги, какая краше,
Пока нам время не пришло!

ЧОУДОР-ХАН

1. ОЖИДАНИЕ ЧОУДОР-ХАНА

Выходят гоклен и йомуд на дорогу
И смотрят: не скачет ли в стан Чоудор-хан?
С молитвой припав к милосердному богу,
Муллы дочитали Коран, Чоудор-хан!

На поиски горлицы вдаль полетели,
Рванулись и выпили реку форели;
Невесты халаты скроили — хотели
Окутать шелками твой стан, Чоудор-хан!

В туманы оделся гранит крутоглавый,
На небе Мюррих показался кровавый;
Не в силах взлететь, через мертвые травы
Влачится, трубя, ураган, Чоудор-хан!

Пришли конепасы, пришли коневоды,
Глубинные рыбы покинули воды.
Томясь на земле, застонали народы,—
Тревогой весь мир обуян, Чоудор-хан!

Скитальцы забыли далекие страны,
Купцы возвратили свои караваны;
Встречают рыданьями сумрак багряный
И дэвы и люди всех стран, Чоудор-хан!

Высокое имя гремит по вселенной,
Кто был в Хиндостане — вернулся мгновенно.
Гадающим ныне по книге священной
Не может помочь и Лукман, Чоудор-хан!

Стрела у туркмена застыла на луке,
На мир возложил ты могучие руки
И скрылся. Склонясь, обреченный на муки,
Исходит слезами Туран, Чоудор-хан!

Взывает Фраги: где мой брат? Где земная
Опора моя? Где мой сокол?— Седая
Мутится моя голова, поникая.
Клубится кромешный туман, Чоудор-хан!

2. ПОХОРОНЫ ЧОУДОР-ХАНА

Щит родины, око мое — Чоудор-хан
Почиет среди похоронных рыданий.
Друзья! Кто утешит воинственный стан
Гокленов, рыдающих о Чоудор-хане?

Пока он родимые земли берег,
Враги не топтали окрестных дорог.
За старой горой Чоудор-хан изнемог,
И змеи клубятся у ног, мусульмане!

Морозом хазан задышал на лету,
Осыпалась лучшая роза в цвету,
И горы в немую глядят высоту,
И слезы роняют глаза их в тумане.

Где лук исфаганский? В небесном краю —
В небесном краю, светозарном раю.
Я в плоти остывшей, скорбя, узнаю
Дворец разоренный людских упований.

Что плачешь, Фраги, при могучих мужах?
Но слезы дрожат и у них на глазах.
Серебряный прах заклубился в горах,
И меркнут светила в ночном океане...

СМЕРТЬ ОВЕЗА

О братья, горе нам! Сия краса дружин,
Мощь исполинская, сокрушена — сказали.
Мир тленный рушится. Среди немых руин
Зашла затменная моя луна — сказали.

Безумствует скорбей горячий океан,
Рыдает мой Сеид, горюет мой Тархан...
Обильный урожай развеял ураган,
У жизни из-под рук ушла казна — сказали.

Овез покинул нас. Веселья больше нет,
Ни песен праздничных, ни дружеских бесед...
Туркменская земля подъемлет бремя бед,
В одежды черные облачена — сказали.

Арабский прянул конь. Вооружась мечом,
Гостелюбивый муж покинул добрый дом.
Богатый золотом, обильный серебром...
Орда могучая распылена — сказали.

Обиды юности пройдут как легкий дым...
Но сына потерять, но слезы лить над ним
Насколько тяжелей и дряхлым и седым!
Тот караван ушел. Там тишина — сказали.

В слова, Махтумкули, вдохни свой жгучий пыл!
Глава земель и вод, водитель ратных сил,
Муж государственный в сраженье опочил,
И плоть его земле возвращена — сказали.

ФЕТТАХ

Иран и Туран под твоею рукой,—
Ликуй, попирая святыни, феттах!
Но помни: ты кровь проливаешь рекой,
Туркмены томятся в пустыне, феттах!

Сегодня — ты шах, завтра — нищий с сумой,
Лишенный отчизны и веры самой.
Однажды зеницы подернутся тьмой,
Умрешь, обуянный гордыней, феттах!

За слово мое в кандалы закуешь,
Задушишь меня и в колодец швырнешь;
Я правду скажу возлюбившему ложь:
Убийца, ты чужд благостыни, феттах!

Слезами туркменский народ изошел,
Окрасился кровью мой горестный дол.
Подымутся головы — где твой престол?
Не будет его и в помине, феттах!

Народ мой воспрянет, исполненный сил,
А ты на крови свой престол утвердил,
Ты хлеб наш насущный с отравой смесил
И сгинешь в тюрьме на чужбине, феттах!

Привел ты в страну мою казнь и грабеж,
Ты бьешь по глазам, совершая правеж,
По сорок бичей ты невинным даешь;
Мы тонем в кровавой пучине, феттах!

Под властью твоей как в темнице живем
В разлуке с глазами, руками, умом,
В разлуке с певучим своим языком,
И гибнем у смерти в притине, феттах!

Обуглилось небо от нашей тоски,
В удавках людские хрустят позвонки,
Не знают пощады твои мясники,
Но мы — не рабы, не рабыни, феттах!

О муках Фраги повествует, скорбя;
Когда ты пресытишься, души губя?
Я жив, но распятым считаю себя
За песню, пропетую ныне, феттах!

ЖЕЛАНИЕ

Как плоть возврата бытия,
Изведав смертный сон, желает,
Окровавленная моя
Душа иных времен желает.

Меджнун, от родины вдали,
В глухих горах чужой земли,
Своей смеющейся Лейли,
Слезами опьянен, желает.

Ища Ширин, из града в град
Бредет измученный Фархад;
Ее живительных наград,
Уже испепелен, желает.

Вамык, попавший наконец
К своей Азра в ее дворец,
Свободы ищет, как беглец,
Расторгнуть злой полон желает.

Пригож Юсуп, как божество.
В свое не веря торжество,
Зулейха смотрит на него,
Сдержать любовный стон желает.

Фраги недугом истомлен:
Объединителя племен
Прихода благостного он,
В Туркмению влюблен, желает.

ПЛАЧЕТ

Пусть человек здоров, удачлив, молод,
Придет беда — прольет потоки слез.
Калечат душу засуха и голод,
И знахарь бы тут пользы не принес.

Лишит тебя Хозяин пропитанья,
Прервет твой путь, и кончено скитанье,
Лишит дыханья и, подкравшись тайно,
Столкнет тебя нежданно под откос.

Распустят косы женщины, рыдая.
Друзья заплачут, друга поминая.
Проводят к юрте, что стоит у края,
Чтоб впредь менять кочевья не пришлось.

«Такого-то не стало»,— люди скажут,
«Ушел в тот мир, где нету судей»,— скажут,
«Бог милосерд к нему да будет!»— скажут
И разойдутся, ослабев от слез.

Фраги, кого оставил рок в покое?
Чье сердце не истерзано тоскою?
И камню горе не снести людское,
При расставанье плачет и утес.

ГОРЫ В ТУМАНЕ

Вершины гор в тумане млечном,
Они нам не видны зимой.
Не следует о муже встречном
Судить по внешности одной.

Тот прочь ушел, другой садится.
Над недостойным люд глумится.
Огонь любовный разгорится —
Таится тот, кричит иной.

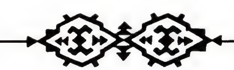
А предо мною на просторе
Моих надежд играло море!..
Джигит и в нищете и в горе
Идет дорогою прямой.

Но если рок вам сердце точит,
Над вами зря Лукман хлопочет.
Луна вернуть напрасно хочет
Товар, закупленный землей.

Стесняет буйного одежда.
Пленен пороками невежда.
Трусливого живит надежда
За крепкой спрятаться стеной.

Стою с поникшей головою:
Что сделал мой язык со мною?
Но только трус не рвется к бою,
Чтоб лечь костьми за край родной!

И кто Махтумкули осудит
За то, что он не позабудет,
Что правде слово дал и будет
До гроба верен клятве той!

БЕЗВРЕМЕНЬЕ

Мир, одержимый суетой,
Грешит безумными делами.
В Каруны метит род людской,
Все ныне стали крикунами.

В пороках тонет бай-скупец.
Где солнце праведных сердец?
В чертогах родины купец
Торгует жалкими рабами.

Иссякли воды наших гор,
Не рвется ветер на простор...
Когда-то веселивший взор
Гурген пересечен врагами.

О царство непроглядной мглы!
Пустеют нищие котлы;
Народ измучили муллы
И пи́ры с их учениками.

Смертельно родина больна,
Разрушена и сожжена.
Джигиты в наши времена
В темницах стали стариками.

Грабеж да бедность... И, греша,
Ожесточается душа.
И ветер, яростью дыша,
Огнем проходит над степями.

Истощены, угнетены
Отчизны лучшие сыны.
Лихие стали скакуны
Простыми вьючными ослами.

Достойный муж как трус дрожит;
Красавица забыла стыд;
Шах, как змея, народ язвит,
Хан вьется вороном над нами.

Где честь? Где верность и любовь?
Из горла мира хлещет кровь.
Молчи, глупцу не прекословь,
Страна кишит клеветниками.

Язык мой против лжи восстал —
Я тотчас палку испытал.
Невежда суфий пиром стал,
Осел толкует об исламе.

Злак не растет в тени тюрьмы.
Померкли светлые умы.
Глупцы, надевшие чалмы,
Вдруг обернулись мудрецами.

Ворует вор, богач — берет,
И наг и нищ простой народ;
С живого шкуру бай дерет,
И сладу нет с ростовщиками.

И горы, словно корабли,
По морю слезному пошли,
И кровь из глаз Махтумкули
Бежит хазарскими волнами.

У ЧАШИ

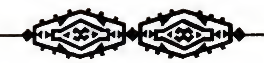
Открыл я, зевнув, уста,
Нащупал кувшин початый.
Упившись после поста,
Дервиш почивал над чашей.

Позвал виночерпий нас
К трапезе в добрый час.
Плов нам радовал глаз,
Голод проснулся сразу.

Был нежным и жирным плов.
Но стал я лицом суров,
Увидев, как сын шатров
Свершает обряд намаза.

Не радует тех досуг,
И друг им уже не друг,
Кто примет чашу из рук
Красавицы черноглазой.

Мир — караван-сарай,
Войдешь — потеряешь рай.
Махтумкули, призывай
Хизира вместе с Ильясом!

У МНОГИХ ЖИЗНЬ

У многих жизнь от бедности такая,
Что вздорный сон ее стократ ценней.
Живут иные, черствый хлеб глодая,
Вовек еды не видя повкусней.

Кто хочет знать — для тех найду я слово;
Гора червонцев — вот цена иного.
Зима, что сыплет влажный снег сурово,
Ценней весны без листьев, без дождей.

Есть головы под шапкою простою,
Чей светит ум и мысль летит стрелою;
Иные похваляются чалмою,
Но голова — самой чалмы глупей.

Как ни тверди глупцу слова Корана,
Как ни рисуй пророка и шайтана,
Как ни трудись — упорно, неустанно,—
Все лишь скользнет, пройдет мимо ушей.

Кто над отцом посмеет посмеяться,
Пред богом тот не сможет оправдаться.
Не следует за все задачи браться:
Возможное соразмерять умей.

Иные в нищете по свету бродят,
Иные жизнь среди забав проводят,
Иные в детстве в лучший мир уходят,
А те — живут, своих не стоя дней.

Махтумкули! Тебе — творить моленья:
Омой души разбитой прегрешенья!..
Ценней алмазов у иных творенья,
Иной — еды не заслужил своей!

С ПЕЧАЛЬЮ

Будет встречен и принят по-княжески тот
В кущах рая, как в день изначальный,
Кто, не понятый людом базарным, идет
По дорогам дервишей с печалью.

Если душу и сердце терзает недуг,
Ты найдешь от него исцеленье не вдруг.
И, бывая на людях, ты встретишься, друг,
Их веселья не слыша, с печалью.

Что у Истины мало приверженцев — ложь.
Всюду скрыты они — поищи и найдешь.
Счастье ты и надежных друзей обретешь,
Заглянув к ним под крыши с печалью.

Знал я буйного неуча и гордеца,
Знал друзей, для друзей открывавших сердца.
Птица счастья покинула дом мудреца,
Улетает все выше с печалью.

Вот сосед и приятель. Он из году в год,
Чтоб тебе угодить, по-приятельски лжет.
Опасайся! Как сводня, тебя он сведет,
Хоть в речах он и пышен, с печалью.

Как всегда, облака будут солнце скрывать,
О дожде будет голос Ильяса взывать.
Будут люди, толпою сойдясь, толковать:
— Что с Фраги? Он не дышит,— с печалью.

ЧТО ТОЛКУ

Что толку, если сокол попадет
К тому, кто в ловчем деле смыслит мало?
Что толку, если вдруг пастух найдет
Алмаз, который пустит на кресало?

Что слово тем, кто словом не живет,
Что страсть тому, чье сердце, словно лед?
Тот никогда Меджнуна не поймет,
Кого любовь к Лейли не озаряла.

Богач не ценит истинных щедрот,
Кто не устал, тот отдыха не ждет,
Простому хлебу знает цену тот,
В чьем доме часто хлеба не бывало.

Тот, кто не испытал болезней гнет,
Здоровья своего не бережет,
О счастье всякий смертный узнает,
Когда оно бесследно миновало.

Ужели, чтоб понять нам наперед,
Как дорога земля, что нас влечет,
Необходимо, чтоб в водоворот
Лодчонка наша утлая попала?

Коль ног стирать не приходилось нам,
Не знаем мы цены своим коням,
Не ценит пруд с травой по берегам
Та птица, что в песках не изнывала.

Не ценит тот своей родной земли,
Кого гоненья власти обошли,
Кто не страдал от родины вдали,
Кого разлука с нею не сжигала.

Доспеху скакуна осел не рад:
Доспех наряден, но тяжеловат.
Тем доброта пристала, кто богат,
Кто беден, тем терпение пристало.

Речет Махтумкули друзьям своим:
Судьбу давайте возблагодарим
За то, что дышим, ходим, говорим,
За все, что жизнь так щедро даровала.

СВЯТЫЕ СТАРЦЫ[1]

К самым достойным старцам смерть постучится в дверь,
Солнце для них погаснет и не взойдет луна.
Лисы, собак не видя, думают, что теперь
Лев их добычей легкой станет во время сна.

Ворон хвалиться вздумал — «сокола обгоню!»
Сотню ворон я с ловчей птицею не сравню.
Ящерица проклятья знойному шепчет дню,
Солнце бы проглотила, словно дракон, она.

Мчится джейран усталый ста барсуков быстрей,
Волки, напав на львенка, не соберут костей,
Ящерицам опасен даже и мертвый змей —
Чтобы понять все это, мысль мудреца нужна!

Пляшущую блудницу старцы благодарят,
Семьдесят лет прожили — каяться не хотят.
И распродать Каабу вероотступник рад,
Были бы деньги только — сходной была б цена!

Нам не постигнуть рока: темен его язык.
В страхе держать народы — это мечта владык,
Дервишу, что тропою правды идти привык,
Люди житья не дали; в чем же его вина?

---

[1] По преданию, стихотворение посвящено главе суфиев Ниязкули Халпа (Халипа), отказавшему Махтумкули в приеме на том основании, что он — светский поэт, а следовательно, ученик дьявола.

Нет, не найти покоя: горечь и боль вокруг.
Прежде я верил другу, оклеветал и друг,
Сердцу давно постыла эта обитель мук...
Если бы знать, где счастья солнечная страна!

Годы прожив впустую, понял Махтумкули:
Злобные судьбы гонят доблестных прочь с земли.
Где для меня Кааба? Воля моя, внемли:
К цели своей приду я — пусть же звенит струна!

ДАЙ

К тебе, аллах, взываю я:
Позволь мне в мире след оставить!
Глубоко доля спит моя,—
Ей крылья повели расправить!

Я нищ, и бед моих не счесть;
Пошли же мне благую весть;
Хлеб мой насущный дай мне есть,
Дай мне огня — сердца расплавить!

Мир лжив, обманчив белый свет;
Мы счастья жаждем — счастья нет;
Дай мне хоть восемьдесят лет
Довольством душу позабавить!

Любовью я, Фраги, палим
К народу, я страдаю с ним;
О, дай сородичам моим
Державу прочную поставить!

ДУША МОЯ

Ты при жизни омертвела, но проснись, душа моя!
Мир — ничто, к порогу бога возвратись, душа моя!
Будь отважной, из паденья вознесись, душа моя!
Вкруг тебя струи печали обвились, душа моя,
Но раскройся, чистым словом освежись, душа моя!
Мир и тело — тленны, в саван облекись, душа моя!

Слух склони к ученью мудрых, наставление прими;
Встань! Об Истине радея, к небу руки подыми,
Вьюк отшельничества тяжкий смело на плечи возьми;
Трудно это, но скитайся с этой ношей меж людьми;
Преклонись пред совершенным, корни ложного сломи
И, покаявшись, пред пиром в прах склонись, душа моя!

Как Меджнун, могу любить я... Что Меджнун! —
сильней стократ!
У меня бы научился страсти огненной Фархад!
Но, когда сгорю и к богу устремлю молящий взгляд,
Он, благой и правосудный, пощадит меня навряд,
И тогда навек погибну, поникая в рдяный ад...
Будь же смелой, из паденья вознесись, душа моя!

По утрам молись, чтоб ангел отвечал тебе: «Аминь!»
Не растрать минуты жизни, в праздной неге не застынь;
Не трудись искать колодцы в недрах жизненных
пустынь;
Лучше дервишем скитайся, плащ покорности накинь,
А не то погибнешь даром в горе, горьком, как полынь, —
И от лжи в словах и мыслях отрекись, душа моя!

Я — Фраги, я чашу скорби дважды пил, но в третий раз
Нету сил: светильник сердца, прежде пламенный, погас.
В сердце — смута: дьявол мучит каждый день и
каждый час;
О, придите, помогите,— умоляю, люди, вас,
Помолитесь, чтоб на помощь Хизр пришел, Иса,
Ильяс!—
Но мертва, но не восходит в божью высь душа моя!

О БРАТЬЯ, КАКИЕ ПРИШЛИ ВРЕМЕНА!

О братья, какие пришли времена!
Никчемные люди— в чести, знамениты...
Земля злодеяний и бедствий полна.
Во мраке лежит она, скорбью повита.

Но «больше давай!» повторяет мулла.
И нету неправедным судьям числа.
А если на битву страна позвала,—
Нет сабли и пики в руках у джигита.

Богач-лихоимец всечасно готов
Последнее взять у сирот и у вдов.
Он проклят народом во веки веков,
И конь его бродит — понурый, несытый.

У беков других в подчинении — бек.
Поносит хорошего злой человек.
Сосед на соседа свершает набег.
«Коль ты послабей — погибай, пропади ты!»

Завалится спать на закате аскет...
«Я — свят!»— он кричит, поднимаясь в обед.
Утрачена вера, обычаев нет.
Запутались числа, обряды забыты...

Надменные баи без бога живут,
Гостей принимать почитают за труд.
Все прахом пойдет у них,— только умрут,
И будут без почестей в землю зарыты.

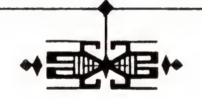
Посевы мираб не снабжает водой.
Крестьяне копаются в глине сухой.
Повсюду — разор, запустенье, застой.
Арыки забиты, дороги разбиты.

Богач пожалеет несчастному грош.
Распущенной стала у нас молодежь.
У девушек скромности ты не найдешь.
К замужним любовники ходят открыто.

Фраги, ты свое превзошел ремесло,
Но ты не узнал, где добро и где зло.
Состарился ты, твое время прошло...
Сидишь, опершись о могильные плиты.

КНИГА МИРА

ПРИРОДА

1. СЕМЬ ЦВЕТОВ МИРА

Постигая бытия
Многоцветный океан,
Славит радость плоть моя,
Дух мой песней обуян.

От печали пропадешь,
Если правде предпочтешь
Обольстительную ложь,
Соблазнительный обман.

Зеленеющим лугам,
Розовеющим садам —
Путь добра — взгляни, Адам!—
Всей земной природе дан.

Алчность молвит: «Мне бы жить,
Плотской прелести служить,
Сытно есть и не тужить
Да носить высокий сан».

Сердце молвит: «Я — базар.
Ты продашь небесный дар
За лукавство женских чар.
Я — греха живой капкан».

А перо в руке моей:
«Раскрывай тетрадь скорей!»
«Гур-ру!»— сизых голубей
Говорит гурлящий стан.

Соловей свистит: «Я тот,
Кто весну полей поет;
Кто над розой слезы льет,
А дворец мой — гюлистан!»

Плачет нетопырь: «Аллах,
Ты вложил мне в сердце страх;
Я сгорю в дневных лучах,
Спрячь меня в ночной туман!»

Дрозд щебечет: «Илляллах!»
Стриж: «Создателю хвала!»
Говорить: «Кулхувалла»,—
Аист учит мусульман.

Турухтан свистит: «Ты чей?»
А удод: «Я сват царей,
Я — посол в юдоли сей,
Мой владыка — Сулейман».

Стрепет ходит по степям
Да глядит по сторонам,
Говорит: «Не здесь ли нам
Светлый рай обетован?»

А журавль: «Я улечу,
Я из Ганга пить хочу;
Под Багдадом разыщу
Расцветающий тюльпан».

Стонет сыч: «Я счет веду,
Числю горе и беду,
Средь руин я пропаду,
От своих рыданий пьян».

Говорит эсхак: «В плену
Солнце правды помяну.
Раб тоскующий, кляну
Знойный Шам и Шебистан».

Молвит горлица: «Живем —
Гнезда вьем, но все уйдем.
В три прута я строю дом:
Что мне гром и ураган?»

Молвит ястреб: «Жизнь мою
Я провел в лихом бою.
Яд воспоминаний пью,
Брошенный в тюрьму буян».

Куропатка: «Я молюсь».
Утка: «Я в мольбах клонюсь».
Долетает белый гусь
До пределов горных стран.

Голубок охрип от слез,
Горд павлин, да безголос.
На семьсот ладов кикнос
Воспевает Хиндостан.

Мудрый попугай постиг
Человеческий язык,
Жить среди людей привык,
С ним беседует султан.

«Предан Истине святой,
Населил я край степной.
Где, друзья, детеныш мой?» —
Плачет, жалуясь, джейран.

Воет волк: «В глухом краю
Утолю я злость мою,
Нападу на след — убью!
Я — разбойник и смутьян!»

Семь земель — один чертог.
Каждой твари внемлет бог,
Злак поет у божьих ног,
Речь свою ведет бурьян.

«Все исчислится судьей:
Каждый шаг неверный твой,
Каждый помысел дурной!» —
Учит смертного Коран.

Горделивым, как Юсуп,
Терпеливым, как Эйюп,
Будь, когда ты, как Якуб,
Оставляешь свой Кенган.

Жаждет дух: «Напиться дай!»
Страждет разум: «Где твой рай?»
Да увижу горний край,
Благодатью осиян!

Конь арабский говорит:
«Подо мной земля дрожит,
Любит истинный джигит
Звучный звон моих стремян!»

Кляча ржет: «Моя судьба —
На спине носить раба;
Я — рабыня, я слаба,
Я — в крови несчетных ран».

Говорит осел: «Мой род
От булыжника идет.
Маюсь я в кругу забот,
Воду пью и ем саман».

А корова: «Почему
Столько мух в моем дому?
Я была главой всему,
А теперь — слепень мой хан».

На себя, Махтумкули,
Погляди! Друзей моли,
Чтобы слово не сочли
Ложным, если в нем изъян!

2. САД

Для красавицы-души
Правда — благодатный сад.
При царе-глупце — в тиши
Трусы нежатся да спят.

Где ты, конь моих удач?
Конь удач уходит вскачь;
И Ширин вздыхает: «Плачь,
Плачь, Ширин, горит Фархад!»

Небо надо мной — огонь,
За спиною — свист погонь:
Сердца моего не тронь,
Сердце мне ножи язвят.

Говорит огню кебаб:
«Бьет меня язык. Я слаб.
Я — зубов несчастный раб.
Я ни в чем не виноват».

Молвит камень: «Я бедняк»,
Молвит кряж: «Я нищ и наг,
У меня в ущельях мрак,
Тучи на глазах лежат».

Иноходец ржет: «В бою
Положись на стать мою.
Я на месте не стою;
Храбрецу — я друг и брат».

Рыба говорит: «Мой дом
В океане голубом.
Что мне берег твой? Кругом
Волны весело кипят».

Молвит роза: «В мой чертог
Соловей влететь не мог.
Мой последний лепесток
Обрывает снегопад».

Соловей: «Моя страна —
Розовая купина;
Дай настроить мне, весна,
Песню на высокий лад!»

Барс: «Я спутником луны
Стал в притине тишины.
Две луны во тьме видны —
То глаза мои горят».

Говорит глоток вина:
«Чаша выпита до дна».
Амбра: «Я — распылена,
Я — душа цветочных гряд».

Золото: «Я — не твое!»
Сон: «Я тень и забытье!»
Слово: «Я — твое питье.
Есть во мне и мед и яд».

Подлый молвит: «Пощади!»
Храбрый: «Слава впереди!»
Сердце мечется в груди,
В пламя бабочки летят.

И любовь мне говорит:
«Ты — железо, я — магнит».
И Махтумкули горит,
И уста его молчат.

ПЕВЕЦ

Слушай, рок, слепец бездомный,—
Как свирель, мой стих поет;
Что ж глушит его твой темный,
Твой губительный полет?

Одного желанья мало,
Чтобы дело делом стало.
В сердце мне любовь запала,
Тяжек сердцу давний гнет.

Силе времени покорный,
Серебрится волос черный,
И охотника озерный
Серый гусь давно не ждет.

Предстает мне мир базаром
С жалким нищенским товаром;
Царский кречет мой недаром
Сонных век не разомкнет.

Я скитался по юдоли,
Я искал счастливой доли;
Как боец на ратном поле,
Стрелы слов я слал в народ.

Нужен лев мирской пустыне,
Трон — властительной гордыне.
Вековечные твердыни
Подвиг мой переживет.

Сердца пламень сокровенный
Разольется по вселенной;
Мой дворец — мой труд нетленный —
Что кременный кряж встает.

У светил — сиянье мира,
У меня страданье мира,
В небесах — желанье мира —
Пленная Менгли живет.

В старом сердце — упованье,
Вера в дальнее свиданье;
В ослепительном сверканье
Рай на землю снизойдет.

Мне судьба судила горе,
Я тону в любви, как в море.
Пусть пред милой в звездном хоре
Голос мой не пропадет.

Боже, где моя награда
За мученья горше яда?
Без подруги мне не надо
Мира этого щедрот.

Времена идут лихие,
Души мучатся людские,
И красавицы другие
Водят вешний хоровод.

Соловью — цветок любимый,
Мне, Фраги,— народ родимый.
Стих мой скромный, стих гонимый
Правнук мой произнесет.

КОГДА ИМЕНЬЯ НЕТ

Время такое — в тени прозябает бедняк,
Худо, когда никакого именья нет.
Слово ценой в сто туманов возьмут за медяк,
Если доверья к тебе и почтенья нет.

Дух наш, как птица, ему его клетка тесна,
Слово — узор, в чьих извивах души глубина,
Ад с кипятком и огнем веселей, чем страна,
Если торгов ни в одном поселенье нет.

Отпрыски беков скотину пасти норовят.
Разве живому змеиный понравится яд?
Все превратится в Содом, все жилища сгорят,
Если разумного в крае правленья нет.

Больше тупиц, чем разумных, на свете всегда,
Ум — это радость души, тупоумье — беда.
Эти джигиты — скотов говорящих стада.
Что им втолкуешь, коль в них разуменья нет?

Худо на свете джигиту с пустым кошельком,
Слово его пониманья не встретит ни в ком.
Друг злонамеренный станет однажды врагом,
Сгинет такой — у людей сожаленья нет.

Доброй подругой не всех одаряет аллах,
Речь одинокого — вздохи, стенанья в словах.
Век проживет он, как мертвый бесчувственный прах,
Если с любимой душой единенья нет.

Должно довериться Истине, Махтумкули!
Встреченных трусов о помощи ты не моли.
Друг, не отринь моих слов, пребывая вдали,
Праздны слова, если к ним снисхожденья нет.

ЖЕСТОКИЕ СУДЬИ

Индусу, лишенному друга-слона,
Все в мире, как морок пустой,— все равно.
Безумцу Каруну — была бы казна,—
Откуда пришел золотой — все равно.

Что воину делать без правой руки?
Что делать хромому без крепкой клюки?
Отваге, всадившей в добычу клыки,
Низина иль холм под пятой — все равно.

Творенью господнему смерть суждена.
Не знают ни ангелы, ни сатана,
Кому приговор составляет она:
Для смерти — что вор, что святой — все равно.

В разлуке с любимой душа задрожит,
На око сухое слеза набежит.
Прямому бойцу — Искандер иль Джемшид,
Рустем или лучник простой — все равно.

Удача ушла, и стоишь одинок,
И нет для тебя ни путей, ни дорог.
Печалится сердце, но добрый клинок
Омоется кровью-рудой — все равно.

Ты жалобу судьям жестоким принес:
Фраги, что услышал ты, кроме угроз?
Ты жив ли, убит ли ты горечью слез,
Любовью, тоской, нищетой — все равно!

НЕ ПАДУТ ЛИ ГОРЫ?

Мне рок уйти не позволяет ныне —
Судьба закрыла мне просторы.— Ах!
Бродить бы мне Меджнуном по пустыне,
Обитель бы найти в вас, горы.— Ах!

Невинных лет забавы отмелькали,
И совершенства прояснились дали,
Но страшный мир влил в сердце яд печали,—
Грудь сожжена, в душе укоры.— Ах!

Не воротить мне детские стремленья,
Не воплотить благие вдохновенья:
Увяз я в глине мира, нет спасенья,
И в прошлое мечу я взоры.— Ах!

О, как душа кипела молодая!
За все хватался, все любил тогда я.
Теперь, без сил, стареющий, рыдая,
С самим собой я впал в раздоры.— Ах!

В словах Фраги — тоска земного плена,
Кто их поймет, прольет слезу мгновенно.
Все в мире изменяется, все тленно.
И — боже!— не падут ли горы?— Ах!

НЕДУГ

Молодого здоровья держава,
Молодых наслаждений жемчу́г,
И казна, и удача, и слава
Расточатся, уйдут из-под рук.

Человеческий дух от рожденья
Роковые томят заблужденья;
Расширяются плоти владенья —
Край посулов, условий, порук.

Лучше было б для сына Адама
Средь базарного крика и гама
Не касаться дешевого хлама,
Если вправду он истине друг.

Мы измыслили сто оправданий
Для преступных страстей и желаний;
Божьи слуги — и те, как в дурмане,
От соблазнов, кишащих вокруг.

Обуянная алчной гордыней,
Ты, душа, в безысходной кручине
В день возмездия бросишь в пустыне
Бесполезный ослабленный лук.

Не служу я ни словом, ни делом
Прямодушным, достойным и смелым,
Не томлюсь я по райским пределам
Накануне последних разлук.

Я — Фраги, я немногого стою,
Захлебнулся я горькой тоскою,
Оттого что юдолью мирскою
Завладела любовь, как недуг.

Я ГОВОРЮ

Я говорю: все шахи и султаны
Развеялись, как дым от гашиша,
У баев опустели дастарханы:
Им для гостей жаль медного гроша.

Доносчик ходит с гордой головою,
Стал ростовщик почтенным старшиною,
Хан упоен грабительской войною,
Господен голос в сердце заглуша.

Кто клевету клеймит клеймом порока?
Рабы богатства — вы игрушки рока...
Припоминая заповедь пророка,
Страшится ль бога хоть одна душа?

Скупцам отрадно в солнце славы греться,
Разврат сумел роскошно разодеться;
Ни одного нет в мире тайноведца,—
И расползлась душевная парша.

Все люди стали до чужого падки;
Ученые в своих ученьях шатки;
Сановники берут открыто взятки;
Визири грабят, алчностью дыша.

Муфти Коран читают для показа,
Тая обман в прищуре хитром глаза;
В людей проникла алчность, как зараза,
Господен голос в сердце заглуша.

У девушки найти стыдливость трудно;
Сама земля растит растенья скудно;
Ишаны спят глубоко, беспробудно,
И дервиши кривляются, греша.

Фраги зовет все взвесить и измерить!
Где все друзья?.. Не надо лицемерить:
Лишь богу душу можешь ты доверить,
Друзья же все в тот мир ушли, спеша!

РОК

Душа — царица тела. Слово —
Его свободные крыла.
И все ж средь бытия земного
У каждого — свои дела.

Но мир — в движенье неустанном.
В песках кочуют караваны:
Над жизнью и раба и хана —
Судьбы загадочная мгла.

Кто смерть осилил, непокорный?
Я вижу правду в сказке вздорной,
Что белою змеей и черной
Трон Сулеймана обвила.

Что дэвов для него взнуздала,
Смарагдов горы накидала,
Венцом алмазы увенчала,—
И все распалось, как зола!

Дни мчатся и века седые,
Дворцы ветшают золотые,
Друзья уходят и родные,
И ночь лишь сном о них светла.

Три части мира скрыло море,
А по четвертой бродит горе...
Вселенная погибнет вскоре,
Ее погубит бремя зла.

Как быть Фраги? Он так боится:
В колчане рока смерть таится;
А мир — презренная блудница,
Что к человеку прилегла!

ЧТО В МИРЕ ВИДНО...

Широким взором мир окинь:
Он вечно юн и нов — увидишь,
Джемшидов, Искандеров труд,
Создания веков — увидишь.

Пустых песков зыбучий прах,
Ревущих львов в густых лесах,
И мрак кромешный в пропастях,
И горний блеск снегов увидишь.

Земли и неба волшебство,
Все, что живет, все, что мертво,
Все создано из ничего —
Весь этот мир таков — увидишь.

Свет — искушенный лицедей —
Со сцены уходи быстрей!
Не будет впредь ни богачей,
Ни горьких бедняков — увидишь...

Хребет горы извечно крут —
Его туманы не сотрут,
Его метели не сметут,
Его сквозь мглу веков увидишь.

Красавица покинет свет,
Остынет розы жаркий цвет,
Но зелен сад, но жив рассвет,
Но птиц в тени кустов — увидишь.

Внемли речам Махтумкули:
Все смертно, всем нам тлеть в пыли.
Но нету смерти у Земли,
Не рухнет тверди кров — увидишь!

ЧУДО

Как много смелых душ, придя, ушло из жизни:
Кто воплотил мечты, кто счастьем был согрет?
Играет нами рок, не внемля укоризне:
Был утром весел ты и грустен стал в обед.

Нам смерть шьет саваны, не упуская мига;
Мы все ее рабы, ее не свергнуть ига;
Уносит время нас, ветшает жизни книга:
Что нынче видишь ты, то завтра — бледный след.

Мир — жалкий балаган, чертог насмешки некий,
Послушай речь мою, тоску о человеке:
Когда приходит смерть, твои смежая веки,—
Неважно, видел ты или не видел свет.

Где крепость гордая, где цитадель Хамуна?
Где власть всемирная и слава Феридуна?
Пусть горы золота взяла казна Каруна,—
В его глазницах — прах, не светлый блеск монет!

И все ж Махтумкули взирает в изумленье!
Вот чудо: под водой — благих огней свеченье!
От добрых благодать берет свое теченье,
А подлый — все равно: рождался он иль нет!

НЕ СТАНЕТ

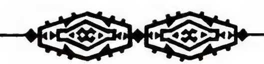
Ты в сердце отыщешь сияющий клад,
Но рок ополчится, и клада не станет.
Благие дела пусть живые творят:
В могиле и этой отрады не станет.

Все злое — во вред нам, все доброе — впрок.
Бери у разумных и добрых урок.
Запомните, смертные, краток ваш срок,
А небо давать вам пощады не станет!

Беспечен джигит в молодые года,
Шутя он ворочает горы тогда.
Но молодость прочь убежит — без следа,
И время чинить ей преграды не станет.

Джигит! Свое честное имя блюди!
Седлай скакуна! На красавиц гляди!
С друзьями веселые дни проводи!
Разрушится храм, и прохлады не станет!

Смотрите,— душа у Фраги смятена!
Он чашу кипучую выпил до дна.
А время придет — и не станет вина,
Ни добрых друзей, ни услады не станет!

ПОКЛОНЕНИЕ

Пламя слова, напев случайный,
Кровь живая — перед тобой.
Я погибну, жгучие тайны
Открывая перед тобой.

Рай земной — бесплодное древо,
Но и в день господнего гнева
Лик твой светлый прославлю, дева,
Догорая перед тобой.

В бесконечной смене явлений
Гибнет лучший цвет поколений,
И становится на колени
Житель рая — перед тобой.

Грозен мир, беспутный и дикий;
Стих мой тонет в шуме и крике...
Как слуга, Сулейман великий
Пал, рыдая, перед тобой.

Царь свое покидает царство,
Рвется раб из цепей коварства,
Ждет Лукман твоего лекарства,
Умирая перед тобой.

Горы — кладбище отчей славы —
Покрывает туман кровавый...
Я забыл их, чашу отравы
Избирая перед тобой.

Бренный мир обманул Рустема,
Сердце гордого Зала — немо.
Встали мертвые, сон Эдема
Прерывая перед тобой.

Мир бежит покоя и мира,
Пал Мары — повелитель мира.
Речь Фраги умолкает сиро —
Огневая — перед тобой.

НЕ ОСТАНЕТСЯ

О, рока несчастные дети!
Не плачьте: князей не останется,
Больших городов и мечетей,
Что снега белей, не останется.

Душа не останется в теле
И слов, что горели и рдели,
И тысячепесенной трели,
Что вил соловей, не останется.

Я вижу и чувствую это:
Разрушатся стороны света,
Земля будет мраком одета,
Ни гор, ни морей не останется.

Раздастся господне веленье,—
И где отыскать избавленье?
По небу пройдет сотрясенье,
И звездных огней не останется.

Земля все разделы забудет,
Ни тюрка, ни курда не будет,
И холод созвездья застудит,
И птиц меж ветвей не останется.

Мир выйдет из круговорота,
Не станет пространства и счета;
Слона, комара, бегемота
И хищных зверей не останется.

Фраги! Ты сквозь долгие годы
Пронес вдохновенье свободы,
И силы бурлили, как воды,
Но даже зыбей — не останется.

ДОСТИГНЕШЬ

Пришедший уйдет, откочует кибитка степная.
С высот перевала прояснятся мира черты.
Об имени добром заботься заранее, зная,
Что скоро дороги земные покинешь и ты.

Ты сеял — оставь приходящему часть урожая.
Тот жалок, кто прожил, лишь чрево свое ублажая.
Живи, как велит тебе совесть, с годами мужая,
От смерти, как волк от погони, не прячься в кусты.

Прозревшего поздно, тебя одолеют недуги.
Вселенную спутать арканом — смешные потуги.
Пойми, когда станешь богаче Каруна в округе,
У тех, кто уходит, пред вечностью руки пусты.

Зачтется служившему Истине каждое слово.
Пустыню осиливший — вновь под отеческим кровом.
Окажется правым себя осуждавший сурово.
Обжора — недужен, здоров — соблюдавший посты.

Вот алый гранат, серебро и парча — для соблазна.
Блажен осудивший их ложную ценность заглазно.
На торжищах жизни торговцы шумят безобразно,
Их речи красивы, но руки купцов не чисты.

Фраги, в караване верблюды шагают устало,
Жестка и колюча подстилка в кибитке бывалой;
В далеком кочевье и ты подошел к перевалу,
Как в этой дороге петлял ты, видней с высоты.

НЕ ЗНАЯ ЗАВИСТИ...

Кто свой дворец возводит на песке,
Тот жалким нищим от руин уходит.
Плоть растерзав и дух предав тоске,
Превратный рок, наш властелин, уходит.

О, сколько душ, изведавших печаль,
И сколько душ, которым жизни жаль,
И сколько душ, прозрачных, как хрусталь,
И помутневших от кручин,— уходит.

Один богач построил минарет,
Свалился вниз — погиб во цвете лет.
У бедняка в хозяйстве клячи нет,
На скакуне удачи сын уходит.

Бесчестие приведший на порог,
Снует по дому отравитель-рок.
Смотрите: человеку невдомек,
Что жизнь от нас как миг один уходит.

Мы покидаем торжища земли;
И хан ушел, и нищие ушли.
Не зная зависти, Махтумкули,
Шлифуя слово, как рубин,— уходит.

ЭЙ, НЕ ГОРДИСЬ!

Эй, не гордись имуществом богатым:
Придя из тьмы — покинешь этот край.
Земная жизнь насыщена развратом,
И многие в грязи нашли свой рай.

Превратностей полна судьба земная:
Сердца томятся, в бедах изнывая;
Ушли герои, мир наш проклиная;
Для низких грязь — медовый каравай.

О юноша, в котором чисто зренье!
Приди, мое послушай поученье:
У дервишей проси благословенья:
Ведь дервиши живут разумно, знай!

Утеха ада — бай с душой скупою;
Кто дервишей язвит насмешкой злою,
Тот проклят; дервиш с полной схож луною.
А что луне — земной собачий лай?

Нет в мире лживом мягких изголовий;
Услышит умный правду в этом слове.
Учи, Фраги, несчастных тех, кто внове
Пришли в наш старый караван-сарай!

СТАНЕТ ПЕСКОМ

Древним горам степной грозит суховей,
Влагу ворует, душит поток песком.
Сад, где распевал неистов соловей,
Вихрь обгложет, и станет цветок песком.

Долго не держит пришельца ложный мир.
Чаша скупа, и краток жизненный пир.
Жребий один — у скромников и задир;
Станут бек и раб, плут и пророк — песком.

Старость в жилы свой тихо вливает яд.
Стены нашей души терпят гнет осад.
Юности вслед глядишь — как вернуть назад?
Мышцы, кости и кровь — станут в срок песком.

Пусть обжора все жертвует животу,—
Брезгай им, руки не подавай плуту.
Мало ль горных троп, поднятых в высоту,
Стерло сорной травой, зной облек песком?

Кто, Махтумкули, неуязвим у нас?
Чей истлевший прах мы оживим у нас?
Смерть наполнит рты ветром сухим у нас:
Все — песок, всех — засыплет песок песком.

МГНОВЕНЬЕ

Эй, друзья! Мы, пришедшие в мир, уйдем;
Злые, добрые, племя и род — уйдут,
Речь покинет уста — свой уютный дом,
Зубы выпадут, песня и мед — уйдут.

Мы весной веселились в родных степях,
Жили мы на земле в золотых дворцах;
Дни пройдут, города превратятся в прах,
Зной и стужа, неделя и год — уйдут.

Мир подлунный подобен слезе одной.
Где мой брат? Он вчера еще был со мной.
На хазане построен чертог земной.
Дни джигита с поклажей забот уйдут.

Не моли о пощаде на склоне лет,
У Лукмана от смерти лекарства нет;
Пред царем и пред нищим померкнет свет,
Око черное, розовый рот — уйдут.

Ты — загадка, ты — сгусток тумана, мир!
Ты сковал и убил Сулеймана, мир!
Отнял нежную жизнь у рейхана, мир!
Соловей и цветок, и смоковницы плод — уйдут.

Смерть, оставь эту плоть у моей души,
Убивать меня, пленника, не спеши.
Торопись, мой Фраги, свой дестан пиши:
Вдохновенье и мощь в свой черед уйдут.

УЙДЕТ

Жизнь в мире подобна кочевью,
Что тянется из года в год.
Из чаши серебряной с черныю
Испивший отравы уйдет.

Жена затоскует и дети.
Враги, словно в дни лихолетий,
Растащат казну по монете.
Виновный ли, правый — уйдет.

Наемник, покинувший друга,
Продавший свой меч и кольчугу,
Врагу оказавший услугу
На ниве кровавой, уйдет.

Заступник за друга и брата,
Намаз соблюдающий свято,
И в добрых делах тороватый,
Увенчанный славой,— уйдет.

Хозяин цветущего сада,
Дворца за высокой оградой,
Коней и несметного стада,
Покинув державу, уйдет.

Недугом расслабленный в доме,
И камни дробящий в ладони,
Сутулящий спину тихоня
И буйного нрава — уйдет.

Несчастных возьмет и счастливых
Конь смерти со спутанной гривой.
Хвалящийся доброю нивой
И злою потравой — уйдет.

Фраги, что в раздумии горьком,
Обходит дворы и задворки,
Слова разбросав, как на торге,
Налево-направо, уйдет.

ПОМЕРКНЕТ ВЗОР

Зачем ты, мир, ничтожному мирволишь?
Он, сыт и счастлив, с гордым лбом, уйдет.
Где ум твой, мир? Ты доброго бездолишь:
Он нищ, и наг, и бедняком уйдет.

Знай, человек, что в море наслаждений
Твоя душа созреет для мучений.
Глупца земные привлекают тени,
Мудрец с мечтой о мире том уйдет.

Ах, чья душа тобою, мир, согрета.
Пришедших ты встречаешь без привета;
Герой иль трус — тебе не важно это:
Уходит лев, шакал за львом уйдет.

Кому богатства иль восторгов надо,
Тот на земле узнает муки ада;
Ведь мир — змея, и от мирского яда
Померкнет взор, и все кругом уйдет.

Мир — женщина распутная: целуя,
Пьет кровь она, взамен недуг даруя.
Раба и шаха — всех в земле найду я:
И тот, и тот спать вечным сном уйдет.

Лжет мир, и рад он нанести обиду;
Он с теми добр, кто мерзок даже с виду;
Но богачу скупому не завидуй:
Он строит дом, но в смертный дом уйдет.

От сильного терпи, Фраги, насилья;
Не делай зла, добру подрезав крылья.
Слов, злых и добрых, у тебя обилье.
Мудрец — научит. Лишь потом уйдет!

УЙДЕШЬ

Глотая кровь, переживая горе,
Богатством опьяняясь, ты — уйдешь!
Иссохнет рот, и будет мгла во взоре:
Ты все познал; отчаясь, ты уйдешь.

С женой, с детьми тьма горя и забот нам,
А телу — тлеть, под дерном лежа плотным;
Какой же прок в блаженстве мимолетном,
Когда, бесплодно каясь, ты уйдешь?

Потомство — тлен, коль твой удел плачевен;
Смерть унесла пророков и царевен;
Жизнь — волосок, и век твой — пятидневен;
Скажи: чем утешаясь, ты уйдешь?

Мир умолять — просить богатств у скряги;
Блужданьем не насытятся бродяги;
Служа лишь богу, в помыслах о благе,
Молитвой утешаясь, ты уйдешь.

Куда, Фраги, идешь, пути не зная?
Повсюду смерть подстерегает злая;
Дом скорби кинул твой отец, рыдая;
Ужели, улыбаясь, ты уйдешь?

23-1148

МИР

Твой грех тебе в лицо рукою кину властной:
Ты никогда ни с кем не мог быть в мире, мир!
Зачем ты в рубище одел наш век несчастный,
А прежним позволял блистать в порфире, мир?

Кто век земной, скажи, в почете должном прожил?
Ты стольких воинов достойных уничтожил!
Юсупа рабскими ты путами стреножил,
Дауда истребил, творца псалтыри, мир.

Убил Рустема ты, кто был красой Ирана.
Убил смирявшего чудовищ Сулеймана.
Хоть одного щадил султана ты иль хана?
Нашел ли друга хоть в одном эмире, мир?

Джигита долг — стоять скалой в пылу сраженья.
Пред лезвием копья не выказать волненья;
Баба-Омар бежал, ища себе спасенья,—
Но ты его загнал в степные шири, мир!

Душа Махтумкули спокойней вод бассейна:
Я богу Истины молюсь благоговейно;
Хоть мукам ты обрек Хасана и Хусейна,
А все ж они теперь парят в эфире, мир!

МИР-ИГРОК

Многих мир в игру вовлек:
Нечет выпадет иль чет —
Мир, безжалостный игрок,
Схватит ставку — и уйдет.

Где кочевья мусульман?
На престоле Сулейман
Долетел до звездных стран:
Стал землею в свой черед.

О, мой щит и Кыблагах,
Многомилостивый шах!
Ибрагим вернулся в прах,
И любой из нас умрет.

Заклеймив свою же грудь,
Завещая: не забудь! —
Кто смеясь, в последний путь,
Кто рыдая, побредет.

Розу гибель унесла.
Вьется по ветру зола.
Юную сожгли дотла,
А поблекшая живет.

Всем на свете суждена
Могильная пелена.
Что тогда твоя казна,
Суетной Адамов род?

Полно, вздора не мели,
Неразумный сын земли!
А из глаз Махтумкули
Кровь горячая течет...

ДЫМ

Ткань долговечности тонка.
Что на людей надето — дым.
Их кровь, текущая с клинка,—
Скользящий без запрета дым.

Не увлекайся суетой;
Весь этот мир — ночлег пустой.
Трудней сказать: «Кочевник, стой!» —
Чем сохранить для света дым.

Над мертвецом заржет скакун,
Коня взнуздает тот, кто юн.
Но умер нищий и Карун,
Весна — огонь, а лето — дым.

Сгорит нарушивший обет.
Спасенья миру тоже нет.
Мы смерть вкушаем, как шербет,
Но в запахе шербета — дым.

Кто обойти свой хочет срок,
За гробом будет одинок.
Для тех, кем не был чтим пророк,
Слова его завета — дым.

Продажен мир, Махтумкули,—
Притон, куда всех шлюх смели;
Для девки ложе застели
И убедись, что это — дым!

РУКА МИРА

Душа и сердце болью изошли,
В тоске забились под рукою мира.
Я застонал,— семь поясов земли
В тоске забились под рукою мира.

На злобный мир я в страхе поглядел;
Дана разлука любящим в удел;
Мужи, не завершив бессмертных дел,
В тоске забились под рукою мира.

Коварный мир, ты суетный блудник!
Не угадаешь — кто твой временщик?
Шах — нищим стал. Ребенок и старик
В тоске забились под рукою мира.

Безумец, золото копивший,— где?
Для милой родину забывший — где?
Мой гюлистан, весной оживший,— где?
В тоске забились под рукою мира.

От песни этой в трауре народ.
Молчишь, Фраги? Язык твой был как мед.
Твой взор, твой лик, твой стан в плену невзгод
В тоске забились под рукою мира...

ИЗМЕНИЛО МНЕ СЧАСТЬЕ...

Изменило мне счастье, мучительный мир!
Скинуть с плеч невозможно твой тягостный гнет.
Нет лекарств для меня; я печален и сир.
За тобою по следу мой разум бредет.

В белый саван оденется тело мое —
Ты на чашу весов положил бытие.
Я, безумец, из рук твоих принял питье.
Что ты делаешь? — В кровь превращается мед.

Каждый помысел мой тлеет в пламени зла;
Я взлететь не могу — ты подрезал крыла;
Золотая казна моя в землю ушла...
Бренный мир, я твоих не желаю щедрот!

На базаре твоем заблудилась душа;
Плоть моя истомилась, любовью дыша.
Плыл я по морю, к пристани дальней спеша,
Но кипучей волной захлестнуло мой плот.

Дивный муж посетил меня в горе моем;
Следом юноша некий пришел, а кругом
Черный ветер свирепствовал в мире ночном,
И над юртой незримый дрожал небосвод.

Кто мой гость? Кто пятнадцать стремянных его?
Он в огне, но его не горит естество;
Слово мужа — пророчество и волшебство,
И без лука он стрелы пернатые шлет.

Кто — крылатый — означил земные пути,
По которым Исе предстояло пройти?
Ни слону, ни коню переправ не найти,
Если гнев его ливнем на землю падет.

Восемь дней горевал, десять дней тосковал
И безмолвные слезы в тоске проливал,
И спустился я в дол, перейдя перевал,
Словно гнал меня дэвов озлобленных род.

Здесь четыре стихии связует вражда;
Проповедуют правду земля и вода;
Пред огнем не согреется дева, когда
Зимней стужей кончина в лицо ей дохнет.

Повествует Фраги о чудесных делах.
Божьи слезы — жемчужины падают в прах.
Обо мне вседержитель скорбит в небесах:
Душу отдал бы я, да никто не берет.

ЖИЗНЬ

Смотрите: прельщаясь мирской суетой,
Спеша, вереница людская проходит.
Сын праха, гадая по книге святой,
Блаженство за грош уступая, проходит.

На правого мир ополчается вдруг,
Впивается в сердце его, как недуг;
Иса, не касаясь протянутых рук,
Целительный лик отвращая, проходит.

Кто — с чистой душою отходит ко сну,
Кто — в грязь упадет, кто — взлетит в вышину,
Кто — все промотав, кто — родную страну
Ограбив от края до края,— проходит.

Иные становятся жертвою ссор:
Кто — братом своим возведен на костер;
Кто — бедствуя дома, кто — чуждый простор
В скитаньях своих озирая,— проходит.

Кто — с царским венцом на высоком челе,
Кто — с грозным мечом и в походном седле,
Кто — лютой чумою летя по земле,
Родимый народ попирая,— проходит.

У тех — розовеют гранаты в саду,
Те — стонут, а эти молчат и в бреду,
Пылают в огне, коченеют во льду;
Сквозь сердце заноза стальная проходит.

Себя не познав, умирает иной;
Иной — избалованный долей земной;
Один — предвкушая огонь смоляной,
Другой — наслаждения рая,— проходит.

Кто — женской красою свой взор ослепив,
Кто — волей смиряя свой страстный порыв,
Кто — помыслы к правде святой устремив,
Кто — Истиной пренебрегая,— проходит.

Кто — с темными ямами мертвых очей,
Кто — не досказав сокровенных речей,
Кто — лик открывая чернее ночей,
Кто — светлый свой лик закрывая,— проходит.

Скиталец, терзавшийся из году в год,
Скупец, не рассыпав любовных щедрот,
Бедняк, не изведав, как сладостен мед,
Безумец, отраву глотая,— проходит.

Кто пал, кто взлетел, кто дурен, кто хорош,—
В чьей правде потомкам откроется ложь,
Чьих внуков и правнуков не перечтешь,
Чье лоно, что глина сухая,— проходит.

Кто — счастье бросая в пустыне мирской,
Кто — цели коснувшись горячей рукой,
Кто — с ложа взывая с предсмертной тоской,
Кто — суетный мир обегая,— проходит.

Кто — слабую душу продав за деньгу́,
Кто — сгинув как тать на чужом берегу,—
А верный — не выдав отчизны врагу,
Во славу ее погибая,— проходит.

И знает Фраги: возвращается в прах
Жестокий властитель и странник в песках.
Слеза на ресницах иль смех на устах,—
Но жизнь — и одна и другая — проходит.

ОКАЗЫВАЕТСЯ

Друзья! Наш мир в конце концов —
Разрушенный чертог, оказывается.
Нас, как неопытных птенцов,
Поймал судьбы силок, оказывается.

Не поддавайся на обман,
Не дай себя завлечь в капкан:
Ты мимолетной страстью пьян,—
Блуднице ты не мил, оказывается.

Рок не щадит души твоей,
Пути он пресекает ей;
Коль не взрастил ты сыновей,
Твой славный род поблек, оказывается.

Будь счастлив, ведь тебе дана
Души и сердца глубина;
Но бойся: злобная жена
Вонзает в дух клинок, оказывается.

Грудь милой точно райский плод,
В ее объятьях сладкий мед;
Иным слепцам жена-урод
Приятней, чем цветок, оказывается.

Вороне лучше всех услад
Возня и гомон воронят;
Без них вороне сущий ад:
И счастья в них исток, оказывается.

Как разъяренный лев, джигит
Врагов в сраженье победит,
А трус укрыться норовит,
От страха изнемог, оказывается.

Фраги же — якорь веры дан;
Изведав в жизни сотни ран,
Я не боюсь загробных стран:
Там много есть дорог, оказывается!

МИР В ЗАТВОРЕ

Внемли мне, Адам, я поистине стар!
Я видел гранаты у мира в затворе,
И душепродавцев грошовый товар,
И шумный базар, потонувший в раздоре.

На осень рассчитан предел мировой,
И чаша разлуки всегда пред тобой:
То Красное море, то Нил голубой,
То желтый Джейхун, то Хазарское море.

Когда твое жаркое солнце в крови
И гибнут надежды в краю нелюбви,—
На помощь напрасно врачей не зови:
Есть город разлуки, а в городе — горе.

Туран, Чин-Мачин превратятся в золу,
Твой дом и твой сын превратятся в золу,
И роза и крин превратятся в золу —
Губительный пламень у рока во взоре.

Мне встретилась пери в мои времена,
И вечно горит, не сгорая, она.
Где райский источник? Дорога трудна
От наших низин до господних нагорий.

Ты помнишь ли прежнюю силу мою?
Стареют любовники роз и в раю.
Созрел виноград в заповедном краю,
Да змеи под каждою гроздью в дозоре.

Мне очи томит нищета бытия,
И ливнем шумит суета бытия;
От мира не спрячешься: тайна твоя
Откроется — даром что дверь на запоре.

Нет места замерзшему подле огня,
И сытые не разумеют меня.
Но верю в народ мой. Седлает коня
Воитель прославленный в ратном уборе.

От бренного мира нельзя убежать —
Он вечный твой кровник, предатель и тать.
Он будет недужное тело терзать,
И бросит, и душу оставит в позоре.

Свидетель жестоких и суетных дел,
Фраги ослабел и как лунь поседел.
Покоя искал он, свободы хотел —
И гибнет с владыкой-обманщиком в ссоре.

ТАКОВ МИР

Мир, нас окружающий,— опытный лжец.
Детей своих слабых он ложью вскормил.
У добрых джигитов, у гордых сердец
Добро расточил он — таков этот мир.

Не знающий хитростей мира досель
И алчности стрелы пускающий в цель,
Считающий жесткой лебяжью постель,
Уляжешься в землю — таков этот мир.

Узнаешь ты меру насилья и зла
И яд вместо плова возьмешь со стола.
За добрые и за дурные дела
Ответить придется — таков этот мир.

Будь щедрым, за бедность людей не брани,
Открой им овечьих загонов плетни.
Богатство стяжавшего ночи и дни,
Где слава Каруна?— таков этот мир.

Страницы Корана, Махтумкули,
Тебе благодать и покой принесли.
Другой безутешным уходит с земли.
В роду он последний — таков этот мир.

УНИЖЕНИЕ

Сын Адама, непрошеный гость на земле,
Подлым роком тебе суждено унижение.
Речь твоя вдохновенная тонет во зле;
Замолчи, для чего тебе это мучение?

Здесь кочевья твои не оставят следа,
Отгорят очаги, расточатся стада...
Что рабыням тиранов земных до стыда,
Если суками сделало их наслаждение?

Станут нищими шахи, лекарств не найдут.
Не любезен изгнаннику чуждый приют.
Что за чувства покоя душе не дают,
Захлебнувшейся пламенем в ожесточении?

Дети праха земного довольны собой.
Правдолюбцы и лгущие наперебой
С гор, дивуясь, глядят на простор голубой
И теряют в безводных пустынях терпение.

Ты не знаешь, когда тебе смерть суждена —
В пору глупого бденья иль праздного сна.
По земле ты скитался во все времена
И остался в неведенье и заблуждении.

«Мне бы денег мешок!» — говорит нищета.
«Мне бы — свет!» — слепота. «Мне бы в путь!» — хромота;
Пресмыкается низость и льстит суета:
«Самого Искандера мой шах совершеннее!»

Этот — в шапке богатой, тот — беден и гол,
Злобе — шахский венец, кривде — шахский престол,

Ветру жгучему — степь, зною лютому — дол,
Бедняку — недоед, богачу — пресыщение.

Обвиняют, клеймят и пытают иных;
Нищих гонят на стужу — тепло не для них;
За невестой в Гурген приезжает жених;
Умирающий молится об исцелении.

Кто-то хвалится тем, что к любимой идет;
У кого-то истерзан молчанием рот.
Ты горел на огне повседневных забот,
Ростовщичеством кончилось это горение.

Божье имя назвать невдомек одному;
У другого подруга — что месяц в дому.
А моя начинает с утра кутерьму,
И до тьмы пребывает мой дух в раздражении.

Кто-то мир называет обителью слез
И горюет, что рок его близких унес;
Чей-то лик по весне был румянее роз,
А потом проступило уродство и тление.

Кто-то прожил до старости в темном углу,
Кто-то лжет, кто-то молча потворствует злу;
Этот жив, тот уходит в загробную мглу,
Та блудница свое восхваляет падение.

Кто-то желчь ядовитую выдаст за мед;
Кто-то кривду посеет и след заметет;
Кто-то в гроб свои тайны с собою возьмет,
А мои — разболтало мое вдохновение.

Одному закатившейся младости жаль,
На другого и юность навеет печаль,
И на поясе подлого яркая шаль
Проклинает вседневно свое поношение.

Что за сны предо мной чередою прошли!
Голос твой не звучит мне из чуждой земли.
Жизнь влачит в унижении Махтумкули,—
У ничтожества жалкого он в услужении.

ОБРАЩЕНИЕ К РОКУ

О рок, награди нас своей благодатью,
Лицом повернись к нам, будь чуть подобрей.
Безвременно в землю легли наши братья,
Невинные, ставшие жертвой твоей.

Ты — волк, мы — овечки, да это не внове!
Клыки твои красными стали от крови.
Ощерясь, ты снова стоишь наготове.
Опомнись, помилуй несчастных людей!

Ты давишь без петли, сечешь без кинжала.
Забыть твоего мы не в силах оскала...
Ужель твои козни начнутся сначала,
Ужель утоленья нет жажде твоей?

В пощаду не веря, и дети, и внуки,
Мы все простираем в мольбе наши руки.
Зачем, обреченный на смертные муки,
Страдает твой раб до скончания дней?!

О Махтумкули, каждый день на рассвете
Шли небу слова справедливые эти.
Ведь идолы даже все слышат на свете.
Достигнешь ты бога молитвой своей!

В СВОЙ ЧЕРЕД

Ну кто, друзья мои, постиг
То, что судьбе на ум взбредет.
Ведь всякий час и всякий миг
Удар предательский нас ждет.

Предстанет смерть, разверзнет пасть,
Умрет в тоске, кто пожил всласть.
Земля питает к плоти страсть,
Тиски сжимает в свой черед.

Тех, кто доверчив, ждет просчет:
Сто тысяч раз им рок солжет.
Он их скота не сбережет.
Достаток — сон, а сон пройдет.

Зерном, насыпанным в силок,
Завлек доверчивого рок.
Не верь тому, что под шумок
Тебе предскажет звездочет.

Фраги, все тоньше жизни нить.
Недолго смертному ходить.
Проси судьбу повременить —
Она к тебе не снизойдет.

НЕ СПИ!

Ты, названный божьим рабом,
С аллахом считайся, не спи.
Мир этот исчезнет потом,
Скорей просыпайся, не спи!

Пусть жизни бездонна река,
Ты здесь не пребудешь века,
И юность твоя коротка.
Трудись же, старайся, не спи!

Нетленной вселенной народ,
Тебя не дождавшись, уйдет.
Готовься! От мелких забот
Скорей избавляйся, не спи!

Коль нужен тебе мой совет:
Пленен суетою сует,
За все понесешь ты ответ.
Будь смел, не скрывайся, не спи!

Пусть мира конец этот сон,
Крик детства и старости стон
Мгновенны в движенье времен,
Но ты не сдавайся, не спи!

Пусть ищешь почета себе,
Мирской отдаваясь борьбе,
К чужой равнодушен судьбе,
Греху не предайся, не спи!

Не меряй все блага грошом,
Что толку в богатстве большом,
Корыстным не стань торгашом.
Добром занимайся, не спи!

ДАЙ ИСЦЕЛЕНЬЕ МНЕ

Средь этих выжженных песков ты сжалься надо мной.
Создатель сущего, Субхан, дай исцеленье мне.
Моей измученной душе, истерзанной, больной,
О врачеватель смертных ран, дай исцеленье мне!

Останови на мне, хоть раз, свой пламенный зрачок.
Бесплодно жизнь моя прошла средь суетных тревог.
Услышь мольбы мои, Ильяс, ты, Зикрия-пророк.
Коус премудрый и Умран — дай исцеленье мне.

Я сердцем и душой ослаб, как старец Ибрагим.
Моя Кааба далеко, и я не пилигрим.
Шепчу я пересохшим ртом, простерт и недвижим;
Гозли прозревший и Сельман — дай исцеленье мне.

Я корень сохнущий в песке, нет у меня ствола.
Господня воля у меня наследника взяла.
Властитель духов, дивов царь и ты, чья власть светла,
Провидец мудрый Сулейман — дай исцеленье мне!

Хотел о помощи взывать — теснится вопль в груди.
И вместо слез из глаз моих кровь брызнула, гляди.
К чему мне жить, где цель моя, что будет впереди?
Ответствуй, добрый Пеливан — дай исцеленье мне.

Обетованная страна мне чудится везде.
Там тигры кротости полны, там места нет вражде.
Искал тот край Махтумкули, но где он, люди, где?
О лекарь ласковый Лукман — дай исцеленье мне!

ТЫ ВИДИШЬ ПОМЫСЛЫ МОИ, АЛЛАХ!

Ты видишь помыслы мои, аллах!
Благочестивей их и чище нет.
Но почему едой пресыщен шах
И ни зерна у братьи нищей нет?

Один богатства копит круглый год,
Другой иссох от горя и невзгод.
Ударит молния и дом сожжет,
У бедняка и пепелища нет!

Джигит в парчу и золото одет,
Он щедростью своей пленил весь свет.
Но для него же в восемьдесят лет
Другого места, чем кладбище, нет.

Один в лохмотьях, а другой богат.
Те платят дань, а те благотворят.
У нищего всегда унылый взгляд:
Приюта у него и пищи нет.

Махтумкули! За все благодари!
Молитву всемогущему твори!
Судьбе послушны все — рабы, цари...
Не скрыться им в свои жилища, нет!

ДРУГ

Мир нищ, как степи без полыни, друг.
В моей душе один отныне друг.

Друзьям былым уже не верен друг.
От слов твоих душа в теснине, друг.

Согнув свой лук, мне сердце ранишь, друг.
Но жалоб нету и в помине, друг.

Разлет бровей твоих прекрасен, друг,
Прекрасней нет их строгих линий, друг.

Не забывай о милосердье, друг.
Сломай копье своей гордыни, друг.

Лишив надежды быть с тобою, друг,
Бросаешь друга ты в лавине, друг.

Махтумкули — богат любовью, друг.
Отринь его — и он в пустыне, друг.

МНИТ

Мнит скворчонок себя соловьем,
Воробей себя соколом мнит.
И себя в заблужденье своем
Холм горою высокою мнит.

Данник лени и раб анаши,
Подкупая льстецов за гроши,
Никогда не имевший души,
«Я с душою глубокою» — мнит.

Всем известно, что уксус не мед,
Но за мед он себя выдает.
Садом стать, что годами цветет,
Хворостина убогая мнит.

Ничего не могу я понять:
Хилый дивом готовится стать.
А на скачках осел обогнать
Скакуна крутобокого мнит.

Удивляйся, Махтумкули:
Этих к мудрости тропы вели,
А глупец себя солью земли,
И без поисков Истины, мнит.

КОЛЬ ТЫ

Коль ты всех судишь слишком строго,
Всем нудно от твоих бесед:
Приятней верный пес намного,
Чем изолгавшийся сосед.

Закон судьбы — игра, измена;
Твое богатство — в море пена,
И отвернется постепенно
От разоренного весь свет.

Собака золота не ценит;
Глупца ученье не изменит;
Тебе беда узду наденет,
Коль ты лентяй и дармоед.

Коль молишься ты со смиреньем,
Ответит бог благословеньем,
Но отвернется он с презреньем,
Коль нарушаешь ты обет.

Махтумкули глубоко слово.
В нем смысл найдется для любого;
Гони бесстыжего и злого,
Нечестным в доме места нет.

ДУША ТВОЯ ЗЕРКАЛОМ РЖАВЫМ БУДЕТ

Хочешь волосы красить? Грецкий орех
С маком вместе хорошим составом будет.
Если зол ты, язык введет тебя в грех,
И душа твоя зеркалом ржавым будет.

Тот, кто зло почитает высшим из благ,
Тот в конце концов попадает впросак.
Будешь добрым — с тобой примирится враг,
Будешь зол — каждый шаг твой неправым будет.

Тот, чей нрав не терпит дурного словца,
Будет веру свою хранить до конца.
Если сердце утратит веру в творца,
Почернеет и корнем корявым будет.

Сын Адама, влачащий грех пилигрим,
Молвишь доброе слово — благодарим.
Мы не ведаем правды, но делом своим
Будешь в мире прославлен, коль правым будет.

Многозначна речь твоя, Махтумкули,
В ней не многие что-то постичь могли.
Столь различны люди и страны земли,
Но у многих суждение здравым будет.

НА ГУЛЯНЬЕ

Тот, кто в Истину влюблен,—
Весь в круженье, весь в движенье,
Он сияньем ослеплен,
От любви — в изнеможенье.

Светом Истины согрет
В рубище Ходжа Ахмат,
Он глядит на божий свет,
Трепеща от восхищенья.

К небу рвутся дерева,
Из земли растет трава.
Дервиш Истины слова
Изрекает в озаренье.

— Стань безумцем! Стань святым!
Стань родным сердцам людским!
Завещал нам Ибрагим:
Радость — в жертвоприношенье!

На святой горе Синай
Сам господь явил нам рай.
В созерцанье пребывай,
В непрерывном постиженье!

Тот, кто божий лик узрел,
Двух миров познал раздел.
Чти Коран — великих дел
И законов изложенье!

Я, Махтумкули, весь пыл
В службу Истине вложил.
Тот, кто Истину забыл,
Да останется в забвеньи!

ОДНИ МУЧЕНЬЯ

Под ярмом, гонимый Роком, ты плетешься бледной
тенью.
Чем окупятся страданья? Что нас ждет? Одни мученья.

Кровью сердца обливаясь, будешь ратовать за правду.
Ошибешься ненароком, кары жди за прегрешенья.

Ел ты, пил и безмятежно спишь, обняв свою подругу...
Не назвать ли это счастьем? Это всё — грехопаденье!

Чары женские и яства, пересуды на досуге —
Эта слабость человечья изначальна, без сомненья.

Только я не сразу понял эту истину простую
И легко попался в сети, не придав словам значенья.

О Махтумкули, всё диво, что творится в жизни с нами:
Вероломный Рок обманом обрекает на мученья!

СПЛЕТНИК

Ждет суд тебя за подлый твой язык,
Ты не избегнешь страшной доли, сплетник;
Уймись! Молчи! Ты клеветать привык,
Ты причиняешь много боли, сплетник!

В аду ты будешь громом оглушен,
В костер падешь, на льдистый сядешь трон,
В язык вопьются змей и скорпион.
Ты почернеешь поневоле, сплетник!

Твоих друзей твоя отторгнет ложь;
Твой грех — как жернов: спину ты согнешь;
Ты из геенны к богу воззовешь,—
Но небеса не далеко ли, сплетник?

Фраги сказал: лжец, сам себя вини
В том, что ты стал позором для родни;
Сам на себя в отчаянье взгляни
И ужаснешься поневоле, сплетник!

КОГДА ПРИДЕТ КОНЕЦ

Бескостным создал ты меня сначала, наш отец!
Дал в материнском лоне плоть и душу мне, творец!
Меня впустил ты в бренный мир,— как в сказочный
дворец.
Но стал я жертвою страстей, восторженный глупец...
Что сотворишь еще со мной, когда придет конец?

Иной кружится день и ночь, ища земных утех.
Там стерегут свое добро, а тут — гульба и смех.
О боже, я, твой жалкий раб, молю один за всех:
Яви нам милость, не вменяй любой проступок в грех,
Когда закончим путь земной, когда придет конец!

Глядишь: сегодня человек, кощунствуя, грешит,
А завтра он в земле сырой, в могильной тьме лежит.
Кто в твой последний, страшный час на помощь
поспешит?
— Безумец!— говорит земля.— Ты будешь позабыт,
Едва свершится жребий твой, когда придет конец...

Без помощи учителей ума не обретешь.
Тому, кто истинно влюблен, разлука — острый нож.
Любовных мук не испытав, и счастья не найдешь.
Не утоляют встречи нас, жить розно — невтерпеж.
Доколе длиться пытке злой? Когда придет конец?!

Терпенье, сердце, обрети! Не содрогайся зря!
Прилично ли столь мало знать, столь много говоря?

Текут потоки слез из глаз в соленые моря.
Господь, дай цели мне достичь, волнуясь и горя!..
Будь милосерд с моей душой, когда придет конец!

Что стонешь ты, Махтумкули, несчастный соловей,
Клубок мятущейся тоски, вместилище скорбей?!
Увы! Недуг не исцелят и тысячи врачей!
О, помяните вы меня добром в кругу друзей!..
Скажите: «Был бедняк такой»,— когда придет конец.

СВЕТОПРЕСТАВЛЕНЬЕ

Твердит мне сердце: обратись к друзьям —
Уж не пришло ли светопреставленье?
Забыт ислам. Нет веры старикам.
Пришло, наверно, светопреставленье.

Мир рушится. Кругом болезни, мор.
И будет это до каких же пор?
Коль начался у наших мулл раздор,
Пришло, наверно, светопреставленье.

Расскажет муфтий байку и, как тать,
Спешит поборы с прихожан содрать.
Как правде перед ложью устоять?
Пришло, наверно, светопреставленье.

Реис-насильник, потерявший стыд,
Петлей непокорившимся грозит.
Наш бич — пороки. Вера нам — не щит.
Пришло, наверно, светопреставленье.

Ишанам нынче лень творить намаз,
Они торгуют верой напоказ.
Еще такого не было у нас.
Пришло, наверно, светопреставленье.

Нас суфиям, увы, не обмануть:
Корысти ради в Мекку держат путь
И так скоромное едят, что просто жуть.
Пришло, наверно, светопреставленье.

Там, где курбан, галдя наперебой,
Толкутся шейхи праздною толпой.
Не чтят могилы, где почил святой.
Пришло, наверно, светопреставленье.

У родовых старейшин что за нрав:
Живут, мздоимцы, честь свою поправ.
Коль захотят, неправый будет прав.
Пришло, наверно, светопреставленье.

У бая нет почтенности былой.
Работник стонет под его пятой.
Вернется ли к униженным покой?
Пришло, наверно, светопреставленье.

В огромном мире множится разврат.
Греховности в нем больше во сто крат.
Сын грабит должников — родитель рад!
Пришло, наверно, светопреставленье.

Где нынче скромных девушек найдешь?
Девичья честь не ставится ни в грош.
Раздолье для двуличных, для святош.
Пришло, наверно, светопреставленье.

Тяжелые настали времена!
Людей толкает в бездну сатана.
Обманом вся земля полонена.
Пришло, наверно, светопреставленье.

Платить зекят не хочет богатей.
Как много стало скаредных людей!
Мир с каждым днем жесточе и лютей:
Пришло, наверно, светопреставленье.

Эх, как бы нас не затопило зло!
Жить, всё это предвидя, тяжело.
Вином торгуют — что за ремесло?!
Пришло, наверно, светопреставленье.

Махтумкули, перед лицом всех бед
Зови к благоразумью белый свет.
Исправишь ли пороки или нет,
Когда такое светопреставленье?!

НЕ ВЕЧЕН ТЫ

Земною славой не гордись, мгновенно наше бытие.
Ты не задержишься, пройдешь — не вечен ты, не
вечен ты.
Смерть-виночерпий поднесет тебе прозрачное питье,
Сам к смертной чаше припадешь — не вечен ты,
не вечен ты.

Мир — это крепость на песке, стирает время письмена.
В людской извечной кутерьме всему потеряна цена.
Где, торжествуя, жизнь цвела — пустыня мертвая
видна,
Следов кочевий не найдешь — не вечен ты, не вечен ты.

Разлука — это злой недуг, беда тому, кто разлучен.
Будь справедлив и милосерд, пока ты молод и силен.
И жизнь засветится твоя, как будто ты огнем зажжен.
Как факел, светом изойдешь — не вечен ты, не вечен ты.

Я с розой молодость сравню. Ты был цветком — увял
цветок.
Неужто ты на свете жил, и разумел, и видеть мог?
О, как легка сухая кость! Глазницы жжет сухой песок...
Ты сын земли, в нее уйдешь — не вечен ты, не вечен ты.

Знай, сорок лет не малый срок для всех живущих
на земле.
Смерть — пуля, пусть она сразит тебя не дома, а в седле.
Короткой вспышкой лучше быть, чем угольком чадить
в золе.
Как порох ты себя взорвешь — не вечен ты, не вечен ты.

Махтумкули, твоим словам и поученьям нет конца.
Ты болен, и тебя гнетет томленье близкого конца.
Не трать напрасно пыл речей, они не трогают глупца,
Ты мудр и с горечью поймешь — не вечен ты,
не вечен ты.

КОРИФЕЙ ТУРКМЕНСКОЙ ПОЭЗИИ

Прочитав книгу избранных стихотворений Махтумкули, нельзя не подивиться его творческому подвигу. Отправляясь от событий своего века, фактов личной, семейной, племенной и национальной действительности, он создал произведения, глубоко трогающие сердце и разум не только современников, но и нас, людей, живущих более чем два столетия спустя, в стране, где становятся явью его высокие мечты и чаяния о народном счастье.

«...Могучий чинар его поэзии до сих пор зеленеет и цветет в наших сердцах»,— так образно сказал о Махтумкули один из зачинателей туркменской советской литературы Берды Кербабаев (1894—1974) в докладе на торжественном вечере в Ашхабаде, посвященном 225-летию со дня рождения великого поэта и мыслителя.

Жизнеописания и автографов Махтумкули не сохранилось. Но из его произведений и народных преданий известно, что он родился в юго-западной Туркмении, в районе Кара-Кала, в местности Хаджи-Говшан, в долине реки Атрек у южных склонов Копет-Дага. Кара-Кала — теперь благоустроенный районный центр, расположенный в одной из плодородных прикопетдагских долин, где земли орошаются стекающими с гор реками и ручьями. Как выяснено советскими археологами, в этой подгорной полосе много исторических памятников; здесь люди селились, возводили поселки, занимались земледелием и ремеслами еще с шестого тысячелетия до нашей эры!

Окончив сельскую школу, где учителем был его отец — известный поэт и педагог Довлетмамед Азади (ок. 1700—1760), Махтумкули некоторое время помогает ему по хозяйству — пасет скот, возделывает землю, учится шорному делу, а затем — ювелирному. Довлетмамед, как видно из его стихотворного трактата «Вагыз азад» («Свободная проповедь»), глубоко переживал невзгоды родного народа и воспитал Махтумкули в духе гуманизма и любви к труду. Заметив рвение сына к приобретению знаний, он способствовал его дальнейшей учебе в медресе Идрис-баба на Амударье (ныне Халачский район), затем в медресе Кокальташ в Бухаре и Ширгази в Хиве. В последнем из них поэт учился, как следует из одного его стихотворения, три года.

Чтобы попасть в медресе, Махтумкули пришлось предпринимать далекие, длительные и по тому времени нелегкие путешествия. Со-

вершал он их и в последующие годы. Наблюдая жизнь разных народов, он осуждал порядки общества, где богачи угнетали бедняков:

О подлое время! О время обид!
Воителя храброго трус не щадит;
И выжига выше султана сидит
На мусорной куче несметной казны.
. . . .
Голодным да нищим кричат богачи:
«Вы нелюдь, вы только для счета нужны».

(Перевод А. Тарковского)

Говорить людям правду в такое время было трудно. Но Махтумкули оказался мужественным человеком, он не поддался соблазнам, не сбился с намеченного пути:

А все-таки я зла не полюбил —
День Истины мне светит и ночами.

(Перевод А. Тарковского)

Махтумкули был высокообразованным человеком своего времени, он многое видел как на своей родине, так и в других странах. И не случайно в его стихах находим образы его идейных предшественников — великих художников и гуманистов Имададдина Насими и Алишера Навои. Махтумкули, в свою очередь, вдохновил творчество многих поэтов, живших в его время и после него.

Махтумкули осуждал пороки современного ему общества: лень, скупость, скопидомство, трусость.

С тонкой иронией в духе народной пословицы — «У двоеженца дом всегда не подметен» — говорит он о многоженстве как явлении, разрушающем семью.

Любя одну, другую он обидит;
Он, жертва склоки, жизнь возненавидит;
Народ себе потеху в нем увидит,
А он ни дум, ни чувств не соберет.

(Перевод Г. Шенгели)

Естественно, не всем нравились обличительные стихотворения поэта. Были и такие, что старались «уберечь» от них молодежь, и потому строжайше запрещали изучать или даже читать стихи Махтумкули в дореволюционных мусульманских школах — мектебах и медресе. Но несмотря на это, творения великого поэта любимы народом. Его стихи легко запоминались, поскольку свои наблюдения и размышления он часто высказывал как афоризмы.

Сердце дважды спалить нельзя;
Мак в бурьян превратить нельзя;
Племена победить нельзя,
Если розни лихой не будет.

(Перевод А. Тарковского)

Даже в наше время не раз отмечалось, что стоит чтецу его стихотворений оговориться, допустить хотя бы небольшую неточность, как слушатели тотчас такого декламатора поправят.

Роль Махтумкули в духовной жизни родного народа значительна тем, что в час общественных невзгод он смело, с художественной силой выступил в защиту прав человека, осветил важнейшие социальные темы, расширил и углубил кругозор современников.

Личная жизнь поэта сложилась неудачно. Девушку Менгли, которую он полюбил, с ним разлучили, отдав за богатого. Недаром тема грубо растоптанных сокровенных чувств стала одной из значительных в его творчестве.

Что мне райские рощи, когда я лишен цветника,
Без которого душу терзает такая тоска,
Что рыданий подобных в аду не слыхали, Менгли!

(Перевод А. Тарковского)

Здесь Махтумкули поднимается до богоборческих мотивов, ибо, согласно мусульманскому вероучению, земная жизнь и ее привязанности — тлен, обман, она ничто по сравнению с обещанным райским блаженством.

Махтумкули — поэт, пролагавший пути к реалистическому восприятию и изображению мира, поэтому для него тема любви неотрывна от темы окружающей природы и от социальных мотивов:

Тигр охотится в камышах,
Роет червь отсыревший прах.
Тонет нищий в горьких слезах,—
Значит, к баям попал,— клянусь.

Если б руки моей Менгли
Прикоснуться к тебе могли,
Ты воспрял бы, Махтумкули,
Выше гор, тверже скал,— клянусь!..

(Перевод А. Тарковского)

Женился Махтумкули на вдове Ак-Кыз, которая родила ему двух сыновей. Но сыновья умерли в детстве. Было у поэта два родных брата — Абдулла и Мамед-Сапа, но оба, согласно народным преданиям, погибли в бою с захватчиками. Долгое время не зная о судьбе братьев, Махтумкули изливал свою тоску в лирических стихах через

близкие фольклору образы, передающие боль разлуки. Таково его обращение к утреннему ветру с просьбой принести весть о пропавшем брате:

Ветер, утренний ветер! Слугой твоим стану! Скажи
Полоненному брату: в разлуке я вяну. Скажи
Тем глазам, превращенным в горючую рану; скажи
Красоте его гордой, высокому стану скажи,
Мотыльку опаленному, бедному хану скажи.

(Перевод А. Тарковского)

По преданиям, Махтумкули дважды попадал в плен к кизылбашам, в Иран, где за время жизни туркменского классика сменились три шахские династии. Кизылбашами (буквально — «красноголовыми») первоначально называли тюрков, поддерживавших династию Сефевидов (1501—1736), уничтожив последних представителей которой, к власти пришел вождь племени афшаров шах Надир (1736—1747). В честь почитаемых двенадцати шиитских имамов воины феодальных правителей Ирана носили чалму с двенадцатью алыми полосами. Позднее прозвище «кизылбаши» часто переносилось на всех жителей Ирана.

Надир-шах предпринимал разорительные для народа грабительские завоевательные походы в Азербайджан, Армению, Грузию, Дагестан, Бухарское и Хивинское ханства, Афганистан, Белуджистан, Северо-Западную Индию. Злодеяния, чинившиеся этим деспотом, вызывали восстания крестьян, разных слоев ограбляемого населения. Обращаясь к эпическим образам защитников Гёр-оглы и Чоудор-хана, как полагают, имеющих исторических прототипов, Махтумкули воссоздал страницы героической борьбы народа. Немало свидетельств этому сохранили современники, в том числе путешественники и деловые люди. Так в записке английского купца Хэнвея говорится, что правитель Астрабада Мохаммед-Хосейн-хан получил от Надир-шаха приказ казнить всех, кто принимал участие в восстании. «Если я поступлю таким образом,— сказал правитель Хэнвею,— то я должен буду убить всех жителей провинции»[1]. «В день прибытия Хэнвея в Астрабад (16 мая 1744 г.) 30 человек должны были быть ослеплены, четыре — обезглавлены, один — сожжен живым, 200 женщин — высланы из Астрабада; половина их должна была быть продана в рабство воинам Надира. По пути в Астрабад Хэнвей и его спутники видели несколько пирамид, воздвигнутых из отрубленных голов казненных участников восстания. У самого города Астрабада навстре-

---

[1] J. Hanway. Beschreibung seiner Reisen von London durch Rußland und Persien. I Bd., Hamburg und Leipzig, 1754, S. 232.

чу Хэнвею ехали вооруженные всадники, которые вели большую толпу крестьян, ослепленных за участие в восстаниях; по лицам крестьян стекала кровь»[1].

Немало подобных свидетельств и у других очевидцев и историографов — у Махди-хана, Мухаммеда Казима, Мухаммед-Али Хазина, Фрэзера. Ими, в частности, отмечено, что подобным образом поступал после смерти Надир-шаха его племянник и преемник Али-Кули, принявший имя Али-шаха (или Адиль-шаха, то есть Справедливого шаха!); менялись династии, но не менялось положение народа.

Знакомясь с фактами, приводимыми названными авторами, нельзя не понять Махтумкули, гневно осудившего жестоких самодержцев и завоевателей:

За слово мое в кандалы закуешь.
Задушишь меня и в колодец швырнешь;
Я правду скажу возлюбившему ложь:
Убийца, ты чужд благостыни, феттах!
. . . .
Обуглилось небо от нашей тоски,
В удавках людские хрустят позвонки,
Не знают пощады твои мясники,
Но мы — не рабы, не рабыни, феттах!

(Перевод А. Тарковского)

Однажды нападение врагов привело и к уничтожению рукописей поэта: «Река умчала мной написанные книги,// И слезы горькие рекой из глаз текут».

Нас враг застал врасплох: иные в плен попали;
Тетради милые врагу добычей стали;
Пять лет моих трудов, моей мечты скрижали,—
Над ними кизылбаш свершил свой дикий суд.

(Перевод Г. Шенгели)

По-видимому, это явилось причиной отсутствия автографов поэта, хотя рукописных списков его дивана — сборника лирических стихотворений — в рукописном отделе Академии наук Туркменской ССР сейчас насчитывается более ста; есть они и в других хранилищах рукописей нашей страны и за рубежом.

Большинство этих рукописей относится к XIX и к первой половине XX века. Многие стихотворения восстановлены через устную передачу туркменских бахши — певцов и музыкантов,— репертуар которых передавался из поколения в поколение, а также отдельных

---

[1] К. З. Ашрафян. Антифеодальные движения в империи Надир-шаха (1736—1747). Ученые записки Института востоковедения АН СССР, т. VIII, Иранский сборник. М., 1963, с. 198.

любителей поэзии. У народа, до Октябрьской революции не насчитывавшего и одного грамотного на сто человек, такие источники вполне естественно имеют важное значение. К тому же подобный случай не единственный в истории литератур Востока. Достаточно вспомнить старшего современника Махтумкули классика азербайджанской литературы Вагифа (Молла-Панаха; 1717—1797), автографы стихотворений которого были уничтожены при его казни и восстановлены значительно позднее через их устную передачу.

Прошли века, прежде чем присоединение Туркмении к России положило предел гибельным внешним вторжениям и междоусобицам. Примечательно вместе с тем, что перенесенные туркменскими племенами невзгоды не сломили их духовно, не уничтожили взаимного тяготения, глубокой убежденности в том, что единение силу ломит.

XVIII век явился для туркмен временем не только больших бед, но и интенсивных и в перспективе плодотворнейших поисков и начинаний. Еще в 1714 году прибывший в Петербург от прикаспийских туркмен Ходжа-Непес рассказал Петру I о достоинствах и нуждах своей земли, просил принять туркмен в русское подданство, а также «обратить» Амударью к Каспию... Сообщение Ходжа-Непеса побудило Петра I предпринять ряд обширных обследований, в их числе восточного берега Каспийского моря.

Более ста сорока лет прошло, как стихотворения Махтумкули начали печататься в оригинале, а затем и в переводе на другие языки. Сравнительно давно была отмечена в науке популярность поэта среди туркмен как в Средней Азии, так и на Северном Кавказе. В 1872 году русский исследователь Ф. Бакулин, опубликовавший в переводе два стихотворения Махтумкули, писал, что поэт «в особенном уважении у всех вообще туркмен, без различия племен... Отдельные строфы из его стихотворений заучиваются как правила для руководства в жизни; зачастую отдельный стих приводится в разговоре в виде мудрого изречения». Выделил Бакулин и едва ли не главную черту творчества поэта, подчеркнув, что тот «постоянно мечтал о прекращении вековой вражды» между племенами и образовании ими «тесного союза против общего врага»[1].

Творчество Махтумкули получило отражение в трудах ряда востоковедов — поляка Александра Ходзько (1804—1891), профессора Петербургского университета И. Н. Березина (1818—1896) и других.

О Махтумкули как национальном поэте туркмен, творчество которого «оказывает благотворное влияние» на их нравы и обычаи, писал известный венгерский путешественник и тюрколог Герман

---

[1] Ф. Бакулин. Песни у туркмен и поэт их Махдум-Кули. «Известия Кавказского отдела Русского географического общества», т. I. Тифлис, 1872—1873, с. 106 и 107.

(Арминий) Вамбери[1], проникший к туркменам под личиной дервиша и выполнявший поручения английских колонизаторов, враждебные России. В 1879 году Вамбери издал в оригинале и немецком переводе 41 стихотворение Махтумкули. Но он искусственно придал корифею туркменской поэзии несвойственные ему черты суфия — проповедника мусульманского мистицизма,— что некритически повторяют за ним некоторые современные ученые на Западе.

Конечно, неизбывная боль за судьбу своего народа, глубокие переживания, связанные с личными и семейными несчастьями, не раз порождали чувства тоски и скорби, даже отчаяния и страха. Однако Махтумкули умел подняться над ними.

Мы сами выковали чаши
Добра и зла. В них судьбы наши.
Скажи, Фраги, какая краше,
Пока нам время не пришло.

(Перевод А. Тарковского)

Итак, не мистика, не рок, не некое наваждение свыше, а люди — творцы своей жизни. От них как зло, так и добро,— вот вывод, к которому приходит поэт.

Советским ученым принадлежат основные работы в исследовании эпохи и творчества Махтумкули. Особено велика в этом роль академиков В. В. Бартольда (1869—1930), А. Н. Самойловича (1880—1938), члена-корреспондента Академии наук СССР Е. Э. Бертельса (1890—1957) и действительных членов Академии наук Туркменской ССР Б. М. Кербабаева и Б. А. Каррыева (1914—1981).

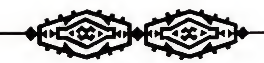
Высокие принципы гуманизма Махтумкули, его благородное чувство родины как мирного и дружественного объединения, при всем его историческом своеобразии, близко и понятно советским людям. Творческий подвиг поэта перешагнул века и снискал любовь и признательность своих соотечественников, а вместе с ними всех, кому дороги художественное слово, прогресс и мир.

Люциан Климович

---

[1] H. Vambery. Die Sprache der Turkomanen und der Diwan Mahdumkuli's. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 33 Bd., Leipzig, 1879, S. 392.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Аба (абая, абай) — плащ из грубой шерсти, национальная одежда арабов.

Аббас — шах Аббас, Аббас Великий, иранский шах (1587—1629), виднейший представитель династии Сефевидов (1501—1736); в фольклоре народов Востока изображается как мудрый государь, наделенный красноречием.

Абдал — нищий, скиталец.

Аби-Кевсер — «вода Кевсера (Кеусера), абикевсеровская вода» — вода райского источника. Она, по преданию, слаще меда, ароматней мускуса и белее молока; по мусульманским поверьям, раздает эту воду Али (см.) — «виночерпий Кевсера».

Абу-Бекр — первый мусульманский халиф (632—634), тесть Мухаммеда.

Абу-Талеб (Эбу-Талиб) — по преданию, дядя Мухаммеда, идолопоклонник.

Азан — призыв к молитве мусульман.

Азра — иначе Узра, героиня дастана персидского поэта XI века Унсури «Вамык и Узра». Вамык — образ несчастного влюбленного.

Азазел — падший ангел, сатана, демон.

Азраил — ангел смерти.

Али (Али-Шахимердан) — зять Мухаммеда, четвертый мусульманский халиф (см.) (656—661), почитается всеми мусульманами как храбрый, всесильный полководец, отсюда его эпитет «Шахимердан» — «Царь мужей, отважных».

Анаша — гашиш, индийская конопля, наркотик, употребляемый для курения.

Анка — сказочная птица огромной величины, живущая в мифических горах Каф (см.).

Арафат — священная гора в Мекке, где, по преданию, на пророка снизошла божественная благодать, отчего лицо у Мухаммеда стало ярче света. На этой горе Мухаммед совершал молитвы.

Арван — порода вьючных верблюдов.

Аргамак — породистая верховая лошадь.

Аркач — предгорья Копет-Дага.

Арш — по мусульманским представлениям, высшее небо, эмпирея, где находится престол аллаха.

Ахал — местность в районе г. Ашхабада.

Аюб (Эюб, Эюп) — библейский Иов, святой, по преданию, перенесший жестокие мучения, ниспосланные богом для испытания крепости его веры.

Баба-Омар — 1. Старец Омар — имя легендарного лица, упоминаемого Махтумкули. 2. Халиф Омар — арабский халиф (634—644), почитаемый мусульманами-суннитами как один из четырех праведных халифов; мусульмане-шииты, в частности персы, считают его узурпатором. Во время его владычества был захвачен Иран.

Бадахшан — область в Таджикистане, на Памире; в средние века славился наряду с Балхом (см.) драгоценными камнями.

Балх — город в Афганистане, в средние века славился драгоценными камнями.

Бахауддин (Бехауддин) — имя главы одного из дервишеских (см.) орденов, жившего в Бухаре в XIV в. и носившего прозвище Накшбенди.

Баязид и Вейс (см. Увейс-Карани) — по преданию, первые и ближайшие сподвижники Мухаммеда.

Бехри-баз — буревестник (морской сокол).

Бисмилла — начальные слова мусульманской молитвы «Во имя аллаха...», ставшие формулой, употребляемой перед началом любого дела.

Варка — герой средневекового любовного романа «Варка и Гюльша», сюжет которого известен среди многих народов Востока.

Габеш — Эфиопия; употребляется также в смысле «негр», «абиссинец».

Гарун ар-Рашид (763—809) — известный багдадский халиф; один из персонажей арабских сказок «1001 ночь».

Герат — город в современном Афганистане, с которым связана, в частности, деятельность великого узбекского поэта XV века Алишера Навои.

Гёр-оглы (Гор-оглы, Кёр-оглы) — герой одноименного эпоса, известного у многих народов Востока.

Гозли — букв.: прозревший. Эпитет представителей туркменского племени ата, считавших себя выходцами из Аравии.

Гульман — райский юноша.

Гурген — название местности и реки в западном Копет-Даге.

Гурджистан — Грузия.

Гюлистан — «розовый сад», символ цветущей страны.

Гюль-Ферхар — героиня повести узбекского поэта XV в. Лютфи «Гюль и Новруз», дочь падишаха Ферхара, влюбленная в царевича Новруза. Имя Гюль-Ферхар стало символом верности в любви.

Даббетил-арз — фантастическое существо, которое, по мусульманским поверьям, появится перед концом света.

Давид (Дауд, Давуд) — библейский Давид, отец Сулеймана (Соломона). По мусульманским поверьям, Давид обладал чарующим голосом, он имел сорок сыновей, которых потерял, наказанный богом за гордыню.

Дастан (дестан) — поэтическое сказание, романтическая поэма, народный роман.

Дастархан — букв.: скатерть; обильное угощение.

Даштидахан — название местности и горного прохода на границе Туркменистана и Ирана.

Деджал — мифическое существо, олицетворяющее злое начало. По мусульманским поверьям, Деджал появится в конце света; соответствует антихристу.

Дервиш — нищий, бродячий монах, приверженец суфизма — мистико-аскетического течения в исламе.

Дехистан (от «Дахистан»—«Страны дахов») — область на юге Туркмении.

Джафар — известный оружейный мастер в Исфагане (см.).

Джебраил — библейский архангел Гавриил. По мусульманским легендам, Джебраил передавал Мухаммеду вести от аллаха.

Джейран — лань, газель; красивое быстроногое животное.

Джейхун — букв.: бурный, необузданный, бушующий; название реки Амударьи.

Джемшид — мифический царь древнего Ирана и его основатель, повелитель людей и духов, обладатель сказочной чаши («Джами-Джем»), глядя в которую можно было видеть все, что происходит в мире; Джемшид якобы научил людей многим ремеслам; при нем люди не знали ни болезней, ни смерти. У Махтумкули он выступает, кроме того, и великим зодчим.

Джерджис — пророк; по мусульманским легендам, он был подвергнут язычниками страшным мучениям.

Диван — 1. Канцелярия, управление, «приказы» восточного властелина. 2. Совет, собрание высших сановников шаха, эмира, хана и т. д. 3. Сборник лирических произведений.

Дурды-шахир — поэт, современник, друг Махтумкули.

Дутар — двухструнный туркменский музыкальный инструмент.

Дэв (див) — фантастическое существо, злой дух, великан, обычный противник героя в восточных сказках и сказаниях.

Дюль-Дюль — кличка мула Али (см.).

Зал — отец Рустама, главного персонажа поэмы Фирдоуси «Шахнаме».

Зекят — установленный в средние века арабами в завоеванных ими странах ежегодный налог в пользу духовенства.

Земзем — священный колодец в Мекке.

Зенги-баба — святой, покровитель коров.

Зеравшан — букв.: «Рассыпающая золото»; символ плодородия, благоденствия; река в Узбекистане.

Зикрия — библейский Захария, отец Иоанна Крестителя, почитается у мусульман как один из пророков древности.

Зир и забар — диакритические, различительные значки арабского алфавита.

Зухра (Зохре) — планета Венера. По преданиям Востока, была земным существом, женщиной исключительной красоты, в которую влюбились посланные аллахом на землю ангелы Харут и Марут. От них Зухра узнала чудесное заклинание — тайное имя аллаха. С помощью этого заклинания вознеслась на небо, где превратилась в живую звезду, которая вечно танцует и поет в небе во главе светил, а влюбленные в нее ангелы томятся, повиснув вниз головой над пропастью.

Зюбейда (Зубейда) — сестра Махтумкули.

Зюлейха (Зулейха) — героиня многих восточных поэм, соответствует библейскому персонажу — жене египетского царедворца Пентефрия, влюбленной в Иосифа Прекрасного.

Зюльфикар — название легендарного меча халифа Али; в переносном смысле — острый, разящий насмерть меч.

Ибн-Ямин — библейский Вениамин. По мусульманским преданиям, один из многих сыновей пророка Якуба, брат Юсупа (см.).

Ибрагим — библейский Авраам. По мусульманским преданиям, пророк, живший до Мухаммеда; Ибрагим был брошен в огонь тираном Немрудом, откуда он вышел невредимым; символ страдальца за истину. В одном из преданий говорится, что бог потребовал от него жертву — сына. Ибрагим уже занес над сыном кинжал, но ангел остановил его, сказав, что это было лишь испытание его веры.

Идрис — один из пророков, предшественников Мухаммеда, отождествляется с библейским Енохом, а также с Гермесом.

Израфил — персонаж мусульманских преданий; он затрубит в трубу в день Страшного суда и воскресит мертвых.

Ильяс — пророк, соответствует библейскому Илье.

Имам — 1. Предстоятель, духовное лицо, стоящий в мечети во

время молитвы. 2. Мусульманский святой, продолжатель духовной миссии Мухаммеда.

Иса — библейский Иисус Христос. У мусульман почитается как пророк — предшественник Мухаммеда. Иса обладал, в частности, животворным дыханием, которое исцеляло больных и воскрешало мертвых.

Искандер — Александр Македонский (356—322 гг. до н. э.), вошедший в фольклор и литературу многих стран как всемогущий властелин и неутомимый путешественник.

Исфаган — город в Иране, был столицей династии Сефевидов в позднее средневековье, отсюда его эпитет «Нисби-Джахан» — «Половина мира». Славился мастерами по изготовлению оружия; в том числе исфаганских луков.

Исфендиар — один из основных героев эпопеи «Шах-наме», созданной поэтом Фирдоуси (ок. 940—1020 или 1030), а также народных сказок.

Исхак — святой, соответствует библейскому Исааку.

Ишан — 1. Высшее духовное лицо у мусульман, имевшее своих учеников-мюридов; духовный наставник общины верующих, в том числе и дервишей. 2. Почетный титул представителей некоторых туркменских родов, считающих себя выходцами из Аравии.

Кааба — высшее мусульманское святилище в Мекке, на родине Мухаммеда, куда правоверные совершают паломничество — хадж; у Махтумкули — ласкательный эпитет.

Кази — судья, разбирающий дела по религиозному законодательству — шариату.

Каймак — сметана, сливки.

Кайс — имя возлюбленного Лейли (см.), прозванного Меджнуном (см.).

Каландар — нищий, бродяга, мусульманский аскет.

Камбар (Баба Камбар) — имя слуги Али; в мифологии один из покровителей музыки, герой дестана классика туркменской литературы XVIII в. Курбанали Магрупи «Юсуп и Ахмед».

Кандахар (Кандагар) — город в Афганистане, расположенный на пути в Индию, в котором было множество буддийских храмов, разрушенных впоследствии мусульманами.

Карун — библейский Корей. По мусульманским преданиям, богач, обладающий несметными богатствами. Карун, проклятый Мусой (см.) за скупость, был поглощен землей вместе со своим богатством.

Каф — сказочные горы, якобы кольцом опоясывающие землю и держащие небесный свод; обиталище фантастических существ.

Кебаб — вид национального кушанья, нанизанные на вертел и поджаренные на углях куски баранины; образ страдающего сердца влюбленных.

Кенган (Ханаан) — местность в Палестине. По библейским сказаниям, родина Юсупа (см.); символ земли обетованной.

Кербела — город в Ираке, где в 680 году произошла битва между потомками Али (см.) и их противниками — омейядами; в битве были убиты сыновья Али — Хасан и Хусейн — и многие его родственники. Мусульмане-шииты совершают туда паломничество. Выражение «собака Кербела» связано с преданием, согласно которому собаки, после гибели своих хозяев, рыскали по пустыне в надежде найти последних.

Кесе-Аркач — местность в предгорьях Копет-Дага. Здесь, в основном, живут представители племени теке. Поэтому она называлась Ахал-Текинским оазисом.

Кикнос — сказочная птица, феникс. По греческой мифологии, птица способна сжечь себя, превратиться в пепел и вновь возродиться. В литературе — символ страданий героя по возлюбленной, уподобляется превращению Кикноса в пепел.

Килим — домотканый коврик без ворса; грубое сукно.

Кипчак — предположительно половцы; название тюркского племени, проживавшего в разных районах Средней Азии.

Книга «Жития пророков» («Кысасыл-энбия») — сочинение среднеазиатского поэта Рабгузи (XIV в.). Состоит из семидесяти двух рассказов.

Коус — мифический покровитель гор и озер.

Коусер — см. Али-Кевсер.

Куймак — мучная похлебка.

Кулан — дикий осел, отличается большой резвостью, обитает в Каракумах.

«Кулхувалла» — начальные слова первой суры Корана, означающие «это сказал аллах...»

Кульзум — так в старой туркменской литературе называлось Красное (Эритрейское) море.

Купец Мелик — персонаж сказания «Юсуп и Зулейха» (см.), египтянин — владелец богатого каравана, который купил Юсупа в Кенгане, увез его в Египет и продал Зулейхе за большую меру золота и серебра.

Курд — имеется в виду курдский народ.

Кьям-Асам-эд-Дин — букв.: «Опора религии» — арабское имя. Образ правоверного, благородного человека.

Лал — драгоценный камень алого цвета, рубин; в поэзии — синоним губ красавицы.

Лахор — город в Индии.

Левиафан — фантастическое животное, обитающее в океане. Упоминается в христианских и иудейских легендах.

Лейли — героиня романтического сказания «Лейли и Меджнун», сюжет которого обрабатывался многими восточными поэтами, в том числе классиком туркменской литературы Нурмухаммедом Андалибом (XVIII в.). Символ девушки бесконечно любящей, но не достигшей счастья.

Лукман — легендарный врач и мудрец древности, упоминаемый в фольклоре и письменной литературе народов Востока; многие лекарственные травы открыты Лукманом; прожил он якобы 4400 лет; отдельные авторы отождествляют его с Эзопом, Гиппократом.

«Ля илляха-иллялла!» — начальная формула основной молитвы мусульман, означающая «нет бога, кроме аллаха...»

Мазандеран — область Ирана на побережье Каспийского моря, где выращиваются цитрусовые; символ плодородия, изобилия редких плодов и фруктов.

Мазар — могила, гробница, мавзолей мусульманского святого.

Майя — верблюдица; в туркменской поэзии образ красавицы.

Мансур (858—922) — по прозванию Халладж (трепальщик), известный мусульманский еретик. В 922 г. в Багдаде ревнителями ортодоксальной мусульманской религии с него живьем содрали кожу; символ мужества и жестоких страданий.

Марал — лань, стройное животное с красивыми огромными глазами. В восточной поэзии веки красавицы обычно сравниваются с веками марала.

Мары (Мерв) — область и город в Туркменистане, был столицей султана Санджара (1118—1157).

Меджнун — букв.: бесноватый, одержимый бесом; прозвище юноши Кайса (см.), безумно влюбленного в Лейли (см.); символ несчастного влюбленного.

Медина — священный для мусульман город на Аравийском полуострове, прибежище Мухаммеда после бегства из Мекки в 622 году и место его погребения в 632 г. У Махтумкули слово «Медина» один из ласкательных эпитетов.

Мейхана — питейный дом, кабак.

Мекка — священный для мусульман город на Аравийском полуострове, где родился Мухаммед и находится Кааба (см.). У Махтумкули один из ласкательных эпитетов.

Мелик — правитель, повелитель, имя и приставка к имени исторических и легендарных личностей.

Мехти — последний из двенадцати мусульманских имамов (см.),

который, по мусульманским поверьям, исчез и появится в день Страшного суда и уничтожит Деджала (см.).

Мешхед — город в Иране, где покоится прах восьмого из двенадцати имамов; место поклонения и паломничества (Кизыл имам) мусульман-шиитов.

Мина́ — священная долина в восточной части Мекки.

Мир-Кулал — один из мусульманских мистиков средневековья.

Мираб — человек, ведающий распределением воды в оросительной системе.

Миср — Египет; обетованная земля.

Михраб — алтарь в мечети, показывающий направление на Мекку. В литературе брови красавицы отождествляются с дугообразной формой михраба.

Мункир и Некир — по мусульманскому поверью, два ангела, которые допрашивают покойника о его мирских деяниях, дабы установить, чего он достоин: рая или ада.

Муса — библейский пророк Моисей, почитаемый мусульманами.

Муфтий — верховный духовник мусульман-суннитов.

Муче — объем, величина, размер. Исчисление времени по животному циклу (мышь, корова, тигр, заяц, рыба, змея, лошадь, баран, обезьяна, курица, собака, свинья).

Мюрид — мусульманский послушник, последователь ишана, шейха или пира; приверженец суфийского ордена в исламе.

Мюррих (Миррих) — планета Марс. Символ войн, кровавых столкновений.

Намаз — ритуальная молитва мусульман, совершаемая пять раз в день.

Нас — табак, который кладут под язык. Изготовляется из смеси табака-самосада, растительного масла, мела и золы.

Насатан — человек, употребляющий нас.

Неджд — горная область в Аравии, где, про преданию, скитался Меджнун.

Нер (нэр, нар, инер) — особая порода верблюда, отличающаяся силой и выносливостью. Символ могучей силы и благородства.

Несими (1369—1417) — широко известный у туркмен, азербайджанцев и других народов Востока поэт. С него заживо содрали кожу, труп повесили на воротах города Алеппо (Халебе) в 1417 г. за «ересь».

Нишапур — город и область в Иране.

Новруз — праздник Нового года, совпадающий с днем весеннего равноденствия.

Ной (Нух) — библейско-коранический мифический образ. Почитается как пророк.

Нун — двадцать пятая буква арабского алфавита; символ «согбенного стана».

Нуха — город в Азербайджане. Предполагают, что в одно из своих многочисленных путешествий Махтумкули посетил Нуху.

Нушировановы дни — см. Ширван-хан.

Овез — имя собственное, возможно один из соотечественников Махтумкули (или герой эпоса «Кёр-оглы»).

Омар — второй мусульманский халиф (634—644), один из преемников Мухаммеда, завоеватель Ирана, презираемый шиитами, но почитаемый суннитами.

Осман — третий мусульманский халиф (644—656) — один из преемников Мухаммеда, при котором, по преданиям, собран в единое целое и отредактирован Коран.

Пеливан — имя одного из учителей Махтумкули.

Пери (пэри) — фея, сказочная дева необычайной красоты.

Пир — высшее духовное звание у мусульман; старец, духовный наставник мусульманской общины.

Пир-заде — потомок пира.

Рабат — крепость, укрепление, постоялый двор.

Рамазан — девятый месяц мусульманского лунного года, в течение которого мусульмане соблюдают пост.

Рей — город и область в Иране, где впоследствии возник современный Тегеран.

Реис (раис) — начальник, председатель; имя собственное, мужское.

Рейхан — душистое, ароматное растение; базилик. Эпитет, употребляемый при описании волос красавицы.

Ризван — ангел — стражник райского сада; символ терпеливости, выдержанности.

Роза́ (ораза, ураза)— мусульманский пост, соблюдаемый в течение месяца рамазана. Принимать пищу можно до восхода солнца и после его захода.

Рубыл (Равыл)— брат Юсупа. Библейский Рувим.

Рум — Византия, общее название стран запада.

Румистан — то же, что Рум.

Рустем (Рустам)— главный герой поэмы-эпопеи «Шах-наме». Образ неустрашимого и всепобеждающего героя.

Рыян — повелитель Древнего Египта. Муж Зулейхи (соответствует библейскому Пентефрию).

Саз (сааз)— музыкальный инструмент; муза, поэзия.

Сакар — по представлению мусульман, самое страшное место в аду.

Салор (салыр, салгур)— одно из туркменских племен.

Сафа — название холма близ Мекки, служит местом обрядового шествия. Паломники от Сафы бегом продвигаются к другому холму — Марва.

Сеид — потомок пророка. Имя собственное, мужское.

Сельман (Сальман)— перс по происхождению (Сальман Фарси)— друг халифа Али (см.), один из первых ревнителей ислама.

Семендер — саламандра.

Семь поясов земли.— Средневековые географы Востока делили весь мир на семь климатических поясов, так называемых «иклимов» (от греческого «клима»—«климат»).

Сенем — букв.: кумир; в переносном смысле — возлюбленная, красавица; имя героини народного дестана «Шасенем и Гариб».

Сенджабский — от «сенджаб»— серая белка, из шкурок которой шили дорогую верхнюю одежду, например легкую накидку.

Серахс — город и район в Южной Туркмении на границе с Ираном. Имеется и иранский Серахс.

Сердар — предводитель войск, военачальник, вождь, полководец. Имя собственное, мужское.

Серендиб — остров Цейлон. Сказочная страна.

Сират — по мусульманским поверьям, мост, тоньше волоса и острее сабли. По нему должны пройти все люди после воскресения из мертвых. Грешники сорвутся и попадут в ад, а праведники пройдут по нему в рай.

Сона — пестрая уточка (кряква); эпитет красивой девушки. Имя собственное, женское.

Сонги-Даг — гора в Юго-Западном Туркменистане и Северном Иране, там похоронен Махтумкули.

Сорок — эпическое число у тюрок, означающее множество кого-либо или чего-либо, нередко им определяют число героев в древних сказаниях.

Слу (сулу)— красавица.

Субхан — одно из имен аллаха. Имя собственное, мужское.

Сулейман — библейский царь и пророк Соломон (ок. 960—930 гг. до н. э.). Мудрый повелитель людей и природы. Символ могущества и справедливости.

Сунниты — наиболее распространенное направление в исламе; последователи суннитского толка мусульманской религии, признающие наряду с Кораном и сунну; враждебны шиитам (см.).

Сурайский (точнее Сурахский)— от «Сурахи», что означает флягу, сосуд с узким и длинным горлышком.

Суфий — от арабского «суф»— шерсть, «человек, носящий власяницу». Мусульманский аскет, монах, сторонник суфизма — приверженец мистического течения в исламе; в переносном смысле — ханжа, святоша.

Тавриз — город в Иране, в средние века служил столицей туркменских и азербайджанских династий.

Тартаруз и Хейкат — мифические существа.

Тахир — герой распространенной среди народов Востока романтической поэмы «Зохре и Тахир» («Тахир и Зухра»).

Теке — одно из крупных племен туркмен.

Той — пир, свадьба, празднество.

Туби (Туба)— сказочное дерево, якобы растущее в раю.

Тур — горный козел; эпитет храброго джигита (ср. русское выражение: «буй-тур»).

Туран — древнее наименование территории к северу от Ирана, населенной в основном тюркоязычными народами. Название эпической страны тюрок и родина красавиц в старой литературе.

Тюрк.— Имеется в виду тюркский народ; в переносном смысле — простак, простодушный, доверчивый.

Увейс-Карани (Вейсиль-Кара)— один из ближайших сподвижников Мухаммеда. Когда пророк потерял во время битвы свои зубы, Увейс-Карани сам выбил свои здоровые зубы, призывая и остальных последовать его примеру.

Удод — по мусульманским поверьям, любимая птица Сулеймана (Соломона). Он послал удода сватом к царице Савской (Балкис).

Фатима (Фатьма)— дочь пророка Мухаммеда, жена халифа Али, которую мусульмане почитают как святую.

Фархад (Ферхад)— герой романтической поэмы «Фархад и Ширин».

Феридун (Фаридун, Перидун)— герой поэмы Фирдоуси «Шах-наме»; символ мудрости, справедливости, мужества и героизма.

Феттах — завоеватель, угнетатель.

Франгистан — Франция и вообще страны, заселенные европейцами.

Хабил и Кабил (библейские Авель и Каин)— персонажи мусульманских преданий, братья, враждовавшие между собой.

Хаджи — мусульманин, совершивший паломничество в Мекку. Имя собственное, мужское.

Хазан — название холодного, резкого осеннего ветра. Поэтический образ внезапного бедствия и гибели людей.

Хазарское море — Каспийское море.

Халал и *Харам* — коранические понятия о «чистом» (халал) и «нечистом» (харам), «дозволенном» (халал) и «недозволенном» (харам).

Халиф — преемник; титул главы мусульман после смерти пророка Мухаммеда, почитавшегося его преемником. Первые халифы: Абу-Бекр (632—634), Омар (634—644), Осман (644—656), Али (656—661). Позднее титул халифа носили египетские и турецкие султаны.

Хамун (Хаман)— главный сановник фараона Египта, отвергавший, как и его господин, проповеди пророка Мусы и погибший вместе со своим повелителем.

Ханум — букв.: дама, госпожа; почтительное обращение к женщине.

Хасан и *Хусейн* — сыновья Али (см.), якобы убитые в битве под Кербелой. (Отсюда обряд оплакивания жертв Кербелы «шахсей-вахсей».)

Хатам — легендарный богач из арабского племени тай (отсюда его прозвище Хатам-Тай), отличавшийся, по преданиям, большой щедростью и благородством. В литературе — символ щедрости.

Хатиджа (Хадиджа)— одна из жен Мухаммеда, почитаемая мусульманами как святая; имя жены Юсупа, героя дестана Магрупи — классика туркменской литературы XVIII в.—«Юсуп и Ахмед». В поэзии — символ преданной жены.

Хейхат — загробный мир, светопреставление; междометие — выражает сожаление, досаду, горе.

Хизир (Хизр, Хидр, Хыдыр)— пророк, почитаемый мусульманами; покровитель живой природы, плодородия и путников; может оживить пустыню, приносит счастье тому, кто с ним встретится; помогает терпящим бедствие. В литературе — символ изобилия, образ спасителя из безвыходного положения.

Хинд (Хиндостан)— Индия.

Ходжа — духовник; человек, ведущий свой род от халифов; господин, хозяин; имя собственное, мужское.

Ходжа Ахмад (1103—1166)— поэт-мистик, известный под псевдонимом Ясави. Тюрки считали его святым — Туркестанским пророком. В народе бытует изречение: в Медине — Мухаммед, а в Туркестане — Ходжа Ясави.

Хорасан — обширная область, включавшая в себя в средние века ряд районов Восточного Ирана, часть Афганистана и Средней Азии со столицей Герат.

Хум — большой глиняный кувшин наподобие греческой амфоры; зарытый в землю сосуд, в котором якобы хранились золото и серебро.

Хумай (Хумаюн, Гамаюн)— сказочная птица; по восточным легендам, если тень Хумай упадет на голову счастливца, то он станет повелителем людей.

Хурджун — переметная сума из ковровой ткани.

Чал — напиток, изготовляемый из верблюжьего молока. В медицине применяется для лечения туберкулеза.

Чарыки — кустарная обувь из сыромятной кожи.

Чилим — кальян, прибор для курения табака, изготовляемый из тыквы или водного ореха, с закрытым резервуаром для воды и длинной трубкой.

Чильтены (Чихиль-Тен)— букв.: сорок святых, мифические существа, якобы вечно живые и оказывающие помощь людям, попавшим в беду; то же, что эрены (см.).

Чин-Мачин (Чин — Китай, Мачин — за Китаем)— так назывались Китай и ряд других дальневосточных стран в старой восточной литературе и фольклоре.

Чоудор-хан — имя ближайшего друга и соратника Махтумкули, воина, прославленного предводителя туркмен, погиб в бою за свободу родной земли.

Шам — Сирия.

Шариат — свод мусульманских законов, основанных на Коране.

Шахир — поэт.

Шебистан — «страна мрака»; сказочная страна, обиталище духов.

Шебли (Шибли)— прозвище легендарного шейха, поэта-суфия Абубекра Мухаммеда ибн Халафа (IX—X вв.) Отец его родился в Мавераннахре (территория между Амударьей и Сырдарьей) в селении Шибиле. По преданиям, Шибли расстался со своей возлюбленной. Печальный, он взошел на гору около Карры-Кала (южный район Туркменистана) и застонал. Из его уст вырвалось пламя и обожгло все вокруг. Вершина этой горы почернела. Она называется «Шибли». Его образ стал символом преданности, неудачливости в любви, страдальца.

Шейх-Сенган — герой фольклорных и литературных произведений в странах Востока; он из-за любви к христианке отказался от мусульманства и высокого положения, пас свиней.

Шейх (ших)— духовный наставник мусульман; всеми уважаемый человек; название одного из туркменских племен; имя собственное, мужское.

Шемгун — библейский Шмавон.

Шербет — сладкий напиток; сироп, сок.

Шииты — в исламе два направления: сунниты (см.), шииты — поклонники Али.

Ширван — город и район в Азербайджане.

Ширван-хан — правитель Ирана из династии Сасанидов; иначе Новширван, Нуширван, Ануширван, Хосров I (531—579). По преданию, в царстве Ширван-хана люди благоденствовали. Символ мудрости и справедливости.

Шир-Гази (Ширгази)— хивинский хан (1715—1727), именем которого названо высшее учебное заведение, где учился Махтумкули.

Шираз — столица Ирана в период правления регента Керим-хана Зенда (1750—1779).

Ширап (шераб)— вино, нектар.

Ширин — героиня поэмы «Фархад и Ширин»; образ преданной, любящей подруги.

Эйюп (Эйюб, Айюб)— библейский Иов. Символ терпеливости, выносливости.

Эрем (Эдем)— райский сад, якобы взращенный богоборцем Шетдатом, который был сражен богом прежде, чем вошел в сад. Символ красивых садов.

Эрены — вечноживые сказочные существа, помогающие мужественным людям.

Юнус — библейский Иона.

Юрт — жилище, дом, очаг. Страна, край, родина.

Юсуп (Юсуф)— библейский Иосиф Прекрасный. Символ красоты.

Язып — одно из древних племен.

Якуб — библейский патриарх Иаков, отец Юсупа. Символ терпеливого отца-страдальца.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПОЗНАНИЯ

КНИГА ЛЮБВИ

КНИГА РОДИНЫ

КНИГА МИРА

Махтумкули

М36 Избранное. Пер. с туркм. / Худож. Д. Шимилис.— М.: Худож. лит., 1983.—414 с., ил.

Махтумкули — классик туркменской литературы XVIII века, поэт и мыслитель. В своем творчестве он отображал страдания народа, разоренного чужеземными нашествиями, выступал за объединение враждующих туркменских племен.

В настоящее издание вошли лучшие произведения из его обширного поэтического наследия.

М $\frac{4702540100\text{-}291}{028(01)\text{-}83}$ 98-83

ББК 84Тур1
С(Туркм)1

МАХТУМКУЛИ

ИЗБРАННОЕ

Редактор
Р. Фаткуллина

Художественный редактор
С. Данилов

Технический редактор
В. Нефедова

Корректоры
Г. Верхогляд, С. Свиридов

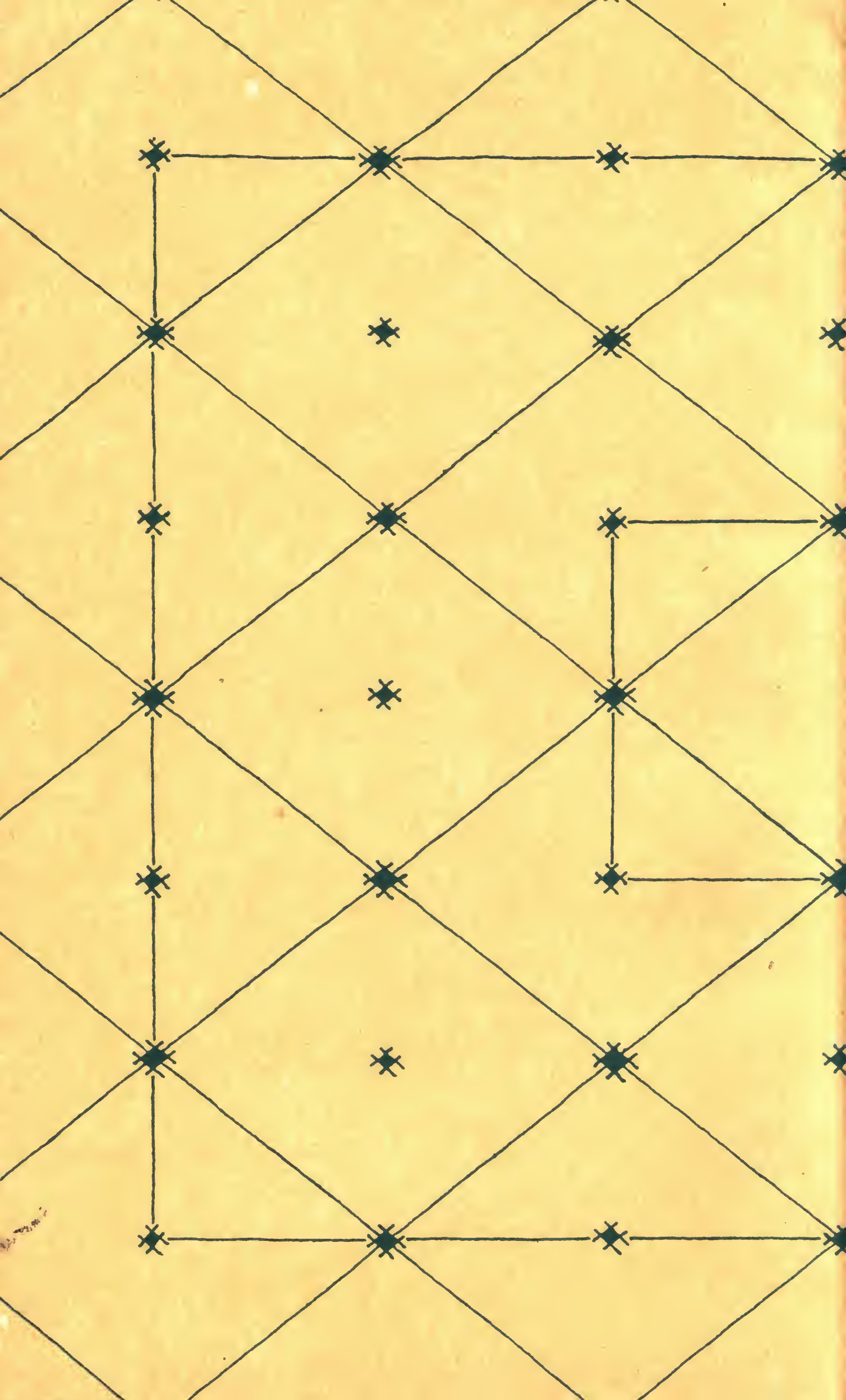
ИБ № 2854

Сдано в набор 17.11.82. Подписано в печать 11.05.83. Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84+1 вкл.=21,89. Усл. кр.-отт. 22,47. Уч.-изд. л. 15,06+1 вкл.=15,1. Тираж 25 000. Изд. № IV-1110. Заказ 1148. Цена без суперобложки 1 р. 50 к, с суперобложкой 1 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

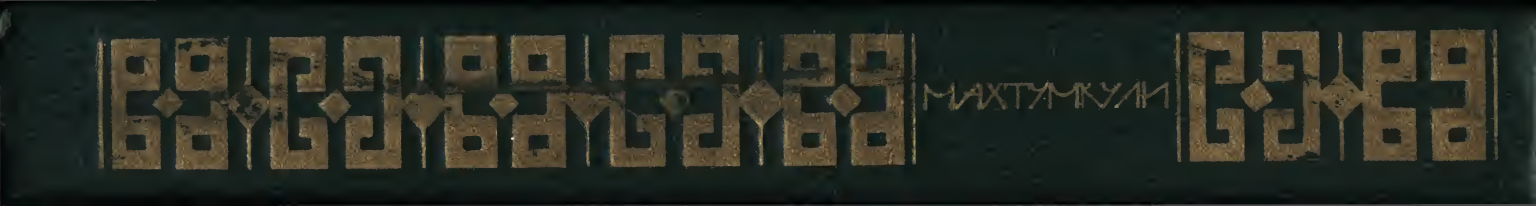
Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Можайск, ул. Мира, 93.

МАХТУМКУЛИ